

M 11 54

УСАМЛѢНЫЙ

Ю Н О Ш А.

У НОВОМЪ САДУ

НАРОДНА КНЪИГОПЕЧАТНЯ ДР. ДАН. МЕДАКОВИЋА.

1852.

P19 Cp II 162.1

MII 59

~~МЕСУ~~
Рлз Ср II 162.1

1

УСАМЛЪНЬИЙ

ЮЩОША

одъ

МИЛОВАНА ВИДАКОВИЋА.

ПРЕПЕЧАТАЛА и ИЗДАЛА

Народна Книгопечатња Др. Дан. Медаковића

Handwritten signature in brown ink, possibly reading 'Dan Medakovic'.

У НОВОМЪ САДУ.

1852.

И. С. М. П. М. П. М. П. М. П.

И. С. М. П. М. П. М. П. М. П.

№ 244845
И. С. М. П.

И. С. М. П. М. П. М. П. М. П.

И. С. М. П. М. П. М. П. М. П.

И. С. М. П. М. П. М. П. М. П.

И. С. М. П. М. П. М. П. М. П.

И. С. М. П. М. П. М. П. М. П.

1881

Пространъ е душевнѣй посао людскій, про-
страна е и сама струка књижевна, коя у по-
сао тай спада. И србска струка књижевна,
како се е развіяти почела, разгранала се е на
више грана.

Између ови књижевни грана развіо е у
србскомъ књижеству грану *Романшике* понай-
выше *Милованъ Видаковићъ*. У овой струцы
почео е онъ први оригинално радити, у овой
струцы онъ е до данасъ понайвыше урадіо.
Певдини люди превели су съ други езыка по-
едине Романе: Велизарія, Ариетида, Лаузуса и
Лидія, али оригинално е Романе Видаковићъ
почео писати. Мало ће бити и кодъ други
народа списателя, кои су у той струцы толи-
ко написали, колико е Видаковићъ на езыку
србскомъ написао. Што е іоштъ за насъ най-
важнѣе, писао е онъ Романе свое духомъ на-
роднимъ. Духъ народности србске, кои е у
почетку овога вѣка примѣтно опадали почео,
Видаковићъ е са своимъ Романима оживіо.

Сувременици Видаковића, были стари или млади, свакадъ же се радо сѣхати оны времена, у којима су Романи нѣгови излазили и у којима су и њи они читали. И данъ данашњи нѣжніемъ добу мушкараца и нѣжніемъ полу нашемъ остаю дѣла Видаковића најпріятнія. Радо се и понайвыше се она читаю свуда и на све стране.

Я нисамъ самъ у народу нашемъ, кои књижевну заслугу Видаковића яче цѣнимъ; имамо изабраны люди, кои вѣнацъ хвале сѣни нѣговой пружити неускраѣю. Самъ се са романтикомъ небавимъ и зато судъ мой о дѣлима Видаковићевимъ изрицати несмѣмъ. То смо многи увѣрени, да е онъ волю читаню и уснаваный духъ народности наше яко пробудіо, Г. Јованъ С. Поповићъ, кои е подпуно кадаръ пресуде такове изрицати, скоро е свое мнѣніе о Видаковићу и нѣговимъ дѣлима явно казао. Ту пресуду и то мнѣніе я у предговору овоме саобштавамъ читателѣма.

„Видаковићъ, чувствително срце за народность србску. Видаковићъ, кои е међъ аустрійскимъ Србљима првый процирїо стишаный оганъ къ древности своіой, умро е у Пешти чемерно, бѣдно, у највећой сиротињи. Онъ е умро, и србеко срце не осећало велику жалость. Гласови подсемя, кои су се у последнѣ време противу нѣговы књига подигли, угушили су у очима народа, лакомысленогъ народа, све оно добро, што намъ е учиніо онда, кадъ су нѣгови подсмевачи у люски были. Видаковићъ е постао предъ

метомъ сажаленя и поруганія; и како годъ што в живота свога у заборавъ дошо, тако в после смрти њгове сасвимъ изчезо споменъ. Съ немарнымъ безчувствіемъ слуша се садъ име „Видаковића“ као што су се равнодушно о њговой сиротиньи и бедѣ слушали гласови.

„Ха, ты хладное и безнѣжное Сербій нѣдро Сице ли? но сіе лучше вѣчнымъ мракомъ покрити.“

Повѣстнице в дужность оценити свакога заслуге баръ по смрти њговой безпристрастно и достойно, у толико више, што пресуде о књижевной вредности, кое се за живота списателѣва изричу, много зависи одъ њговогъ положенія, њговогъ станя, често и улагиваня. И како годъ што се гдикое дѣло или по пріятельству, или изъ подлости недостойно хвали, тако се и најболъ може или изъ неприятельства, или пристрастія похудити. А наипосле и ова стварь иде реднѣомъ као зеванѣ: хвалимъ и кудимъ, ерь то и други чине.“

Кадъ се іоште трагъ славенске литературе кодъ насъ повлачио; кадъ су се гдикои романи почели указивати; Велизаріи, Лаузусъ и Лидія, Аристидъ и Наталія и. о. п. ступи Видаковићъ (1810) са своима романима предъ лице обштинства, (Публикумъ) и каквимъ романима? народнима и именовъ и духомъ. Ко не читао у оно време њговогъ Усамлѣнога Юношу, њговогъ Велимира, Любомира и Светозара? Мужко и женско, младо и старо увеселявало се производима њговогъ чувства; и духъ народности, кои се паданю клонію, почне опетъ ширити крыла у аустрійской земљи. Свакій в тежію своме сыну, или своме кумче-

ту наденути мило му изъ Видаковићеве књиге име „Светозаръ,“ свакиъ в другояче почео о исторіи својој мислити и чувствовати! а младежъ наша, кою в геній сръбскій ознаменовао, да народу своме труде свое посвети, усхићавала се Видаковићевымъ производима до изступленія, и немогући угасити растећу жебъ књигама нѣговымъ, тражила в нове, и налазила бистріе изворе. Я се съ умилениемъ опоминѣмъ дѣйствія, кое су Видаковићеве књиге на мене, у детинству моме чиниле; и да нисамъ быо самъ, потврђую сви готово доцнѣе изишавши романи сръбски, кои нису ништа друго, него подражанія нѣговымъ повѣстима.

Ово су саме чисте заслуге нѣгове, кое тадашнѣ околности и степенъ пређашнѣгъ књижества нашегъ знаменитимъ чине.

Видаковићъ нитъ в имао свойства душевна велика, нитъ науке многостручне. Слабо познавајући странну литературу ніе се мого изобразити стално и истинито; и колико му в ова оскудица у едномъ обзыру одузимала, толико га в съ друге стране могла одржати у кругу своји и вародны чувствованя. Но человекъ, кои само одъ себе живи, и не стара се прибавити раане и изъ други предѣла, мора найпосле да потроши шта има, и подпадне сиротинѣи.

Јоштъ едну и найвећу погрешку имао в Видаковићъ, што ніе хотео са духомъ времена поступати; а списатель, кои ово или презыре, или ићи не уме, мора да остане као усамљный, свакогъ сообраштая лишены островъ. Изъ овога се види, зашто су критике овако шкодљиво на нѣга дѣйствовале. У ме-

сто да е сматрао еве као разговоръ о нѣговимъ производима, кои може свакоякій быти; да е кругъ своій мыслій разпространио, и себи новыи праваць стварао; онъ, презырући и управо мрзећи на све, што ніе изъ нѣгове старе школе, мучіо се одъ несоюзльивы стварій начинити редоставъ, и падао е у нове погрешке; премъ да се признати мора, да су и критике были много оштріе, него што е и полза кнѣжества захтевала, и сама стваръ допуштала. Видаковићево „ихъ и ахъ“ было е предметомъ найнестанніе сатире, докле се време ніе смилувало, те у новимъ кнѣжевымъ появленіямъ видимо гдигди више ихова и ахова, него кодъ самогъ нѣга. —

При оцѣнѣванію писателя и нѣовы заслуга морамо имати предъ очима увекъ време и обстоятелства у коима су писали; а особито треба имати призренія на оне, кои први ледъ пробію, или шуме врче. Ко неће уважавати Колумба, зато, што ніе умео правымъ путемъ изнаћи Америку, него е онолико кривудао и странпутичіо! И Доситей нашъ, да у садашнѣ време живи, ямачно бы другоаче писао, него пређе 70 година. Али благодаранъ потомакъ съ признателнимъ чувствомъ цени и нескладне колибице дедова своій, изъ коій е онъ потомъ лене дворове себи сазидао.

Тако дакле Видаковићъ, са свимъ погрешкама и недостатцыма, треба да остане у очима потомства свога као мужъ заслужанъ, кои е онда, кадъ нико ніе (такое рећи) давао ништа, у кругу романтике найвише давао. Две ленте, у време нужде добровольно примешене, више насъ усхићую, него у стаию излишія гомиле злата.

Чудно е свакако, да Видаковићъ ніе никако хтѣо у езыку поћи онимъ трагомъ, којимъ су скоро сви нѣгови савременици србски книжевници ишли. Онъ е на мѣстима попуштао алъ на мѣстима е у крайность тако славенизирао, да га србски читатели нису могли разумѣти. Строге критике по свој прилици были су узрокъ, што се е онъ тако узіогуніо быо.

Осимъ Романа писао е Видаковићъ, по Райћу и Енглу, Историю србску до они времена, до кои е и Райћ писао. Писао е и Граматику едну србску. Оба ова трудна посла нису му стекла гласа и имена, колико е еданъ едини Романъ нѣговъ.

Родио се е онъ у данашнѣмъ Княжеству Србиі у Неменикућама. Судба га е у Аустрию донела. Овдѣ е учио, овдѣ другима учитель быо, овдѣ све поменуте Романи е друга дѣла писао, овдѣ радіо, живіо и патіо и у Пешти 1841 год. Богу душу а земљи тѣло свое дао.

На езыкъ, којимъ е Видаковићъ свое Романи писао, тужили су се јоштѣ нѣгови савременици како ученогъ тако и другогъ грађанскогъ реда. Онъ самъ споминѣ, како су га читатели молили да тако много неславенизира и да пише чистіе србски, како ће га они лакше моћи разумѣти. Нѣму е было тешко одступати одъ писаня нѣговогъ. Међутимъ е у 3. книзи писао већѣ чистіе а насвіе како у којој.

Дан. Медаковићъ.

Како е природа дивно украсена, каковый у встеству
 поредакъ смртно око наше гледи! Оно дрво, кое е у
 пролеће цветъ увенчавао, сада зрелымъ обтерећено
 плодомъ клонуло къ земљи; каковый е чистъ, благо-
 растворенъ, и мирисомъ испунѣнъ есеный овай воз-
 духъ, коимъ я дишемъ, и кои сва крени и оживля-
 ва! — Ове зелене цвећемъ преиспунѣне около мене
 ливаде увеселяваю очи мое; оно умилно многогласны
 птица певанъ, кое я слушамъ, пробія ми сердце мое.
 Онде тихій жуборъ преко каменя кристалны поточића
 приводи мене къ сладкоме сну. Оно лако по врхови
 листнаты дрва Зефіра колебанъ баца ме у сладку не-
 ку меланхолю и сердце мое долази у движеніе! — О!
 любезна страно! коя сердце мое вежешъ; о невинно

мое увеселеніе, кое никакой погибели, никакой из-мени не подлежишь! Сердце е мое заиста оно за себе изабрало благо, у коемъ пуно свое задовольство наоди, и кое му се нигда отети не може. Оно е сазидало срећу свою на естественной красоти, слѣдователно остае му непоколебимо, како што е и естество непоколебимо.“

Овако нашъ младый Тихомиль едно есеннѣ ютро у тихой пустыньи усамлѣнѣ, не далеко одъ Колумбине у себи говораше. Онѣ тако пуштень у лене мысли' и благоумна о естеству разсуждаваня опои се сладкимъ чувствомъ, и обрати очи свое, кое у радостной сузи пливаху, на ону страну неба, одъ кое се данѣ починаше. „Дивна дѣла твоя о Господи!“ у восхищенію рекне: „како си сва премудро устроію! Я на свакомъ мене окружаваюћемъ предмету силу твою, славу, и премудрость твою назначену гледимъ! Каква се оно пурпурна указуе одећа, у кою се одъ свогѣ чертога дневный онай царѣ сунце исходећи облачи!— Како се црна ова свита, коя е за несколько часова све созданіе твое покривала, у покою и найторжественіемъ ѣутаню содржавала, како се, велимъ, лагано къ западной страни сада савія, и предѣ дневномъ ономъ звездомъ изчезава. Колико ће сада миліонѣ миліона найразличнѣгѣ рода животиня по лицу земномъ узкишити, као изъ гроба воскреснути, и за свой као наново дарованый имѣ животѣ съ новыма силама теби о свеблагій Отче! благодарити. — Суза ова, коя изъ мой о благодатно небо! очію види се, не одъ совести каквога грызеня, нити за то, што самъ се я свакога на овоме свету временнога блага

одрекао, исходи; но одъ саме мое найчистіе, и благо-
совестне къ Богу за благодѣнь твою признателности
извире. Я самъ едно твоє о великій Боже! созданіе,
кое си ты бытіемъ обдаріо, словеснымъ разумомъ
украсіо, и на вечность ону мене опредѣліо. Свако
созданіе о свомъ се бытію и животу радує, и сотимъ
тебе создателя свога слави и хвали: али ни едно по-
нятіемъ о теби обдарено нїе, као оно, кое си ты най-
после створіо, и кое си царемъ надъ вселенномъ тво-
іомъ поставіо; коме си уму сва созданія проча подло-
жіо, и нѣга себи іоштъ уподобіо. — Човекъ! най-
красніе созданіе человекъ, ако є само управо человекъ,
као што чистый изыскує разумъ, да буде. — Я самъ
истина по неиспытанымъ судьбама божіимъ людій и
свакогъ нѣновогъ временога увеселенія исключенъ;
ништа ма нѣ я самъ съ моіомъ срећомъ задоволянъ. За
мене су ове тихе шумє царске палате, за мене є
умилно оно птица певанъ, и быстри преко каменя по-
точїиѣ жуборъ сладка музика. Я одъ млогометеж-
ногъ света удалѣнъ, увеселеніе мое у невинности, не-
зависности, и духовномъ размышляваню наодимъ. Я
овде нити имамъ коме зашто завидити, нити кога не-
навидити, нити ма у чемъ ближнѣгъ могъ увредити.
Мое є сердце овде мирно, моя є совѣсть спокойна:
страсти, кое се у млоголюдномъ свету изъ суетны
коекаквы желя раѣаю, не муче душу мою. Мени є
овде безлюдна ова пустыня найславній градъ на све-
ту, проста моя раана прїятнїя него найбогатїе граѣан-
ске и господске трапезе; мой є напїтакъ ладна изъ
камена водица, моя є постеля мирисна, гди хоѣу,
трава, на коіой се онога сна наслаѣавамъ, когъ бо-

гатый грађанинъ подъ свилено-тканымъ засторима узалудъ тражи. Я теби благодаримъ о Боже! и свию блага источниче! што си ме овога сподобію живота. Я да самъ у свету остао, быо бы са светскимъ бригама, макаръ найбогатіи, изложенъ, пакъ небы честити ни знао, како бы ми дани живота протекли: ербо пристрастне у нама смртнима желъ, кадъ се изподъ узде разума одтргну, прелазе предъле, и границу нигди себи не наоде. Бедный человекъ! ако мало има, труди се више имати, а кадъ получи онолико, колико е найире желію, желя нъгова текъ тада се распали, и место што бы се овде ограничило, то оно текъ свой почетакъ на далъ узима; и докле му се годъ мнима ова срећа благонаклонна показуе, и дъла узнапредую, онъ се зауставити не уме, но текъ чакъ до изнуренія самогъ себе; нигъ е кадъ задоволянтъ, нити пакъ она блага, за коя е свакій свой покой, и само здравль дао, уживати зна. Таковый богатыръ у толико къ елу и пићу больій вкусъ одъ простога землѣдѣлца нейма, у колико су нъгова ела богатія и многочисленія. Бадава онъ свакій данъ за свой грклянъ нова и драгоценна измышлява ела, кадъ къ овима нова чувства придодати не може. Нъму све сласти съ временемъ учине се обште, нити онъ за то, што много има, више него што му естество нъгово доушта, окусити може. Я ово мое благополучіе, кое у задовольномъ срдцу, спокойномъ духу, и мирной совести наодимъ, не бы иакаръ за какво споляшиѣ оно мнимо благополучіе, очи наше заслепляваюѣ, променію. Блаженъ онай, коме е Богъ трудове нъгове благословію, те е съ правдомъ што стекао, пакъ спокойно и муд-

ро, умерено и опетъ трудећи се уживати зна; и ако му што одъ честногъ уживљѣня претиче, чува, и сматра као едно средство, съ коимъ дужность човеческу испунити може: т. е. слабоме у нужди помоћи, и съ тимъ себи нешто и преко гроба сохранява.“

„Но мы люди на овомъ свету, кадъ се тако у изобилію наодимо, да сва наша тѣлесна чувства задоволявати почнемо, постанемо сладострастніи, появи се у нама разумъ помрачаваюће страсти; у изобилію размазимо се, и душа наша као да заспи; а кадъ насъ Богъ съ болешћу, сыромашствомъ, страомъ, или ма каквымъ противнымъ случаемъ посѣти, онда страсти у нама клону, и душа наша као иза сна прене: онда дођемо къ себи и упропастимо се, кадъ видимо колико смо съ пута добродѣтели удалили се.“

„Я да самъ при мои родители, кои су ме у неги и мекомъ ономъ воспитанію — — “ хтеде юноша рѣчь продужити, али некій одострагъ жуборъ чуе, окрене се и види едногъ грдногъ човека! Онъ имаѣаше по бедри препасанъ мачъ, за поясомъ буздованъ, одно у руцы копљъ. Човекъ около 45 година и чрезвычайно големъ: бркови му се по издалека зацрне, као да црно ягнѣ у усти носаше. На глави калнакъ съ низпуштенымъ изъ нѣга црвеныъ скерлетомъ; коса дуга и лепо уплетена, чакшире плаветне и широке до сами груди, по одной пурпурной ечерми сребрна дугмета, и по ньой горня свита зелена, мало сниже колена. Десну руку мало укочену имаѣаше. На лицу нѣговомъ печаль съ некомъ умѣреномъ лютостію смешана виѣаше се. Онъ приступи къ юноши и съ добро ютро поздрави га. Но нѣгово ово изрече-

ніе, ма да е умеренымъ гласомъ изрекао, тако му изъ уста загрми, да се младићъ ужасне; за волю бо-жію, рекне у себи, ель могући да е Херкулесъ, за кога пишу, да е хале и аждае са своимъ штапомъ тукао, страшніи одъ овога быо. Онъ се спусти ту на мекану траву, и замоли младића, да му горню альи-ну скинути помогне; овај то учини, и види му руку привіену. „Има ли овде гди какво село“, запита: „Има“, рекне младићъ, варошъ нека Колумбина, но подалеко е одавде.“ „А шта ты овде чинишъ, ниси ли пастыръ?“ младићъ слегне съ рамени. „не знамъ ни самъ, шта самъ, отговори му.“ „А гди си се родіо,“ запита га Херой; „Я самъ се родіо у Косовцу поредъ Вишнице рѣке“ отвѣшта младићъ.

Херой. А да ниси и ты одъ Каравлашке садъ дошао?

Юноша. Нисамъ: я већъ одъ неколико година овде се близу у едномъ монастыру наодимъ.

Херой. Мени се чини, да самъ я тебе тамо у войни видіо; такій истый младићъ твогъ возраста и подобія.

Юноша. Нађесе людій наликъ, но мене знамъ, да ниси до данасъ видіо, као ни я тебе, нитъ самъ я кадгодъ преко Дунава быо.

Херой. А при чему се овде бавишъ?

Юноша. Ни при чему; е тако, као што ме видишъ.

Хер. Како бы то было; — а имашъ ли кога одъ рода?

Юноша. (Съ уздисаємъ.) Не знамъ садъ ни за кога.

Хер. Валя да си ђакъ у монастыру?

Юноша. Быо самъ, но садъ нисамъ.

Хер. А ели далеко тай монастыръ?

Юноша. Ние далеко, између она два брдашца, што се виду (показуюћи му рукомъ) а я се овде, придода, у монастырской башти понайвише наодимъ, коя е мало ближе одъ манастыра овамо.

Хер. А знашъ ли кнѣгу?

Юноша. То ми е една на овомъ свету забава, у читаню кнѣга я увеселеніе и утѣху находимъ.

Хер. Пакъ како се не запоишъ?

Юноша. Може и то временомъ быти, али волю за садъ ни на каквѣй чинъ на свету немамъ.

Хер. А како ти е име.

Юноша. Мени е име Тихомиль.

Хер. Дед' молимъ те Тихомиле! помогни ми ову рану привити! — то рекавши скине завой и кадъ види младићъ, подиђу га мрави, каква страшна рана бјаше. „Шта ти се чини“ запита га хоће ли кадъ та моя рана зарастити?

Юноша. Врло е запуштена, како ми се види, и страшна рана; но я знамъ некогъ доброгъ искусногъ лекара, кои неверуемъ, да ти ю небы излечіо.

Хер. Богъ бы изъ тебе проговоріо.

Юноша. Смемъ ли запытати, како си е достао?

Хер. Е мой брате! пытай ме болъ, како самъ и главу изнео, гди самъ быо. Но я самъ на теби примѣтіо, да си се ты одъ мене, кадъ си ме угледао, мало уплашіо; кажи ми право, за каквога ме човека ты држишъ?

Юноша. Право да ти кажемъ, ты или си какавъ арамбаша, или войникъ, или найпосле (нехоѣаше изреѣи) но дао бы Богъ да си! —

Херой. (Прихвати му речъ) Я самъ войникъ быю, алъ самъ садъ ништа, кадъ самъ овако осакаѣенъ. — Ты валя да си чуо од прво оно страшно у Каравлашкой сраженіе Баязита цара съ Тамерланомъ татарскимъ кралѣмъ.

Юноша. Я самъ чуо нешто, али нисамъ известно башъ разумети могао, ел' истина, да е Баязитъ онако несреѣно съ Тамерланомъ прошао.

Херой. Онъ е разбіенъ сасвимъ и уваѣенъ, я самъ га очима гледао, кадъ су га у ланцу предъ Тамерлана довели.

Юноша. Дакле ты вальда си у србскомъ полку быо?

Херой. У србскомъ съ Турцы заедно. Знашъ, да е госпоѣа Милица после сраженія косовскогъ на тай начинъ съ Баязитомъ миръ, да ю више не дира, и учинила, да му обадва сына своя Стефана и Вулка съ некииъ числомъ воинства у помоѣ дае. Сада су дакле обадва она, вако чуемъ, у Цариграду, такоѣе и Георгій Вуковъ; а Григорій заробленъ.

Юноша. Ахъ не говори! — А шта се, молимъ те, за Милеву сестру нѣову чуе? гди е она сада?

Херой. Она е была за Баязита удата, то мыслимъ, да си чуо, дакле е и ню Тамерланъ заробіо. При овимъ речма юноша духомъ клоне, и пусти се у мысли, поѣути, по томъ рекне: „Како е име теби?“

Херой. Мени е име Никодимъ.

Юноша. Брате Никодиме! ты мени јошть као непознатомъ нећешъ пріятельство одрећи, да дођешъ самномъ у мое обиталиште? оно е таки овде (показујући рукомъ на нека къ Дунаву идући узвышена брдашца) я знамъ, придода, да си ты као путникъ и гладанъ, ако те не будемъ у станю, као што бы хтео, угостити, а я ћу те съ чимъ могу, али усрдно дочекати.

Ноју дакле тамо у разговорю; юноша га запыта, гди се родіо. Я самъ се родіо у светогъ Саве Принциповины, у маломъ некомъ месту, кое се Подгорица зове.

У светогъ Саве Принциповины! гди е то? то е Херцеговина, одговори Никодимъ, коя се одъ Босне и Србіе къ Црной Гори простире. А Херцеговина? я знамъ врло добро.

Међу тимъ доју къ одной пештери, коя у самомъ камену наокупъ изсечена біяше; ово е рекне му мой пустынической домъ, овде я самъ више него у монастыру пребывамъ, ово е место прибежиште мое одъ пространогъ света; овде я усамлѣнъ младость мою изнуравамъ; но при свему я самъ задоволянъ съ онимъ, што ми е судба моя у жребіе подала.

Одъ ове пештере една велика планина почетакъ свой узимаше, спроју кое млога брдашца и весели лугови место заузимаху. Выше пештере по одномъ мало нагнутомъ брдашцу столетный, и реткий растови, као кедри на лівану виђаху се, съ долиъ стране къ некимъ съ цвѣемъ посутымъ ливадама густе шуме као рукомъ насађене чиняху се. Ту ништа чути ние кромъ цвркутанъ по многолистныхъ дрвма птица,

и тихе преко каменя поточне жуборе . . . „Видишь!“ рекне юноша другу, каквый е овай чистъ воздух, и пріятный по нѣму отъ польскогъ цвећа мирись. Како намъ овде птичице умилно певаю; само кадъ бы имао едногъ доброгъ друга, съ коимъ бы невинно мое ово увеселеніе сваки данъ дѣлити могао; пакъ на часть свакоме сва она светска по градови измышлѣна веселя, гди раскошный порокъ понайвише царствуе. О любезный Никодиме! какове пріятности сердце чувствително у красоту естественно свакии данъ почрпавати може!

Со тимъ отвори пештеру свою, чиста и спремлѣна као каква ѣлица бѣяше, една одъ просте даске лавка, две столице креветъ и неколико комади земляны судова цело покуѣство нѣгово виѣаше се. Онъ наложи ватру и пристави зелена пасуля, кое е онъ увече іоштъ набрао быо, да се кува за ручакъ. „Младъ е пасуль“ говорехи другу сад ѣе се скувати, а имамо мекана лебца, кога ми е мало пре башчованъ изъ манастира донео; такоѣе и одну дыню и две лубенице, кое самъ закопао поредъ воде у землю, да ми ладне за ручакъ буду, као да самъ знао, да ѣу госта имати; само намъ фали по коя чаша вина, но Богъ ѣе намъ и овай недостатакъ надокнадити: пиѣемо изъ кондіра башчовановогъ, а онъ некъ иде у манастиръ по друго; а лепо га е овде поредъ едногъ ладногъ источника, да му се лади, метуо, и ніе смотрио мене, да самъ га узео на умъ, а заслужио е, да му еданпутъ вино поіемъ, ербо е и онъ ономадъ мое две дынѣ изъ воде, гди самъ я ладити метуо, однео.“ Ово говорехи тури рукомъ у одну страну дувара, и

отвори врата, коя се примѣтити нису могла; кадъ тамо, алъ една прекрасна црквица, у коіой предъ неколико дивно измолваны светы образа зейтинъ тихо гораше. „Овде се,“ рекне страноме, „я Богу молимъ.“ Никодиму падне у очи нека надъ врати одъ чисто бѣлогъ мермера плоча, са изсечены овы стихови :

Пожихъ лѣта многа
Въ семъ уединеніи
Упражняюсь, всегда
Во святомъ писаніи,
Всеу умъ мой возводихъ
Постигнути тайну,
Разсуждая о многихъ
Богомъ сокровенну,
Сто тридесать лѣта
Аки нѣка завѣса
Покриваше всегда
Духа моего очеса!
Много кратъ плакахся
Слезы проливая,
Богу Творцу молихся
Руки простирая :
Виновниче созданій!
Освѣтли ми духъ мой
При послѣднемъ издыханіи,
Да узрю путь свой

Камо азъ пойду

Изъ сего тѣла :

Обрѣсти ли буду

Добрый покой за дѣла.

Долгій мой животъ

Аки сонъ утренній,

Или скорый свѣтъ

Преко неба молній

Пройде, исчезну

Къ гробу приближуся

И сіе въ минуту

Се быти мнитмися —

О суето суетствъ

Вся земная блага!

Всяка сладость богатствъ

И слава всяка! —

Азъ старецъ смиренный

Теофанъ сіе

Рабъ Божій грѣшный

Во кратцѣ житіе

Мое здѣ пишу

На мраморнѣмъ камени

Отдавая (Богу) душу

Тѣло же земли. —

Простите мя вси

О человѣцы!

Простите мя любезни

Вси мои потомцы!

Се двери вѣчности

Отверстыя вижу,

Се лики Ангелстїи

Поющыя слышу! —

О смертный некійся

Души покой снискати,

Отъ порока клонися,

Добродѣтель люби:

Добродѣтель насъ пратить

Преко гроба мрачна,

И во мѣсто уводитъ,

Гдѣ суть благозрачна. —

Коль сладостна пища

Ея тиха надежда,

Благорастворяюща

Горкость смерти всегда. —

Тѣло мое съ червми

Истлѣти будетъ,

Душа же съ Ангели

Во вѣки поживетъ.

„Тай истый пустыньикъ“, рекне юноша „ову е пештеру изсеи дао; онъ е у ншой 57 година, како казую, живіо. Онъ е быо калуѣръ, наученъ човекъ, и добродѣтеланъ. Онъ е са своимъ умѣреннымъ жив-

ленѣмъ, особито у овоме здоровѣ мѣсту сто тридесеть година поживію, и колико га старіи наши калуѣри пампе, свагда е здоровъ быо; гди се родію, нико знао ніе. Пре него што ѣу я оваме доѣи“ продужи юноша, „на 7 година преставію се, и овде е, (показуюѣи) подѣ овомѣ плочомѣ погребенѣ: онѣ, кадѣ е познао, да ѣе умрети, даде позвати еднога старца изѣ манастира, те му ове стіхове изговори, кои потомѣ на той плочи изсече. А како самѣ я овамо дошао, казаѣу ти, и сва моя тайна приключенія, коя іюштѣ нико незна, теби ѣу едноме саобштити. Но време е, да што ручамо, а ручакѣ е ево готовѣ.“ „Сила е заиста тай поживію“ излазеѣи Никодимѣ рекне, „али ако е толико дугій животѣ у пустыни са звериняма провео, и свему сачовечеству нинакакову ползу ніе быо, ніе достоянѣ спомена.“ „А! быо е, како чуемѣ, изредный проповедникѣ слова божіегѣ,“ рекне юноша и со тимѣ доѣу п седну ручати подѣ еданѣ стародревный выше дома растѣ. „Неѣешѣ моѣи, може быти“ рекне юноша „себи представити, како ми е драго, што те е случай тако на мене нанео; едно што самѣ желанѣ, да сѣ кимѣ проговоримѣ, а друго што си сада одѣ тога сраженія дошао; кажи ми, молимѣ те, еси ли одавно веѣи войникѣ?“ На кое херой: „Има скоро 18 година, одѣ како непресечно подѣ оружіемѣ служимѣ.“

„Но ово тринаеста година, одѣ како Баязита служимѣ, быо ми се овай войничкій чинѣ са свимѣ омразію.“ „Бл' ти отацѣ войникѣ быо“ запита юноша. „Мой е отацѣ“ одговори Херой „быо простый пастырѣ, чувао овце, но быо е добарѣ гавда, имао е стову сил-

ну; имао самъ я юштѣ два брата, кои су на полю Косову у жалостномъ ономъ съ Турцы сраженю предъ моима очима пали, камо среѣа да самъ се и самъ онде скончао, но ево веѣтъ, како реко, тринаеста година одкако Турчина служити морамъ; но хвала Богу да се еданпутъ избави Баязита, или болъ да рекнемъ звера несыта, кои е толикій светъ узбуніо быо.“ „Дакле ты си и на Косову у войны быо?“ — съ восторгомъ запыта юноша. „Бсамъ заиста быо, одговори херой, и 7 рана онде самъ я добіо, пакъ ево ме и данасъ жива. — Ей!“ — машеѣи главомъ продужи беседу — „оногъ сраженія нит' е гди было, нити ѣ заръ быги, нити бы ти я ужасный онай меѣу два силна народа бой описати умео. — Турчинъ истина съ много веѣимъ числомъ одржао е побѣду надъ нама, али га е скупо стало, они ѣду одъ рода на родъ своимъ потомцыма са Србиномъ бой на Косову преповедати.“

Юноша на то уздане. „Ей Боже мой!“ рекне „оно ме е сраженіе вечигой жалости и предало; онде самъ и я мога сладкогъ родителя изгубіо, коега е смръть и животъ мое матере похитила, а мене у жалость погрузивши у ову пустыню оправила.“ Ово юноша изрекавши гронуше му сузе низъ образъ, и мало умукне. — Потомъ „я не веруемъ да ты нѣга ниси познавао?“ „Може быти,“ одговори Никодимъ; „а како се звао твой отацъ?“ „Стефанъ Мусиѣъ.“ — „Стефанъ Мусиѣъ!“ — „и ты си нѣговъ сынъ?“ — „Я заиста, несретный нѣговъ единацъ, ако си га познавао.“ Никодимъ съ удивленіемъ: „Смефанъ Мусиѣъ войвода?“ „Войвода“ одговори юноша съ уздысаемъ,

„и у двору совѣтникъ е былъ!“ — „О чуда шта ми каза! и ты си нѣговъ сынъ!“ — „Я истый, дакле си ты нѣга познава?“ — „О како не бы я мога Полковника познавао! кои самъ съ нѣмъ неразлучно, и подъ нѣговомъ управомъ три годиче воєвао, хмъ! хмъ! хмъ! Како е съ тобомъ среѣа поступила те си овамо дошао; та нѣ ли онъ толика стяжанія своя имао, а Турцы вашъ предѣлъ съ ове стране Мораве нису нападали?“ „Истина“ одговори юноша, „одъ Турака е сва наша страна мирна остала, али друго се зло мѣня збыло.“ „Отаць да ти е погинуо то знамъ“ рекне херой, „ахъ Богъ да га у вечности оной упокои и славу му небесну даде. Блажена и света душа, дивный мужъ, и бодрый херой! онъ е достоянъ одъ целогъ народа нашегъ оплаканъ быти; онъ колико е храбаръ толико е великодушанъ, колико е силанъ толико е милостивъ былъ.“ Сада юноша одъ плача ништа говорити немогаше, и онъ му допусти неколико минута сузама олакшати своѣ срдцу; потомъ кротко опомене га: „Не тужи любезный мой! тако безмерно! нѣ онъ самъ но цело наше благородство онде е пало, не сокрушавай се као они, кои надежде на Бога немаю; опомени се да смо Христіани, Богъ е заръ хтео, да тако буде. Онъ е свой драгоценный животъ, као и многіи други за свой родъ, кои е любіо, жертвовао и юначки нѣга изгубіо. Онъ испунивши славно дужность свою, сада се вечнога наслађава покоя. Оплакуймо боль“ продужи херой „насъ саме, кои смо дочекали да насъ Варваринъ данъ на данъ мачемъ истреблюе, и наше красно отечество, кое су нама праотцы

наши кровію задобили, неправедно отимаю, и себи присваю наше одъ много стотина година сазидане градове, руше и немилостиво обараю тако да до сто година ни слѣда може быти потомцы наши трудова свои предкова познати нећеду: Баязита се избависмо, али може быти да е нѣгово паденіе горему іошгъ путь къ нама отворило. Како бы было сада силноме Стефану кадъ бы устао, и за мало време ужасну ову у свомъ отечеству промену видіо.“

Надежду благоласкателну сада имамо у младоме деспоту Стефану, но опетъ Богъ зна како ће бити; неслога, коя е наше силе и разрушила, яко се међу нашимъ угньвиздила.

Сирота госпођа Милица опетъ е за благостояніе свога народа мудро промотрила, што е видећи себе у тесноћи припала свирѣпоме и крвожедноме Баязиту молити. Она е нѣму за оне отете одъ нѣ предъле велику сумму преко године плаћати обећала, само да бы осталу часть царства своимъ синовима, младымъ наслѣдницыма задржати могла. И она е нѣга со тимъ кое како смирила и удовольила была; али треокаяный Вукъ незадоволянъ са своимъ саномъ Деспотства, ополчи се противъ нѣ, свое вунце и законне повелительнице! да іой одузме све и себе кралѣмъ учини, коя желя ніе му се при Мурату отцу Баязита испунила; кадъ е сирѣчь Мурату отишао, и съ нымъ уговоръ учиніо быо, да ће му свога господина и таста Лазара на Косову полю издати, и нѣму на руку учинити, да онъ надъ Србиномъ побѣду одржи, пакъ да га за то кралѣмъ постави! іоштъ окаянный ко овомъ беззаконномъ дѣлу придода зло и веће, што о истой

предаи на праведна Милоша, Милана и Ивана кодъ Лазара лагати почне; а то е чиніо за то да бы подозреніе избегао, кое су ови на нѣга о томъ већъ имали. И ови као люди благосовестни тако се за то огорче, да намере невиность свою предъ целимъ светомъ дѣломъ осведоче. Оду дакле онако увређени и лютити међу Турке, Мурата убію, и сами ту после довольногъ съ Турцы бореня погину.“

После сраженія косовскогъ кадъ е Вукъ противъ Милице оружіе дигао, была е сырота принуђена наново молити онога за помоћъ противъ свога зета, кога е мало пре едва за миръ, да ю више недира, намолила была. . . Баязиту е лако сада было у мутной води рыбу ловити: онъ е видіо ова жалостна међу Србима неслога да се на нѣгову сређу клони. Драговољно обећа нѣой помоћъ, и противъ Вука заштиту, али да му она даде свою наймлађу кћеръ Милеву за жену, и къ томе јоштъ два сына Стефана и Вука съ добримъ числомъ воинства, да при нѣму подъ оружіемъ служе.

Што ће сырота размишљавала е свакојко, оћели се на тако захтеванъ упустити, или не. Найпосле да истреби унутрашнѣга врага, кои свима јаму рые, и коиа, посовѣтуе се съ Патріархомъ и са своимъ штатусомъ, и жертвуе како свою прекрасну кћеръ Милеву, тако и два любезна съ воинствомъ Баязиту на службу сына.

Баязитъ сада помоћъ свою пуници не закосни; онъ таки на Вука удари, и сву ону часть царства, кою е онъ као Деспотъ притяжавас, отме и Милицы присвои, а нѣму само неки предѣлъ, да може по ха-

рантеру са своіомъ фамиліомъ поштено живити, остави. И тако ево већъ тринайста година одъ како се Милева съ Баязитомъ обручила, и одъ кога времена сылови Лазареви, и Вукови Баязиту служити мораю.

„Садъ разсуди да су Србљи сами себи Турцы были, и да е нѣова неслога проузроковала отечеству нашему паденіе. — У исто време кадъ имъ е непри- ятель съ толикомъ силомъ изъ Азіе на вратъ дошао, родисе међу нѣима вражда, и раздоръ! — не чудим- се што смо пали, но како смо се могли и овако одр- жати. . . . Любезный мой!“ настави Херой „тешко о- номъ народу, гди се таква погибелна куга, сирѣчь неслога међу прве, одъ кои народъ зависи, усели, и гди такови еданъ на другога дува, еданъ другомъ за- види, ненавиди, и свакій заповедникъ хоће да буде, а нико да се повинует. . . . Заръ бы мы на Косову из- губили, да нѣ Вукъ кралѣмъ быти зажеліо, и добро- га Кнеза и Краля свога изневеріо?“ — „Блѣ могуће молимъ те,“ рекне юноша секући диню „да е онъ е- данъ съ нѣговимъ поступкомъ томе узрокъ быо, да наши изгубе?“ „Онъ истина“ продужи „да е онде изневеріо, али велимъ, съ онолико войске, што е съ собомъ одвео, нѣ толикій уштрѣбъ силе учинити мо- гао: ербо чуемъ 10 хиляда што е при себи имао, ви- ше нѣ на страну уклоніо.“ „Десетъ хиляда, одгово- ри херой, али самы коняника, и одабрани юнака, осо- бито у онай ма, кадъ бы еданъ момакъ више потре- банъ быо него другій путъ десетъ. — Али нѣ све- вла у томе, но што е три најпоглавитія полка Лаза- рева обезглавіо, кадъ е вождове оне славне, за кое е мало пре речъ была, кодъ кнеза облагао, те оду и

погину, кои бы съ воинствомъ свакии своимъ управляю!
Знашь ли любезный мой Тихомилю! да су оно огневити змаеви были: цело е наше царсто съ нѣма дично было, они су три яка стуба была, на којма е оно почивало, пробиѣду стотине година да онакове юнаке неће србска мати одити. Што се Грчка древна дивила съ Ахилесомъ, Херкулесомъ, и Улисесомъ, то се Србія съ Милошемъ, Миланомъ и Иваномъ дичити могла, Они не само да су редке оне дарове и таланте, кои се у войничкомъ чину изыскую, притяжавали, но и найсвети онай за отечество свое пламень любви у срцу е нѣовомъ горео.“ „Истина“ превати юноша речъ, „да су были юнацы, и бодри за родъ свой, како чуемъ, ревнительи, али слабость су свою у томе показали, што нису могли гнѣву своемъ одолѣти, ярость свою умерити, и благоразумниимъ начиномъ да оправдаю себе, безъ штете общества поступити, него тумаре и оду те погину.“ „Е! мой Тихомилю! — чудна е стварь кадъ човекъ унутрашнимъ некимъ душе свое побуѣнѣлъ, потрудисе себи славу какву задобити, любовь кодъ свои заслужити, и честь разпрострѣти, пакъ кадъ таковый съ правдомъ и добродѣтелию чрезъ многе године то получи, и текъ што у срдцу своемъ оваковы трудовы своей сладость осети, а другій му дође, и неправеднымъ начиномъ, изъ саме зависти, што онъ нѣ быо кадаръ то заслужити, отргне му и отме. Многій нѣи за то окривлю, што они нису могли мало себе у онай ма побѣдити, али! — чудно е то; у одномъ славолубивомъ витезу, не тражи благо и смирено разсудлива филозофа. — Правый филозофъ ма каквимъ на нѣга нашошеніемъ увре-

дйти се не може; ерѣ онѣ ако признае у совести сво-
іой обиду ону, коя бы му ве учинила, да е заслужіо,
срди се самѣ на себе, и самѣ свой судія быва, аколи
му совесть нѣгова каже, да оно ніе истина, но из-
мышльвна лажѣ на нѣга, онѣ нити мари нити се ср-
ди, нека гогори тко што оѣе, онѣ сиа своя дѣла по
совести управля, пакѣ мирно спава, и безбрижно жи-
ви. Али у оваковы людій сферу войника не пиши.“

„Али видишь любезный мой Никодиме!“ рекне
юноша, „неки гогоре да Вукѣ ніе хтео Лазара на Ко-
сову изневерити, но да е онѣ предвидіо турску силу,
пакѣ Лазара советовао, да се уклони съ войскомѣ, и
да мирѣ одѣ Мурата ма на кои, за тада, начинѣ за-
иште, и потомѣ кадѣ бы за себе благонаклонитію
прилику улучили, да на нѣга нападну; и Лазарѣ то
ніе хтео, а онѣ —“ „не! не!“ пресече овоме речѣ Ни-
кодимѣ, „ніе то тако было; Вука сада изговарати,
толико значи, као араѣна съ сапуномѣ прати. Може
говорити ко што оѣе, али я знамѣ. Кадѣ е онѣ пра-
вый свога отечества ревнитель, и истинный сынѣ, заш-
то е потомѣ на госпою Милицу войску дигао? Веруй
ты мени, као самовидцу овога дѣла, да онѣ ніе оно
число войске на Косову уклоніо, мы бы савршену
надѣ Турчиномѣ побѣду одржали. Знашь ли ты да
су намѣ Турцы три-пута леѣа окренули были, и да
се турско воинство толико умалило было, да бы ій
лако съ петѣ, шесть хиляда добры и одморны юнака
побѣдити могли. Али веѣѣ бы и проѣе“.

„Но кажи ми, кога си ты мене іоштѣ да самѣ
помыслио, што си заустіо, а изреѣи ниси хтео; када
си рекао: „ты или си какавѣ войникѣ, или араѣмбаша,

или найпосле — но о да бы мени то Богъ дао“ ко е тай?“ „Я самъ помыслио“ одговори юноша, да ниси одкудъ мой уякъ Кралъвиѣ Марко; кога, има да 10 година видіо нисамъ, опетъ обликъ нѣговъ, кои е врло твое подобанъ, добро ми у памети стои, и за то самъ се быо обрадовао.“

„Ей! Марко! Марко!“ кликне Никодимъ „шта самъ га съ нѣмъ віна поію! — А ниси за нѣга што чуо?“ „А одъ кога бы я овде чути могао“ рекне юноша, „онъ е морао гди погинути, кадъ га одъ неколико година нема.“ „Онъ е погинуо“ придода Никодимъ „веѣъ ово е седма година! . Кадъ е Баязитъ Милеву узео, и съ госпоіомъ Милицомъ миръ утврдіо, треѣе године скупи войску, и удари на грчке земль. Завоюе Македонію, Тракію и Тесалію, потомъ и Бугарску; и видеѣи себи среѣу толико благонаклонну и добаръ у оружію успѣхъ, покуша у исто време и преко Дунава преѣи и Влае завоевати. Іонъ Мирче влашкій войвода извештенъ будуѣи о нѣму, каква е звѣрь, скупи све по своіой држави, кои е годъ оружіе носити мого, и начини еданъ великій при Ровнику лежиръ; а остали народъ свой старо, младо и слабо, даде уккониини коекудъ у планине. Мы хрістіани, кои смо при Баязиту были, сви смо еднородно желили, да бы Богъ хрістіанима на помоѣ спѣшіо, и нѣи одъ непріятеля заштитіо. Истый Кралъвиѣ Марко, ахъ! добрый мой побратимъ и юнакъ на далеко чувенъ. ренношу къ хрістіанима распалѣнъ онъ рекне: „Я Бога молимъ да хрістіанима буде помоѣникъ, пакъ таки првый некъ у овомъ рату погинемъ.“ И Богъ

в нѣговъ животъ дотле сахранію. докле е оно, што е пожелію, очима видію.“

„У вече пре него што ћемо се съ Власи ударити, съ нѣмъ самъ последній путь вечерао, и у разговору до саме зоре ноћъ провео: было е насъ у дружеству четворица; попили смо неколико ока віна. Кадъ у ютру рано огласе бубнѣви и таламбаси да се рдаримо; и мы смо тако трезвени были, како годъ што мене садъ гледашъ; изгрлимо се и излюбимо, као да се више нигда видити нећемо, пакъ онда свакій у свой станъ одемо; и текъ што се данъ и ноћъ делити почну. 22 Януара изиђу неколико на коньи напредъ предъ непріятелиа, и толико число ставе се на противъ одъ Мирчеви: ови првій бой по обичаю почну. . Потомъ мало помало обе садъ стране у движеніе дођоше, као годъ кадъ ветаръ и олуя шуму какву залюля; и кадъ се помешасмо таквогъ окршая! такве сече и звеке оружія у свой данъ нитъ си видію ни чуо! крвь е свуда потокомъ текла; али врло е мало траяло; преодоле хрстіанска страна, Турцы обрну леђа и кудъ кои бегати почну. А наши деспоти кадъ то видише, заокрену свою войску за неку планину: но ту е онакови србски юнака погинуло, да се самъ Базитъ за нѣма заплакао, и говорію: „Не жалимъ я што самъ овде мейданъ изгубію, нити е захтевати да мени срећа свагда по жельи послужи, но жао ми е што изгуби онакове юнаке, особито неке одъ Србаля, на кое самъ велику надежду имао.“ Дакле ту вальда е и мой уякъ Марко погенуо?“ занята юноша.

„Кадъ се“ рекне херой „самномъ полюбію и опростію, на едно подругій сатъ потомъ смотримъ случай-

но у сраженію едногъ грдногъ Влашину, кои се на коню полегао пакъ съ дугимъ мачемъ млави пусте Турке као какву децу, и некако приближи се къ мени, ба-
цимъ око на нѣга и упронастимъ се, кадъ видимъ,
да е то Марко! — кадъ се брже преобукао, шта ли е
чинію, Богъ бы га знао; превали свое велике очи на
мене пакъ ми рече: „Овако побро! светао ти образъ!
овако као и я брани ближнѣга и брата съ коимъ се
изъ еднога путіра пречешуешъ“. — Више га за
тымъ нисамъ видію, но чуо самъ да е ту за цело по-
гинуо.“

„Ту Власи съ божіомъ помоћу одрже побѣду, и
Баязитъ разбіенъ и посрамлѣнъ врати се съ остат-
комъ войске свое преко Дунава у Бугарску.“

„Ту за неко време одпочине, и войску свою по-
нови, али неспокойный и преко мере у нѣму славо-
любивый духъ нѣ му дуго у миру пребивати допу-
стію; оде и обседне Цариградъ! Судбина е заръ отло-
жила была да се овай славный градъ іоштъ за неко
време одъ хрістіана не одтргне; опетъ одступи одъ
нѣга, ербо Жигмундъ унгарскій краль чуе, да е Бая-
зитъ све свое силе сада къ Цариграду прибрао, пакъ
скупи одъ околны царева силну войску, и дође у Бу-
гарску съ намѣромъ све оне хрістіанске провинціе одъ
нѣга одузети и себи присвоити. Ово нѣгово благо
предпріятіе целомъ хрістіанству надежду у срдцу ро-
ди; свакога е срдце радость занимала, свакій е бла-
гожелателне о нѣму молитве Бѣгу одавао. Но бада-
ва! суђено е заръ было да хрістіани за исправленіе
свое подъ варварскій бычь подпаду, и за неко време
стрпенѣмъ стяжаваю душе свое. Жигмундъ е съ та-

квомъ надеждошъ на Баязита-пошаа, да е самъ говорио: „Толико оружанъ десница имамъ, да кадъ бы само небо доле клонуло, моя бы га войска съ копляма подупрети могла.“ Но естъ! — Како се Баязитъ о нѣговомъ долазку извести, одма остави Цариградъ, и привуче воинство свое къ Никополю, и ту се спрѣху свога новаго соперника укрепи. После нѣколико дана сразу се, и страшанъ бой учине. Жигмундъ имаюћи много войске витежки се подуго држао, но на послѣдакъ клоне, и тако му войска ту изгине, да се едва самъ, кои се хвалю небо копляма задржати, на одной лаѣицы преко Дунава спасао, и Дунавомъ одплива у Цариградъ, изъ Цариграда потомъ чакъ у Родосъ островъ, изъ Родоса у Далмацію, а изъ Далмаціе врати се у свою землю.“ Юноша машећи главомъ „хмъ! хмъ! хмъ! — Правый е, што велишь, бычь одъ Бога на насъ послать. — Но како ће молимъ те Баязитъ съ Тамерланомъ почети, кои му е тако лепо доскочио?“ — „То е было овако:

„Између Мануила Палеолога и Андроника брата нѣгова у Цариграду родисе нека вражда и ненависть: они се почну као и наши Деспоти о круни, и царскомъ трону препирати. После дугогъ препирания Андроникъ Мануила метне у тавницу. Овай после некогъ времена помоћу себи наклониты пріятеля изъ тавнице спасесе, и прибегне Баязиту, моли нѣга да бы га противъ брата свога заштитю, и обећа 30 хиляда дуката плаћати, и съ нѣимъ кудъ годъ му заповѣди уратъ иѣи ако му онъ јоштъ съ толико помогне, да може брата свога низвергнути и на престолъ царскій сести.“

„Баязитъ не толико дуката ради, колико едногъ Императора за свога вазалла (покорнога слугу) имати, найохотнѣе о томъ потрудитесе, и за мало време овое желю испуни; Андроника збацы а Мануила на нѣгово место постави. . Сада Мануило морао е играти, како му е Баязитъ свирао; — мораому е съ воинствомъ као робъ служити! . . . Ето любезный мой! каквый е плодъ неслоге и грднѣ! — кадъ му се већъ, зверообразномъ и ненасытомъ Баязиту по обеѣнаню своему, толике службе одавати досади, одступи одъ нѣга и одрекне му свое повинованіе: но сотимъ га у такову ярость постави, да му овай таки съ войскомъ Цариградъ обседне.“

„Мануило сравняваюћи свою силу съ нѣговымъ, видіо е да му одпоръ дати не може; прибегне дакле Тамерлану татарскомъ краљу, моли га, и обеѣна му целый Императоріумъ уступити, само да бы га одъ насилія Баязитога ослободіо.“

„Тамерлану ова кондиція допадне се, онъ безъ свакогъ одлаганя скупи многочислену войску, покріе поля и горе са шаторима. Баязитъ такође укрепи себе на спрамъ нѣга добро. За неколико дана стра и надежда међу нѣима волновали се почне, коме ће се среѣна благонаклоно показати. Найпосле Баязитъ потайный некій у срдцу страа осети, да не прође и сада као прошасте године съ Власима; пошалъ посланике и моли свога соперника за миръ. Али сва она обеѣаня, за коя е онъ миръ купити хтео, учине се Тамерлану у сравненю царскогъ престола, кои се нѣму обеѣава, мало и ништа. Онъ одбацы просбу нѣгову, и конечно съ нѣимъ се ударити завешта. Баязитъ съ ладномъ

сада надеждомъ постави воинство свое у поредакъ, и стане ѿ словомъ ободравати, особито насъ Срблъ говореѣи овако: „Вы сте отрасль древны Славяна, съ коима е Александеръ Філіпновъ сынъ негда Азію подрео, и великогъ Дарію побѣдіо: ваши су враотцы при нѣму то име *славянъ* за храбрость и вѣрность свою и получили, а вы ѣете при мени оно сада потврдити. И истина наши су се Деспоти нѣму овде вѣрни показали: храбро и ревностно противъ Тамерлана съ нама борилсе: „но наше мало число шта е могло противъ онолике сыле учинити? Туклисмо се и секли четири дана едно за другимъ, све у променителномъ успѣху, часъ нама е среѣна поспѣшила, часъ нѣима: была е една и друга страна кое одъ глади, кое одъ умора клонула, и последнѣ свое крепости по дуго у равновѣсію држала, тако да се ніе могло видити коя ѣе наипосле триумфирати. Крвь се ту безштедно пролила, и цело полъ мртвимъ тѣлесима покривено и у крви огрезло было.“

Напоследакъ башъ у подне кадъ се зацрни една више насъ планина съ новомъ войскомъ, коя е Тамерлану сада у помоѣ дошла: стра и трепсть на насъ нападне! Сви Баязитови кудъ кои у бежанію спасеніе потраже. Видеѣи то нашъ преславный Деспоть Стефанъ, одма съ трубомъ стане воинство србско сабирати: призове себи Вука брата, и свое неѣаке; наложи имъ, да добро позоръ даду, и ако увиду, да Баязитъ коначно губи, и неприятель у оружію успѣва, да траже себи прибѣжиште у близу лежеѣимъ горама. Ніе прошло за тимъ по саата, али великій Везиръ, кои е са сами Яничари устопце за Баязитомъ

ишао, погине: и будући у исти ма ту се случи Григорію Вуковомъ съ едно двеста момака Србаля быти, одма дакле прими воинство нѣгово, стане управляти, и Баязита витежки бранити. Али на еданпутъ Тамерланова войска съ планина слежесе, и испуни Марсово полъ, како годъ одъ какве бурне кише кадъ полету стрмо потоцы. Кои онако одморни за тили часъ просеку себе путъ къ Баязиту, и нѣга заедно съ Григоріемъ увате, и своме краљу као найвећій добитакъ одведу! Овай га таки даде у златне ланце метнути. Мало потомъ доведу и царицу Милеву, кою сѹ на левомъ крилу іоштъ найпре заробили были.“ — „Шта е тада са Стефаномъ и остали Србљи было;“ запита Юноша.

„Стефанъ како е то видіо, таки са своимъ братомъ и Георгіемъ мане мачемъ на свое воинство, кое му іоштъ погинуло ніе было, и уклони се за одну планину; потомъ чуемъ да су отишли у Цариградъ, и оданде вратили се у отечество: еданъ ми одономадъ каза, да е Деспотъ свога неѣака одъ Татара искупіо; а за Милеву ништа нисамъ могао разумети; я кадъ самъ одонудъ, као робъ избегао. остала е іоштъ при Тамерлану, но не веруемъ да ю неѣе одпустити, и брату послати, кои, како кажу, млого о томъ послуе.“

„Како то? а шта ѣе съ царемъ, заръ нѣга неѣе пустити? нигда во вѣки“ одговори Нікодимъ „не веруемъ“ придода „да га ніе већъ до садъ на другій светъ послао. — Нѣга кадъ доведу предъ Тамерлана у ланцы, рекне му Тамерланъ: „Но Баязите! кажи ми право, шта бы ти мени чинію, да самъ я тако у твоє

руке пао?“ — На кое овай слегнувши рамени: „Право да ти кажемъ, я бы те затворио у клетку, и кадъ бы ручао, дао бы те довести, и подъ мою трапезу привезати, пакъ бы те корицама, и съ трапезе мов мрвама раніо.“ „Шта далъ?“ запыта Тамерланъ. — „Кадъ бы годъ хгео на коня сести, одговори Баязитъ употребио бы те за столицу, и съ твои бы леѣа на коня седао.“ — Насмее се Тамерланъ. „Е! тако ѣу и я съ тобомъ поступати вели, моіой судбини, коя ми е такову упорну главу у руке предала.“

„Ето видишь какви су варварски обычаи, и каква су слѣдства зверске силе, гди закони нису, по којима се управљати валя, и безъ кои човекъ неки путъ гори, него безсловесни зверъ бива.“

„Шта е далъ съ њима се збило незнамъ, хвала Богу да самъ се я избавіо. Я теби укратко повесть мою каза, садъ желимъ разумети твоя тайна приключенія, како си овде дошао. Я самъ твога доброгъ родителя познавао, и познавало га е цело отество наше; онъ е быо у слави, и свудъ у почитанію, и онъ е толика добра притяжавао! каква е дакле то промена, како ли е могла њгова смръть тебе наслѣдія исклучити, и ели твое станъ двору познато: све ми кажи као брату.“ „Ништа заиста и нећу ти зайти“ рекне юноша, „одъ човека така;“ и сотымъ устане и донесе кондиръ съ ладнымъ виномъ и сира: „Дедъ молимъ те! напише подобро, пакъ ѣу и я; ево узми сира, младъ е и врло добра вкуса, одъ оваца, кое садъ већъ мало даю, алъ е само масло, а я идемъ донети изъ бостана диню и лубеницу.“

Ето ти га гди иде, носи одну дыню и лубеницу: а предъ нѣма на сводъ вѣнове лозе сплетене, по којма се виде плаветни и жути гроздъ. Онъ узме кондиръ: „Здравъ ми буди.“ Напивши се, овако разговоръ поведе; „я слушаюћи повесть твою у чудне неке мысли погрузими се духъ мой. Я самъ любитель повести; повести намъ великій свѣтъ подаю: у нѣма се одкриваю и зли и добри примери. — Особито у вољи имамъ повести войничке. Ово е повесть настави Юноша „іоштъ жива, пакъ колико задовољство слушаюћи у нѣой наодимъ; а іоштъ кадъ предузмемо такве изъ кнѣига читати, и видимо, као у огледалу, шта су наши на неколико хиљада година праотцы чинили, и разсудимо нѣиовы дѣла слѣдства, получавамо заиста лепо отуда знанѣ. — Сырота Милева!“ при, дода далъ, дика женскога пола! гди се налази! — Богъ всеблагъ, желимъ да ю избави, и печалву матеръ сотымъ утѣши, — Познаемъ ю врло добро, она е была мала іоштъ, кадъ самъ я съ покойно почившимъ оцемъ моимъ у Крушевацъ одлазио, и неколико пути у двору бѣю. Мой е отацъ кодъ преславни нѣны родителя особиту благодать имао; любили су га преко сваке мѣре, блаженочившій и светочитаемый Кнезъ доста бы ме пути као дете помиловао, и шалеѣисе: „ти ћешъ быти зетъ мой“ рекао: на кое бы се я заруменію, и одъ стыда главу бы къ земљи низпустио. — „Она ће безъ сваке сумнѣ, рекне Никодимъ одпуштена быти; будући Тамерланъ сада съ Хрістіанима саюзъ имъ, веће онъ просьбу деспота одбацѣти.“ — Овде мало као замишљвни поћуте — потомъ Юноша съ овакомъ беседомъ пресече ћутанѣ.

„Ніе потребно, любезный мой! да ти я житіе мое издалъ починѣмъ; но оданде, одкада ме е ереѣа моя оставила, и одкада ме е судбина моя съ врѣу мога благополучія и славе у бездну печали, и очаянія низринула; али хвала буди Богу на свему: валя ми се трпльнѣмъ Јова спасати, и печаль мою на Бога возвести, говореѣи као и онъ: „Благая пріяхомъ одъ руки Господни, злая же не претерпимъ? — Кадъ е царъ Муратъ први путъ при Топлицы и Плочнику одъ наши онако страшно разбіенъ быо, да се самъ съ неколико люди едва бегствомъ спасо, ты то боль можешъ знати, него я, кои самъ онда одъ едно 10 година быо; ту е мой отаць тако ранѣнъ быо, да е по године у кревету одлежо: мыслили смо, да ни о-стати неѣе, и были смо га неколико пута оплакали, а онъ бы, памгимъ као данасъ, рекао: „Што плачете Богъ васъ видіо! ако умремъ, задоволянъ баръ съ овогъ света полазимъ, што смо Асіска супостата разбили, и за море прогнали: што бы веляше боль было, дуже поживити, а као жена кодъ куѣе седеѣи.“

„Мало помало съ божіомъ помоѣу онъ се изъ постелъ предигне, и у кратко време сасвимъ издрави, суѣено му е заръ было да се іоштъ еданпутъ, ахъ! и последный путъ за любезно отечество свое крвлю обліе, и тада животъ свой изгуби! — Не дуго, како и самъ знашъ, мы смо се покоя и мира наслаѣавали, пакъ ето ти Мурата, како казую съ трыста иляда войника изъ Азіе опетъ наново! Онъ се уподоблявао у своимъ дѣйствіама идри, што пишу за ню, кадъ іой се една глава одсече, друга таки нарасти: прикрили съ толикимъ людствомъ и шатори це-

ло полъ Косово, те ти мой отаць опетъ на войску! прође неко време, добре гласове чуемо, да Муратъ далъ не сме, и да наше воинство, ма да в манъ числомъ, врло сирѣху нѣга укрепљено стои, весело и благонадеждно съ неприятельмъ ударити се чека. Мой отаць ту в неодступно пребывао, и матери почесто, да се не брине, писао.“

„Я едно ютро летнѣ, лицемъ на с. Константина и Блену, устанемъ порано, уземъ слуге, и хртове, дамъ дозвати јоште еднога младића, съ коимъ самъ се назіо: пакъ седнемо на конѣ и изиђемо у ловъ. Около подне угрее насъ данъ тако, да се наћи нисмо могли: и будући време в было што и поручати, спустимосе у некој поляни, кою друмъ пресецаше, подъ едно велико дрво на траву, и пустимо конѣ да пасу; текъ што мы ручати почнемо, и гледимо наше хртове, како уморени дакху, алъ ето ти едногъ човека друмомъ; у одной руцы штапъ, а у другой писмо носи, и на рамену привиту хальину. Пошлѣмъ слугу да истрчи предъ нѣга, и сврати га на чашу вина, и ако буде гладанъ, да руча. Кадъ овај дође, дадемо му ести и пити; запытамъ га одкуда е, и коме кнѣигу носи; „я самъ“ вели „изъ Ораовице, и носимъ кнѣигу господину Стефану Мусићу у Косоваць.“ „Алъ онъ нѣе дома“ рекнемъ му я „но дай мени да видимъ шта е, я самъ нѣговъ сынъ:“ но овај недаде: „добро!“ велимъ му „а ты носи у дворъ, тамо в мати:“ на то онъ: „мени е казано да ће и господинъ данасъ ва цело доћи и ако не буде већъ и дошао:“ со тимъ захвали намъ, и оде. . Я о томъ толико и не мысля, нитъ самъ веровао, да ће отаць тай данъ доћи.“

„Мы се потомъ кое куда по лугови задоцнимо, и поитимо дома, кадъ тамо, ал' мой отаць; отаць и стина да е дошао было, и юнгъ съ нымъ нека, мени непозната, господа. . . Я радосѣу восхиштень пригрчимъ му у обятія, и онъ мене къ родительскимъ пригрливши прсыма полюби, ал' вешто невесео, как-вогъ я нигда до тада видіо нисамъ! Погледимъ на странну господа, учинимъ имъ по дужности моіой поклоненіе, кои такоѣръ забринутіи вешто виѣаху се! онда и мени изчезне прва радость, и чисто осетимъ ладно сердце у мени: пустим се у мысао, што бы то быти могло.“

„Време буде вечерати, донесе се ело на трапезу; 12 слугу почну послуживати: пытамъ матеръ, и молимъ да ми каже, за што е отаць невесео; неѣ! но као мало и срдита „заръ ты морашъ свашто знати“ рекне ми. Легнемо спавати, но мени се ту ноѣ не спава, мыслимъ, како ѣу ову тайну изпитати; най-после едно средство наѣемъ, и сутра данъ како се уграбимъ отчине себе, гди е онъ имао обычай, кадъ е дома, кнѣиге читати, и гди е кадъ и кадъ съ матеромъ, или съ каквимъ гостомъ после ручка седіо, и тихо се разговарао, уѣемъ садъ у ову, пакъ се подвучемъ подъ креветъ, и чекамъ ту не бы л' дошли, и штогодъ говорити почели; ербо видимъ, да се вешто буне, али не знамъ шта е, мучи ме и гризе неизвестность. Кадъ ал' отворе се врата; извиримъ исподъ кревета, и видимъ матеръ, Богъ да ми ю прости, гди едногъ одъ оны странны господина на врата предъ себе пропусти, а отаць за ными двома иде.“

„Кадъ уђу оны тако, мати понуди госта да седне, и сама узме место на седишту поредъ нѣга, а отаць по соби горе и доле одати почне. — Пођуте мало и потомъ отаць: „Ако буде истина“ вели „неће за насъ добро быти.“ Странный прехвати речъ: „Я самъ се згрозю, кадъ ми Князь каза, но я ни данасъ ни сутра о Милошу сумняти се не могу, неће Милошъ то учинити, „зашто,“ вели „онъ ніе пређе на нѣга што говорю, но башъ одъ оно доба, одъ како се съ нѣмъ свади, и одъ како му Милошъ претити поче! — Онъ као старіи и Деспотъ (продужи странный) ако е найманъ на Милошу подозрѣнъ спазю, да ће онъ насъ изневерити, дужанъ е было одма, ако не явно, а оно тайно Князу у уши пустити.“ На то мой отаць: „Вѣруй ты мени брате! што ћу я садъ рећи, а овде смо сами, я се више боимъ, да то исто ђаволско дѣло Вуково не буде, кое онъ на другогъ потвара; чудне речи“ вели, „одономадъ еданъ ми (некъ му остане име) о нѣму изговори, и онако доказуе, кое се може веровати, да е Вукъ истый науміо нешто учинити! — И по свой прилици онъ е было већъ кодъ Мурата.“

„Изъ ове нѣове беседе известимъ се я о Вуковомъ лукавству, да се почело откривати, и да су се сви за то уплашили были. Они забринути мало пођуте, за тымъ мати моя узданувши рекне: „Јо! наопако су се оне две свадиле, и у зао часъ по насъ, да се оне,“ рече „нису свадиле были, не бы се ни међу та два човека таква свађа родила.“ — „Е моя госпоіо!“ привати странный, пређе е іоштъ тога Вукъ мысао свою на зло обратіо: знате ли вы, да е Милошъ мени едан-путъ, докъ су іоштъ у любви бы-

ли, о нѣму нешто говорію, кое ми е много мыслити дало, и садъ видимъ, да ће се онако збыти: но будући сумняо се и самъ, ніе хотео никоме явити, докле се не бы болъ за истину одкудъ потврдило.“

„Све на страну“ придода отаць „за то се ніе толико бояти; еръ, како се тако прочуло, то мора штогодъ быти, зато одсадъ ће насъ свію око нѣга позоръ дати, и на сваку нѣгову стазу, и такођеръ и Милошеву, ма да га невина быти судимо, хоћемо пазити тако, да ма кои одъ нѣи быю, неће моћи, ако е што с намыслию, у дѣйство привести: но што ћемо, ако буде, као што се говори, да е нова войска Мурату изъ Авіе дошла, а мы будући никакой се помоћи са стране одкудъ надати неможемо, но сами оноликой сили предстати! Та неће може быти одъ насъ еданъ на нѣіови десеть достати моћи!“ На то странный устане, и на ногу речъ продужи.“

После довольногоъ разговора, и журбе шта ћеду чинити, полюбисе съ мои родители и извиђе; мой отаць пратећи га изъ себе рекне му: „я брате како иамъ досадъ, тако ћу и одъ садъ дужность мою, кою за свету почитуемъ, извршивати, и за мой народъ, коме самъ заклетъ, и много обвезанъ, животъ самъ жертвовати, а кои не буде тако радію, Богъ нека му суди; камо срећа, да смо сви у братской слогѣ, како што су и наши праотцы были!“ „Гди е слога любезный мой“ рекне странный, „ту е и божіи благословъ, но Богъ бы дао, да то кодъ наши у ово време буде.“ То му бы последня речъ; онъ оде, а родители се мои у кабинетъ поврате. Седну, и поведу наново разговоръ. Мене видиги подъ криветомъ нису могли;

еръ еу свилене навлаке низъ креветъ до самогъ спод-
да спуштене былое.“

„Мати моя рекне отцу: „Али шта е то было,
молимъ те! Говорили самъ Вукъ на Милоша, или се
и съ друге стране што за нѣга прочуло?“ На ков
отаць: „Ахъ! не пытай шта е, неће добро быти, пакъ
край! — Ние бадава Муратъ толико време чекао,
онъ ће дочекати, чини ми се, благополучну за себе
прилику. Вукъ ће намъ свима најпосле главе доћи.
Я два дана више се не могу дома задржавати: но ако
видишъ што“ рече „или чуешъ, да бы мы, Боже са-
храни, по несрећи на Косову изгубили, покупи што
можешъ, пакъ узми дете и бежи у Банатъ. Я толи-
ко година“ вели „како воюемъ, но нигда ми ние ова-
ко, као сада срдце зебло; самъ Богъ може дати, да
добро буде. Ништа манъ имаймо надежду на Бога! —
Ако буде нѣгова света воля, те я погинемъ, и више
се не вратимъ, аманетъ ти божиј оставлямъ, гледай
за дете, шта ћешъ чинити.“

„И тако далъ, остале и последнѣ съ нѣоме у-
редбе располагаше. Мати моя сузама поливена, у
торжественомъ ѣутаню нѣга е слушала. Я такође,
као дете едва самъ се задржао, да плачевный гласъ
нелустимъ.“

„Они изиђу, а я лагано извучемъ се, и у другу
собу, а изъ друге у трећу одемъ, чинећи се и не-
вештъ, да самъ чуо: жеђъ ми се любопытства баше
угасила, али стра и жалость за родителѣмъ, гди ће
до два дана да иде, и Богъ зна хоће ли се игда ви-
ше вратити, растрзаваше срдце мое и смућаваше духъ
мой у мени.“

Третьй данъ осване, данъ вековечного нашего съ нѣмъ расставка! Онъ мене зовне у истый кабинетъ, гдѣ застанемъ печальну мою мать. Како я уѣдемъ, они оба двое седну, и любезный мой родитель овако ми говорити почне: „Сыне мой! е ли дете дужно любити свое родитель?“ Я благочинно предъ нѣма стоећи есть, да како, одговоримъ учтиво, „самъ Богъ тако заповеда, и усађени у срце наше законъ естества то чинити намъ налаже.“ „А зашто“ вели, можешъ ли се опоменути, како самъ те много пута учио? „Прво за то, рекнемъ я, што смо чрезъ родитель одъ Бога у бытіе наше приведени, и одъ нѣи смо животъ получили; а друго за нѣову къ нама безпредѣлну любовь, и неусипне о срећи нашей трудове, и стараня, коя они чрезъ цео животъ свой носе. И кои бы се, продужимъ, „за такова благодарня неблагодаранъ показао, тай бы заиста предъ самымъ Богомъ сгрешіо, тай бы совесть свою увредіо, и найнесрећнии на свету сынъ постао.“ „А у чему дете родительма любовь свою показати може?“ „У томъ, одговоримъ я, кадъ се дете отцу и матери, а такођеръ и другимъ старимъ, одъ кога бы зависило, повинув, слуша и совете такovy, коя се на нѣгову ползу и срећу клоне, благоохотно прима, и пашти се нѣи у дѣйство привести.“ „Шта даль?“ „кадъ сваку прилику избегава нѣи увредити, оскорбити, или на гнѣвъ подићи: и ово е прва у детету добродѣтели, коя се за изворъ свакогъ будућегъ добра, или тврдо основаніе други добродѣтели признати може; као што е югунство, и упорство првый у нѣму порокъ, кой е противоположенъ, и одъ кога се безчисленна времена

номъ зла рађаю. „А одъ куда то бива,“ придо-
да покойный, „да нека деца изъ малена іоштъ биваю
добра и покорна, учтива и благообразна, коя су сва-
комъ мила и любезна; а нека на противъ іогунаста,
неваляла, безобразна и свакомъ мрска; рађа ли се то
съ нѣима или после одъ кудъ получаваю?“ Бива
одъ воспитанія;“ рекнемъ я: „ербо дете кадъ се ро-
ди, оно нитъ е зло, ни добро, будући да ништа не зна,
но потомъ кадъ мало одрасти, како се кое настави и
упути, онако и бива.“ „А ко е дужанъ дати прво
воспитаніе децы?“ „Родители, ко бы другій.“ „Я
мыслимъ, вели, да нема на свету таковы родителя,
кои не бы желили, да имъ деца добра, благонаравна,
а притомъ колико е могуће и обученна буду; сва ли
се инди она зла и невалялства, коя у некима види-
мо, одъ туда рађаю, што родители дужность свою у
воспитанію пренебрегну?“ — Я на то поћутимъ, и мы-
слимъ шта ћу му одговорити; онда онъ: „Не! мой
сынко, некій родители истина дужность свою у томъ
изоставе, за кое ћеду, ма кадъ, одговоръ давати, што
децу свою, колико имъ е могуће было, воспитали ни-
су, да имъ добра буду: али већа се зла рађаю одъ
туда, што некїи не само пренебрегну децы своіой до-
бро дати воспитаніе, него іоштъ изъ слепа къ нѣима
и убиточне любви размазе їй, съ коимъ и оно у нѣи-
ма много пута покваре, што бы изъ некогъ благо-
подраженія, по примеру други, добро у себе и безъ
истиногъ воспитанія присвоили; особито матер е, кое
имаду обичай децу из малена мазећи кварити!“ „Ты
си,“ вели ми, „много путій чуо и видіо, како самъ я
твою мамицу покварао, и како бы се на ню срдіо. до-

кле бы ю спазію, да те мази, и да ти што по твоіо и неразумной вољи чини. Свака мой сыне! благоразумна мати любовь къ детету своме у прсима, изъ коій га в оддоила, сакривенну носи, и у томъ му само такову показуе, када му брижљиво чува здрављъ, пази да се не осакати, и приљжно настои, да га лепо воспита, а не у мазеню, и свакій часъ цмаканю, у комъ она суетно неко срдца задовольство наоди, а нѣму потомъ што Богъ да. Детету се материя нега допада, еръ оно мыслити незна, ни слѣдства разсудити може: оно, кадъ га родители нѣгови мало строго држе, или за какву погрешку кад-кадъ ударе, види му се противно, и ако бы му се неправо што чинило; а кадъ дође у совршеный свой разумъ, онда ће признати, да су оно были знацы родительске къ нѣму любви. Зато сыне! послушай и овай савѣтъ мой, които као отаць при полазку моме даемъ, и тако удуби речи мое у срдце, да ій нигда не заборавишъ; и кадъ се вратимъ, да ми као урокъ на память изговоришъ.“ — Ово изрекавши заблистаю му се очи у сузама, кога я нигда, да се заплакао, видію нисамъ, као што и садъ, за неиспустити изъ очію сузу пресече своз слово; и мало умукне, еръ е онъ за непристойно држао херою заплакати се, кое е женама, како онъ веляше, свойствено. За тимъ опетъ овако ми почне: „Люби Бога! люби ближнѣгъ свога! и самогъ себе! — Ове су три најглавніе заповеди, изъ коій друге све происходе, и на којима е целый законъ, као на три стуба основанъ и утврђенъ. . Люби Бога, као најкрайнѣ и вечно свое благо, са умилениемъ срдца, и са истиномъ радосћу духа, испуњаваюћи тога свету

волю; а на то ће те разумъ, унутрашній нашъ Ангелъ, ако се нѣму ушловинуешъ, упутити и чиста у свакомъ дѣлу и предпріятію савестъ къ томе опоменути; бываю ли дѣла твоя сходна разуму, осетишешъ у своіой савести тиху небу радость, коя ће те ублажавати и веселымъ чинити: ако ли пакъ каквомъ страху заслепленъ дѣла твоя противъ разума предумешъ, одна гризень уврежене твоє савести, и смуштенъ клонувшегъ у теби духа хоћешъ безъ сумнѣ осетити. Али све ово бива докле се стра божій, као праведногъ судіє, и любовь къ нѣму, као милостивомъ отцу, у срдцу твоємъ задржава и наоди. — Люби ближнѣгъ своєго, као божіє, теби подобно созданіє, као стварь найкраснію на овой земљи божіой, разумомъ словеснымъ и безсмртіємъ обдарену, у коме божественна она частица душа, као и у теби пребыва; и коємъ е Богъ цело свое созданіє као венцемъ украсію и узвеличао! Нити гледай, ни о томъ мысли, кога е онъ закона, кога рода, и одъ каквога племена, ели благороданъ или не; но е ли честанъ, поштенъ и добродѣтеланъ; а погрешке мале у другима, коє изъ природне неке слабости биваю, праштай, буди великодушанъ. И признай, да безъ любви къ ближнѣму нећешъ любовь къ Богу испунити: ову ће ти такоже естественый у теби разумъ преповедати, да, што ти е годъ мило одъ другога, буди скоръ по могућима силама подобно таквомъ учинити, да му мило и пріятно буде, и што ти годъ бива одъ другога мрзко и несносно, пази да и ты коє такво што не учинишъ, за коє бы на тебе уздануо. — А самога себе любити ово е природно овакоме, но пыта се како! Еда

ли е то любити себе, кадъ кои по жельи своіой страсти снисходи, и кадъ кои оно чини, што му похотна воля изискуе; Боже сачувай! Ово е безсловесной скотиньи свойственно, а не човеку; человекъ разумомъ валя да се води и управля. Самогъ себе любишь, ако свое здравль, кое е подпоръ словеснога твоега живота, чувашъ, ако наблюдавашъ меру у елу и пиѣу, ерѣ излишность у овоме найвише здравль наше руши; ако одржавашъ себе у чистоти, спокойномъ духу, и упражнявашъ се у послу. Мы, сыне! продужи речь, смртный признаемо грѣхъ, самоубійство, као што у самомъ дѣлу и вете, а колико іѣ на свету има, кои себе, не хранеѣи у елу, пиѣу и подобнима меру, безъ ножа убіаю, и сладкій свой животъ преѣ времена скончаваю; таковіи дакле не любе себе. — Желишь ли имати съ кимъ саобраштеніе, искуси га найпре каквимъ духомъ таковый дыше. Съ благонравнымъ, лепо воспитаннымъ и разумнымъ другомъ, млога лепа правила можешъ присвоити, и недостатке у себи поправити, таивоега саобраштеніе бива полезно и препоручително; на противъ съ развраштеннымъ, расколникомъ, безчестнымъ и невалялымъ можешъ се отровати онаквимъ отровомъ, кои саму душу убіа, и мрзку предъ Богомъ чини, кои се зове отровъ моральному животу, и кой е горій одъ отрова фізічногъ, кои само тело убіа. — Савете добре одъ свакога пріймай, али неизостави такове и съ твоіомъ пробирати памеѣу. — Чувай честь свою као зеницу у оку, и знай, да си ништа безъ ове на свету, ако се у чему, да си е недостоянъ, покажешъ. — Буди прилѣжанъ у добри дѣли, и што данасъ савршити можешъ, на

+ сутра не отлажи. — Покоравай се матери, чествуй
 ю и люби као свою родительку, којой си съ животомъ
 задуженъ, и као милу питательку, коя се више за
 тебе, него за душевно свое спасеніе Богу моли, не-
 мой ю сыне сладкій! у чему увредити, ни на гнѣвъ
 подићи, немой ю оскорбити и надежду о теби, съ ко-
 юмъ се нѣно матернѣ сердце, подѣ коимъ те е носи-
 ла, пита и раани, одузети; тежко ономъ сыну, на ко-
 га мати уздане, и кога мати клети почне! знай, да
 гласъ матерный небеса пробія, а не гласъ, но и тай-
 ный у сердцу нѣномъ на неваляло дете свое уздысай;
 права и разумна мати, истина нигда свое дете клети
 неће, нити нѣно сердце то допустити може, да она сво-
 юй утробы и детету зло какво пожели, и тужбу на
 нѣга, макаръ юй какво было, чакъ до Бога узноси, и
 кад годъ то чини, она сама предѣ Богомъ грешы, и
 нѣе права мати; али самъ Богъ види, кое дете ма-
 теръ свою увреди, пакъ да бы га она и благосила,
 благословъ бы се онай у клетву претворю, то ти за
 то кажемъ, ерѣ познаемъ, вели, каква ти е мати, да
 ако се Бога не узбоишъ, она, може быти, не бы те
 ударила, каква е мека сердца, и накарала, да юй и
 главу разбіешъ. Она те е кадра на свако добро на-
 ставити и научити, ако юй се одѣ добре волѣ поко-
 равашъ, ако л' не, не уме те за погрешку каштиго-
 вати и накарати; зато те заклинемъ, опомени мое са-
 вѣте! — Буди свакоме по достоинству благосклонъ,
 буди учтивъ, и у беседи умеренъ, сва ова съ чисто-
 сердачіемъ да ти буду саюжена — право мысли, пра-
 во говори, право у дѣли поступаи, и добродѣтели
 свакой измлада себе привыкавай, тако да ти се бла-

годатна ова кћи небесна, која насъ у животъ вѣчный уводи, у кровь временомъ претвори и обрати, пакъ да ти она за цѣль служи, на кою ѣнешъ ты у свакомъ предпріятію своемъ нишанити, и свако добро дѣло изъ искрене и найчистіе къ нъой любви починяти, и довршивати. —

„Особито,“ рече ми, „послушай последнѣ ове, и срцу моме најважніе речи, коима и говоръ мой заключавамъ: Учи се, и прилѣжно о томъ извикнути настой, како валя отечество свое любити и како съ временомъ народу своеме, кога си будућій сучленъ, на ползу бити можешъ; ако хоѣшъ и истинито желишъ сынъ се мой звати, и достоянъ се оне благородне крови, кою си у зачатію твоемъ изъ мене почепео, показати — ово ти е за садъ доста, памти и повторавай мое речи, кое ништа друго нису, но найчистія моя къ теби любовь. — Со тимъ устане, пригрлиме отчиномъ милосѣу, и полюби у чело, полюби се и съ матеромъ, пакъ седне на коня, кой му е преправлѣнъ быо, и оде.—“

Они овако у разговорѣ іошъ при трапези седећи, ал' ето ти имъ едногъ Калуѣера, погрблѣнъ узбрдо бере у мараму кое какве траве, и управо къ овима упутіо се бјаше. Младићъ рекне странномъ: „Ово е онай лекаръ, за кога самъ ти рекао, да бы ти могао руку залѣчити! Узми га, „вели му, на умъ добро, како ѣе ти се тай човекъ допасти.“ „Бре! негдежь бы онъ знао моіой руки помоћи, а за друго што му драго.“ Међу тымъ стараць дође, уморенъ задувао се, поздрави ове, пакъ се спусти поредъ нѣи на землю. Низъ нѣгово велико чело зной течаше, по врху главе

бъле и рѣдкѣ веѣъ власи виѣаху се, нѣгова сребрна брада нѣму честно, и као у детета лице румено украсаваше, по коему гди кою пругу морщине старость начертала бѣше. Молимъ те отче! рекне юноша, тко те тера, те се тако мучишь? Собственна моя воля сынко! одговори честный стараць; ерь одовудъ две ползе я имамъ, прва в мѣя сама, а втору дѣлимъ съ многима. Како то? придода Юноша. Тако, чрезъ о-вый малый мой трудъ, кой ти за мученіе држишь, я бывамъ здравіи, слаѣе едемъ, и што иземъ лакше ми желудкаць свари, а поуморенъ слаѣе спавамъ, и сутраданъ лакшій устаемъ; то е прва полза; друга: съ овимъ травами ты знашь да я лечимъ, и кадъ понѣколико болны съ Божіомъ помоћи изъ кривета дигнемъ, радуе се душа моя у мени, кадъ признаемъ, да самъ добро дѣло учинію, како годъ што се они радую, коима здравль повратимъ. — Дедъ покажи твою руку, рекне Юноша Никодиму, некъ види отаць. Овай одма одвие му; стараць кадъ види заиште мало водице млаке, те рану испере, А о! мой сынко! рекне му, како си ю запустию! — я ѣу ти ю вели залечити; али остаѣе ти рука укочена; ербо су ти жиле веѣъ скупльне: но ако хоѣешъ претрпити боль, да ти руку напаримъ травами, пакъ да ю добро потегнемъ, и жиле раввучемъ; истина учиниѣе се рана веѣа, и потеѣи ѣе кровь, алъ я имамъ мелемъ овде кодъ мене, подъ коимъ ѣе ти за неколико дана зарастити, пакъ бы си имао баремъ руку читаву, као и другу. — А зашто небы то радію отче? рекне херой. За те те и пытамъ, одговори стараць, хоѣешъ ли допустити, ербо ѣе те яко болети. А шта небы допустію,

шта ли неби преврніо! да какавъ бы я худый вой-
никъ быо. А заръ си ты войникъ? Да како отче;
но чини са мноми и съ моіомъ рукомъ како знашь,
а плати ѣу ти, што заиштешъ. А о! мой сынокъ! —
дакле дайте млаку воду; Юноша донесе, а онъ мет-
не нѣке траве у воду, пакъ пристави къ ватри, те
се мало прокуваю, но томъ измакне, и овому напари
рану, и цѣлу руку подобро, истаре нѣке жиле, пакъ
реине Юноши, да га придржи, а онъ стане вући, ко-
лико игда снаге имаѣаше, тако петъ шесть пути здра-
во потегли, осмеяваюћи се на нѣга „ао юначкій сы-
не! рекне му, башъ те е права Србкinya родила, я ву-
чемъ, а ты пустый ни яо! — ни леле! као да и не
осеѣашъ. Херой на то іоштъ насмеє се: А шта бы
ми то мой отче! помогло. Я кадъ бы знао вели, да
онда небы болѣло, тако бы заурликао, да бы све ди-
віа козе по овой дубрави поплашіо; а и тебе бы са-
могъ страва напала, но ты вуцы и намештай како
знашь. Стараць потомъ наново испере рану одъ бр-
ви, привіє ю мелемомъ, даде му мелема, и каже му
кадъ ѣе опетъ, и како привити. Даду му кондиръ ві-
на, те се понашіє. А кадъ ѣемо се опетъ видити у-
пыта га войникъ; я незнамъ сынокъ, рекне му но ніє
нуждно, да ти я више за то долазимъ, твоя ѣе рука
до мало дана быти здрава, увѣренъ буди. Овай се
маши, да му што за трудъ даде. Боже сачувай! од-
говори стараць; я толико година лѣчимъ, и іоштъ ни
одъ кога драхме узео нисамъ, а да уземъ одъ тебе:
вашто ми, вели, я мое препитаніє у манастиру имамъ,
а одѣло такоѣе, на што ми више. Нікодимъ му бла-
годари; Богу сыне мой сладкій! благодари подавше му

намъ такова средства, коима се у нужди помоћи можемо; а мени ни найманъ: я самъ само мою дужность учиню, но съ Богомъ! — Но! шта ти се види одъ тога старине? упыта юноша. Дивный стараць воистиву, одговори Никодимъ, добаръ и веселе нарави человекъ. О красный е то мужъ, рекне юноша, разуманъ и добродѣтеланъ. Има ныи петъ у овомъ монастыру, за кое самъ ти мало пре говорю, овомъ е име Захаріа. Онъ се у младо свое време учю у Русіи и између прочи наука, кое е онъ тамо получю, найвише приложи трудъ у повѣсти естественой, и везма ю добро постигне; особито у травама. Што е то повѣсть естествена? запыта Никодимъ. Бсть една главна часть наука, коя намъ показуе све ствари, кое цѣлый овай кругъ земный на себи, и у себи садржава. На себи дрва, безчислене траве, каменъ и свакоякогъ рода зверове, скотове; и сва животна, одъ великогъ слона пакъ до найманъгъ мравка: а у себи разна метала, као: гвозђе, мѣдь, олово, сребро, злато, соль, сумпоръ, коекакве смоле, и т. д. Но овай искусанъ е, како реко, наиболь у травама; познае готово свакой силу и свойство. Нъга мало кадъ да нећешъ видити пре зоре овуда по планини, особито у пролѣће, све иде, гнюра, и коекакве траве сбира; пакъ заиђе по сели, и болне лечи, не само внѣшне ране, буди какве оне были, но и много различне внутренъ болести исцѣлява; тако искусно, да се многій о нѣму саблазнява; као да бы онъ съ каквомъ светомъ сыломъ то чиню; ербо гди годъ нѣгова рука косне се, ту е помогнуто. Нѣму нека бы десета часть овогъ благослова, кои му сва окружность ова оддае,

дошла, доста бы му было. Онъ е воистину трудомъ своимъ таково знанъ приобрелъ, съ коимъ многимъ бѣднимъ докле е живъ помоћи може. Богъ да прости! рекне Никодимъ, то е дѣло свето. Сада чуемъ, придода юноша, да е узелъ едно младо момче, кое у истой науки прилѣжно наставля и учи. Штета бы заиста и была, рекне Никодимъ, кадъ бы таково красно, и многополезно вѣжество никому не саобштивши са собомъ у гробъ однео. А другій има у истомъ манастиру, приложи юноша, такође наученъ человекъ, кои е истина у школама мало време провео, али изъ прилѣжногъ повседневно кнѣига читаня, изъ строгаго о стварима разсуѣна и многога размышляня, а особито изъ саобраштеня съ овимъ истимъ паметнимъ старцемъ, толико е себе у савршенство довео, да му се цѣльмъ овай предѣлъ диви и чуди. Онъ е већъ неколико пути чакъ изъ Русіе различне себи кнѣиге донети дао. Да ты, Никодиме брате! чуешъ нѣгово у цркви поучително къ народу слово, рекао бы: овай человекъ нѣ могуће да духомъ светимъ не говори! свака му рѣчь злата важи, свака човека крозъ само срдце пронзава, и осећа, да му се чисто коса на глави одъ милине диже. Я незнамъ, бы ли се нашло у кога тако ледено срдце, да нѣга слушаюћи кровь му небы ускипила. Онъ е воистину новый златоустъ нашега рода. Ахъ! благо нѣму, и нѣговой благотворительной души, колико е тай добра у свомъ животу роду човѣческому учинію. Онъ е рѣдко у манастиру, но све ков кудъ по сели и вароши иде, и слово Христово проповѣда, учи, и као чедолюбивый отаць наставля: али нажемъ такога проповѣдати зна, да га

найпростіи пастырѣ, и мало дете удобно разумѣти може. Тай се може правый пастырѣ нѣму врученога стада звати, рекне Никодимъ; и шта е краснѣ, полезнѣ и добродѣтелнѣ за човека на свету, него известига изъ таме у светъ истинный ума, и подати му онакова правила, по коима онъ себе управляюћи Богу Саздателю своему на славу, ближнѣму узаймну помошь, и самомъ себи на утѣшительну радость живи: Ели веъ старъ? Онъ е истина у добри година, одговори Юноша, али умерено као наметанъ човекъ живећи здравъ е, и као каковый младичъ; ербо люди, кои се у добри дѣли упражняваю, бываю у льпомъ духа свога расположенію, нѣова савѣсть нѣи ублажава. и сладкимъ упованіемъ ердце имъ зацава, весело твори, а ово здравлю сила поспѣшествуе. И та два добродѣтелна мужа да су исподъ едногъ ердца изишли, не бы се могли болъ пазити и любити. То е лепо, рекне Никодимъ, наметнимъ е людма свойствено, да у братской любви и сагласію живе; првый е дакле врачъ тѣлесный; а другій душевный. Еданъ имъ е, равнимъ начиномъ дода Юноша, честанъ мужъ домостроитель: овай е простъ, но у тому онъ недостатакъ свой честностию, смиреніемъ и трудолюбіемъ точно допуњава. А двоицу што имаду, да Богъ сачува! лѣнштине и винопіе одъ овога свѣта. Я ихъ не осуждавамъ, но изъ сожаленія говоримъ; люди се упустили некако у пиће, и ништа нерадећи покваре свое здравлѣ, жути су и суви одъ безмерногъ пића како годъ попіени; еданъ е тобожъ два путь тры вино оставляю, но бадава, касно е веъ то за нѣга было; зашто и друго зло када се еданиуть у

страсть преобрати, тешко га е искоренити, а немоли пиће; ово ако се изъ млада не одбацы, то што е старіи, већма пити жели, и таковый наипосле изгуби и снѣ правый вина вкусъ: поквари му се сирѣчь чувство вкуса, пакъ не осећа дохновену ону вина силу, но лѣ у себе вино како исту воду, нити га пије одъ жеђе него изъ обичая; сипа у себе докле се не занесе, а кадъ се занесе, онда шта ће? приклони се гди земљи те се испава, пакъ кадъ устане, а онъ е суморанъ, жалостанъ, дркће као пруть, докле се опетъ вина не дочепа. А у оваковый порокъ найвише люди леньи и беспослени падаю, као годъ што е леньость буђавый изворъ и другомъ свакомъ злу. Трудолюбіе! благословено трудолюбіе! оно не само любитель свое богато награђава и здраве твори, но и као тврдый штитъ одъ свакога зла и порока іѣ закланя; али овому одъ нѣжни ноката навикнути потребно е.

Сотимъ устану, спреми Тихомиль свою просту трапезу у малый домъ, пакъ пезове Никодима у башту. Сунце већъ теченіе свое къ западу управляше, сѣнке одъ предмета далеко одбацываше, и данъ се мало разлади. Они по башти ходаюћи гледе како су свуда дрва зрелимъ плодомъ клонула, и како есенъ трудолюбіе богато наплаћуе. На захтеванъ Никодима, юноша повѣсть свою овако настави: „По одлазку моего родителя, покойна мати три свое слуге за скоротече на коньи одреди, тако да све еданъ за другимъ понаизмѣну на полъ Косово одлази и два-путъ іѣ у неделѣ дана гласъ одтуда доноси, т. е. како наша войска стои, кадъ, и како ће се ударити и проча. — Кадъ едан-путъ ноћомъ заржу коньи у на-

шемъ преддворію! тргнемъ се я изасна, о! чуемъ не-
кій говоръ на преддворію, и буну. Домъ како намъ
е высокъ быо, зракъ месечный крозь прозоръ у со-
бу, у коіой самъ я съ матеромъ спавао, освѣтлю цѣ-
лу собу, устанемъ одма, приступимъ лагано, да ма-
теръ не пробудимъ, къ прозору, и погледимъ доле:
видимъ два човека на коньма, гди се съ нашимъ, кои
су на стражи были, нешто разговараю, али у нѣкомъ
смущенію; слушаемъ, не могу ништа да разумемъ; бу-
діо бы матеръ, аль не смемъ, двапутъ самъ іой къ
кревету ишао, и опетъ се вратіо. Што ѣу, мое не-
воль! — кадъ аль на еданъ путъ врисне покойна и-
засна онако у кревету, колико игда може. Я се на
то ужаснемъ, и притрчимъ іой „шта е мамице! пови-
чемъ, пакъ ю прихватимъ. Она сырота едва одого-
вори „яо мой сынко! шта самъ ти снила. То рекши
прекрстисе, и светогъ Архангела Міхаила образъ че-
логлаве свое стоявшій целива. Представими се, вели,
у сну отаць ти у издрти хальина, савъ крвавъ, съ
косомъ разбарушеномъ, и у одной руцы мачъ држа-
ше! у истый махъ смотримъ Дубраваць (потокъ ис-
подъ двора) савъ у саму крвь претворенъ, и деветъ
бели калпака са златними челенками по нѣму гди пло-
ву! отаць ти стаде предаме, погледи на ме, сузе му
низъ лице гронуше, пружи мачъ на потокъ, и изумр-
лимъ гласомъ „Анастасія! моя Анастасія! ты почи-
вашъ, а ено видишь како е съ нами среѣа на Косо-
ву полю поступила! оне калпаке што видишь, позна-
ешъ ли деветъ млады Юговиѣа! — на ове речи нѣ-
гове сви члени у мени охладне; одъ страха окаменимъ
се, гледимъ на нѣга, не могохъ себы да доѣмъ, ни-

ти што му проговоримъ! Онъ на то, вели, приступи къ мени, и унилу свою главу наслони ми на раме, неколико магновеній подржи тако; я се усилява, да му што проговоримъ, но ни речи не могохъ, езъкъ ми се одрвенію, и уста чисто сува ми бяху. Онъ ме притомъ ухвати за руку, стисне ю, и плачевнимъ гласомъ „Аманетъ Божій за дете, вели, и бѣжи кудъ знашъ съ нѣмъ, у мене се више не уздай!“ — Сотимъ на едномъ изчезну, на кое я вриснемъ, и устремимъ се за нѣмъ! — Кадъ ово сырота мени искаже, седећи овако у кревету погрузи се у мысли. На то у мени срдце се смути, хладность нѣку крозь сву крвѣ мою осѣтимъ! Е Бога ти мамице! и самъ дрктећи рекнемъ іой, зарѣ е сну вѣровати; напуните преко данъ коекаквимъ мыслима главу, пакъ морате ружно и саняти. А тко е, вели, тай прозоръ отворио; я самъ отворио мамице! рекнемъ іой, и пођемъ, да затворимъ. Она устане и чуе доле разговоръ, извири на прозоръ, и смотри на долнѣмъ спрату у канцеларіи свећу гди гори, и два човека на конѣи, едного одъ нѣи позна по говору, и повыче: Миленко! вси ли ты? Я самъ милостива госпођо! одговори. Овай е быо скоротеча, еданъ одъ они троице. Зовне га унутра, и пита: шта е, одговори човекъ, ніе добро! — Милошъ Обилићъ, Миланъ Топличавинъ и Іванъ Косанчићъ у вече буду съ княземъ и прочомъ господомъ при вечери, а у ютру са зоромъ управо у Муратовъ станъ сви троица оду! за кое сада Князь и цѣло воинство наше у страху се находи. Едни (приложи скоротеча) говору, да су отишли самогъ Мурата убити, и предъ свима, како юначество и смѣлу храбрость,

такo и гoрeћу зa oтeчeствo лoбaвљ явнo oсвѣдoчити, и сoтимъ Вукa, свoгa врaгa, клeвeтникa пoсрaмити: Дрyгій нa прoтивъ увѣрaвaю, дa сy сe рaзeрдили, пaкъ нaсѣ изнeвѣрили, и Турцимa сe пpeдaли; бyдyћи, вeли, дa сy сви трoицa нa вeчeри пpeдъ цѣлoмъ гoспoдoмъ изoбличeни, дa ѣe oни свoгa цaрa изнeвeрити и Турцимa сe пpeдaти: a Турaкa e кao листa нa гoри, бѣлe имъ сe пyсти шaтoри пo цѣлoмъ пoлoу Кoсoвy, кao истый снeгъ y пoлѣ зимe! и нaшa сe, прoдyжи рѣчь, вoйскa y хрaбрoсти види, нo oпeтъ oнe вoлѣ, oнoгъ дyхa и oнe живoсти ни пoлaкъ сaдѣ нeймa, кoю e пpeѣ нѣкoликo дaнa имaлa! — Мaти нa тo ужaснyтa зaпытa зa oтцa мoгa. Здрaвъ e, вeли, хвaлa Бoгy, oнѣ сa свoимъ вoинствoмъ и прoчимъ вoйвoдaмa oрyжaнѣ бoдрo бди и yкaзъ oдѣ Князa дa сe удaрe свaкій чaсѣ чeкa; и нe вѣрyемъ, рeчe, дa сe нисy дoсaдѣ вeћѣ и удaрили. Сoтимъ извaди писмe, и пpужи мaтeри. Мaти oтвoрaюћи писмo зaпытa: Ели пpисeбo сѣ вoинствoмъ Црнoгoрскій Князѣ; нa кoе oнѣ: „Е! кaмo тa сpeћa, вeли, дa e oнѣ пpисeбo; oнѣ e eдaнѣ сaдa, y кoмe нaши пpвo нa Бoгa, пaкѣ нa нѣгa нaдeждy свoю пoлaжy; oнѣ идe сѣ 10 хилядa нaйхрaбрыи юнaкa, сaми Црнoгoрaцa, и свaкій дaнѣ нa нѣгa изглeдaю; aли мaл' дa мy сe нe бyдe рeклo: Пoслe рaтa кoплѣмъ y трѣвѣ. Зaпытa мaти, eсy ли Мaрiянa сpeли гди; тaкoѣ скoрoтeчa, кoи e пpe двa дaнa oтишao бyo: eсмo oдгoвoри oвaй и рeкли смo мy, дa сe пaшти, штo бpжe бyдe мoгao, нa тpагѣ. Кaдѣ oвaй изиѣ, мoлимъ мaтeрѣ дa ми пoкaжe писмo; нa тo дoѣ нaшѣ сeкрeтaрѣ, кoи e бyo мoй yякѣ. Пpужи мy мaти писмo, eвo, вeли, читaй! хвaлa Бoгy, пpи-

дода господинъ намъ добро пише, што се тиче поля Косова, само вели на свакій случай да будемо у правности и предосторожни, ако бы насъ одъ Бугарске какова сила потеряла; еръ се чуе, да су ту многи Турцы: а одъ Косова намъ се ніе бояти: будући смо далеко. Секретаръ прочитавши писмо савѣтуе іой да све сребро, злато и скупоцѣне ствари спреми, у случаю ако бы неприятель некако одъ Бугарске, или буди одъ кое стране насъ напао; да можемо, вели, у землю закопати, а себе кудъ у планине уклонити. Послуша сирота овај савѣтъ и таки безъ свакогъ отлаганя исту ноћъ до саме зоре све по цѣломъ дому покупили; и што е годъ движимо было, спремимо. Кадъ сване, оправил скоротечу опетъ на Косово, и рекне му, да отаць пише намъ опетъ макаръ три рѣчи и яви, како се находе. Нађемъ потомъ я писмо гди е мати оставила была, и видимъ међу прочимъ, гди отаць пише, да ако до шта буде, покупи све што може понети, пакъ да бѣга у Банатъ.

Не прође за тимъ три, четири дана, алъ у подне, намъ при обѣду бывшимъ, ето ты другогъ скоротече! Сала, у којой смо обѣдовали на высини будући, и прозори одъ едне стране, одъ кое е зелена шума и нашъ вртоградъ быо, на врућини отворени, наспрамъ кои я при трапези седећи смотримъ човека на коню, гди тако трчи къ двору нашемъ, да му варнице иснодъ коньски копита преко каменя съваю! я то видећи, прођу ме мрави, и прсти ми се на арфи; у кою самъ за развеселити мало матеръ при трапези ударати почео, чисто укочише. Мамице! повычемъ, ево нѣкій човекъ на коню гди нашемъ двору трчи!

Она и сви одъ трапезе скочише, и съ прозора погледе доле: виду коня у бѣлу пену учинѣна, а човекъ се быо сишао, и горе къ нами пошао. Мати му моя похити на сусреть, но ни тры четыри корака преко саале нѣе учинила, и ето ти намъ нѣга! задувао се сырома, не може да проговори. Мати съ восторгомъ повиче: „Маріане! жалостной мени шта е, вли господинъ живъ? Овай смуѣнъ дрктаюћимъ гласомъ: „ахъ! милостива госпођо! смръть е за мене неправо учинила! — я самъ ю пожелю, но своевольно предати іой се одъ Бога нисамъ смео. Я самъ волю съ прочима на ономъ мѣсту остати, него жалостну повѣсть вами донети; будите дакле и вы великодушни, и претрпите страшный ударъ судьбине Ваше, помыслите, да ништа безъ волѣ Божіе быти не може, и да мы испредъ Бога никудъ не можемо. Правосудіе е заръ Божіе за раздоръ и не слогу нѣколико нашихъ, послало бычь, да насъ све избіе! — Сраженіе е на Косову учинѣно, и варвари су побѣду надъ нами одржали, наши су изгинули, и самъ нашъ преславный Князь живъ е одъ непріятели ухваѣнъ! — ове су рѣчи нѣгове све насъ као стрѣле у срдце удариле; страхъ, удивленіе и жалость све насъ окамени, све недвижимо учини! — Милошъ, Миланъ, и Іванъ (свима намъ ћутећимъ пруджи вѣстникъ) учинили су чудесно дѣло, оду међу три стотине хиљада Турака, и у полъ стана нѣиова Мурата жива подъ шаторомъ своимъ распору! и со-тымъ Турке у велико замѣшателство поставу, и множество ихъ изсѣку, на послѣдку, како се говори, ту и сами сви троица падну. — Турцы по томъ што предокле се наши о смрти Мурата извѣстили нису, ско-

чу на оружје, и онако разярени устреме се противъ наши! — Наши су се испочетка храбро држали, но напослѣдку непријатељ, кои е насъ силомъ числа а не храбростию превосходіо, преодолѣ! — Вукъ е са своимъ воинствомъ избѣгао, и оно, што е на она слава три юнака потварао, самъ е учиніо. — Мати моя тада као изасна едва проговори: „Дакле, вели, и самъ Князь е ухваћенъ! — Заиста ухваћенъ, одговори скоротеча, и войска е наша сва погинула! но и одъ непријатеља е врло мало остало; да Вукъ рече ніе изневѣрјо, наши бы савршену побѣду одржали. Она на то плѣсне рукама, погледи у землю, и учини се за нѣко магновеніе као изванъ себе. — Потомъ запыта за мога отца; на кое вѣстникъ: „Гди е цѣло наше, о госпођо! благородство пало, несрећа ни о нѣму ніе изятія имала! — Дакле е и онъ погинуо, повыче сырота ужаснимъ гласомъ. За свое отечество, рекне вѣстникъ, као и прочи благоревниви синови, а не као Вукъ, кой е срамный свой животъ уклоніо, и кога ће србско дете одъ колевке вовѣки проклинати.

Она на то склоплѣне руке одъ себе протегне, погледи на небо, жалость и тугу изражавајући гласомъ: о всесилный Боже! — рекне, и сотимъ падне, као да іой тко обадве ноге подсѣче! — Я као дете вриснемъ и притрчимъ іой: „Мамице! Сладка моя мамице! смилуй се на мене, поврати се! на комъ мене тужна оставляшъ; кому ли ме овако нејка препоручуешъ! — Она сырота ни рѣчи више проговорити не могаше, пожути како истый смиль; дигнемою на постелю. Мало потомъ отвори свое безъ свѣта и по-

лумртве очи, погледи на мене, пакъ ме узе за руку, пригрли ю къ прсима своимъ, и полие се сузама „сладка крви моя! рекне ми, препоручуемъ те оному, кому и у последнѣмъ овомъ часу духъ мой; покупи све што можешъ, пакъ бѣжи са уякомъ у Рус- хтяше изреѣи, али смръть неумитна пресѣче іой рѣчь, она пусти духъ свой и на едан-путь сву овогъ свѣта печаль избѣже, а мене остави поредъ свога хладна тѣла плачуѣа, превіяюѣа се и пиштеѣа, као црвка за коромъ, кадъ се дрво на ватру метне. Ахъ! како ми е тада было, мучно бѣшъ любезный мой! себи и представити моѣи. — Отаць погину, мати умре, я маленъ у смутномъ и најгоремъ времену! — пао самъ на нѣне ледене прси, росимъ іѣ најчувствителнымъ сузама; смрти гди си вичемъ, разлучи ме баремъ и живота, кадъ си ме сладки мои разлучила родителя, онъ е мени бѣданъ и безъ нѣи несносанъ. О источниче живота! пресели одавде бѣдногъ сына къ сѣнамъ родителя моихъ, кадъ е срдце мое горкой жалости за уживанъ предато, и животъ мой чемеранъ учинѣнъ! — но бадава! силомъ се ништа неможе. Тай данъ и другій цѣльїй на хладномъ нѣномъ тѣлу проведемъ; најпосле ми и суза неста, коима самъ по нешто срдцу одлакшавао. Предъ саму ноѣ предамо ю црной земљицы. Вратимо се съ погреба, жалость ме разслабила, воду ме исподъ руке, тѣшу и говору, савѣтую и молу, но бадава. Доѣемъ у дворъ, но оваи ми е савъ црнъ быю; смуѣнъ изъ едне себе у другу идемъ, као да бы хтео ону боль избѣѣи, кою у срдцу носимъ, по собама све ми е печално, све жалостно, кудъ годъ погледимъ, свакиѣ будакъ сузнимъ

плачемъ и испунѣвъ самномъ стенише, и найманый знакъ, найманый у цѣломъ двору предметъ, кога се рука родителя мои кадгодъ коснула, раздираше сердце у мени.

По истеченю нѣколико дана страхъ одъ Турака забуни цѣлу землю; гласови данъ на данъ све горю, и прыйи стану се намъ доносити. Уякъ ми почне говорити, да се кудъ уклонимо: и болъ ће быти, рекнемъ му, при чему се и тако имамъ овде задржавати; смръть е мене одъ найслабѣга ноога саюза разрѣшила, съ коимъ ми е смръть и животъ све едно было, а добро све некъ остане и замномъ пусто, кадъ е остало за онима, кои су га стекли; и с' коима я уживати не могу. Но само драгоцѣне ствари, што смо већ спремили, да узмемо и бѣгамо, пакъ волимъ раздѣлити ништимъ и убогимъ, него да падне неприятелю у руке.

И тако одну ноћ натоваримъ съ уякомъ све, што смо движимо имали, затворимо дворъ, пакъ узмемо путъ Дунава насъ двоица и 10 слугу съ натоваренимъ коньма. Осванемо у полю Подлужю, гди нађемъ мога нѣкога брата одъ стрица. Овай е ту имао мѣна своя польска добра, онъ съ многима жатеоцъма ту жито жняше. Кажемо му наше намѣренъ, да смот. е ради гди у каквомъ мѣсту близу Дунава за време нашѣстити се, у случаю ако бы Турцы цѣломъ Србюмъ завладали, да лакше можемо преко Дунава у Каравлашку прећи, а одтуда потомъ, или у Москву отићи, или у Мађарску се уклонити. И самъ самъ, рече, у истомъ намѣреню, само, вели, да ми е овольтине сабрати, пакъ ако што видимъ, а я ћу побѣ-

ћи у Банатъ. Устави ту насъ на обѣду, и я му дадемъ ключеве одъ мога двора, и препоручимъ му цѣло мое добро недвижимо, толике винограде, землю усеяну, воћняке, стоку, тры воденице; кромъ два села; коє в мати своему брату по одлазку оца вручила была, да онъ управля и рачунъ годишный намъ дає. Овай є быо рођеный братъ мога уяка, кои є самномъ садъ пошао быо. Кажемъ Драгутину брату, да чува мое добро; а да ужива као свое рођено. Дадемъ му писмено, да га мои оставши надъ добромъ надзира-тели, како годъ мене, или мога родителя признаду, да онъ има одъ мене вручену власть съ нѣима заповѣдати, и съ моимъ добромъ како оће располагати: може быти, рекнемъ му, да ћемо се и мы, ако се скоро умири, одма повратити.

Предъ саму ноћъ едва насъ одпусти: изгрлимо се и излюбимо, еданъ другогъ сузами обливаюћи, пакъ предузмемо путъ преко неке велике планине, Месецъ іоштъ не бѣже изишао; понаглимо у Голубиће стићи, дабы сутра макаръ мракомъ у Колумбину, велику варошъ и градъ поредъ Дунава доспѣти могли. Но естъ! текъ што мы съ едно два сата у планину друмомъ унићемо, алъ ето ти предъ насъ пустаія! Село Голубиће было є врло близу, чуємо псе, и петле гди пою; но близкостъ нѣгова намъ нѣе ништа помогла. Слуга нашъ, кои є напредъ ишао, како є спазіо ободе коня къ нами натрагъ, и повыче уяку: Господине! што ћемо садъ: ево зли люди! онъ то нѣе честито ни изрекао, а пустаіє ударесе съ прочимъ слугама. Я по совѣту уяка скочиимъ съ коня, и съ еднимъ старимъ слугомъ, кои є кодъ мои родителя одъ

младости свое служю, тумаримъ низъ неку яругу, а потомъ кровъ еданъ густый шиблякъ, савъ се изгребемъ, но нато се ништа и не гледаше. Кадъ подалеко избегнемо, зауставимо се мало, и чуемо на друму выку и праску съ нашима! по говору разумъли смо, да су пустаіе Каравласи были. — Ахъ! любезный мой! како ми е опетъ садъ овде было, и данъ данашный кадъ се споменемъ, самъ се у себи сгрозимъ, за добро нисамъ толико ни маріо, некъ иде къ врагу, но за кукавна уяка, бѣдный човекъ, реко, одъ еднога сумнителногъ зла избѣже, а на друго, о комъ ни мыслію ніе, наиђе! нитъ самъ имао надежду, даће се наша страна бранити моћи; да е данъ, было бы и коекако, али ноћъ, и у непознатой пустиньи. Узео ме слуга за руку, тѣши ме сырома и храбри, дркнемъ одъ страха као пруть: идемъ, рекнемъ му, одтргаваюћи се изъ руку нѣгови, идемъ да пріимимъ и самъ кончину бѣднаго живота. Но не пушта ме одъ себе ни пошто. Међу тимъ изиђе намъ месецъ, освѣтли све предмете у тихой пустиньи, и слуга ме поведе низъ неку долину, кою высокій холми обградили бяху. Идемъ са слугомъ а поклецуемъ, ербо ми е савъ животъ кое одъ страха, кое одъ умора, обамрео быо.

О правосудіемъ преиспуненый Боже! у туги повишемъ, видишли ты мене, созданіе твое, како се я мучимъ, и шта трпимъ! — На друму више никакове гласе чути не могосмо. Тишина свуда прострта баше, гди кои попакъ подъ росномъ травицомъ цвркутанъмъ своимъ себе забавляше. Изиђемо наипосле на нѣке, између шума, ливаде. Стотримо одъ истока и свѣтлу данницу: данъ одъ ноћи дѣлити се почне: падну

намъ у очи два коня оседлана, гди на ливади препета пасу; приступивши ближе, познамо да су две слуге наше! чисто ме сунце огрея, кадъ ихъ види. Пытамо за уяка, и проче: како вы знате за ньи, тако и мы, рекоше, мы вели у оной буни трчасмо, и побѣгнемо, а што се е с ньима догодило, не знамо, но съдите мало, докле се боль разсване, пакъ ћемо ии ии тражити, ако и опетъ вели не нагазимо на оне, одъ коихъ смо едва побѣгли.

Я сырота онако уморенъ, цѣлу ноћъ коекудъ по гудура, и шума гнюраюћи, како се спустимъ на росну траву, заспимъ, као и окупанъ. Кадъ се пробудимъ; о! сунце високо већъ плива, роса спала, и птичице свуда по шуми са сладкимъ своимъ певанъмъ узавреле. Гледимъ око мене, нигди никога нейма, нити оне двоице съ коньма, нитъ могъ вѣрногъ руководителя! Скочимъ на ноге, пођемъ часъ на одну, часъ на другу страну изгледаюћи, а я! нити ии е гди видити, ни чути! — Погледимъ на небо, полиемъ образе сузама, пакъ паднемъ на колѣна, дигнемъ руке Богу: „Отче светый! докле ће ме несрећа овако гонити; ако е твоимъ попуштенъмъ, буди твоя света воля у свему, я ћу драговољно трпити.“ Устанемъ опетъ, и пођемъ преко ливаде у мысли онако погруженъ, куда ћу сада самъ и шта ћу. Кадъ аль еданъ поточићъ шапуће крозь траву предамномъ, преко кога мени прећи требаше; погледимъ, савъ крвавъ! — Пођемъ мало узъ нѣга, имаљъ шта и видити, мой вѣрный слуга, съ коимъ самъ ту дошао, закланъ лежи у потоку! быстра преко каменя водица испира му пресъчанный грлянь, и потокъ се на далеко съ крвлю

нѣговомъ обоядисао бѣше; чисто ме сердце мое заболѣ, кадъ га тако видимъ. Извадимъ га сыромаха изъ воде, седнемъ поредъ нѣга и више себе, него нѣга оплакуемъ. Мыслимъ и разбіямъ главу, тко га уби; како ли то може быти, да я неосѣтимъ! представимъ у памети наипосле ону двоицу, кое смо ту съ коньми вастали, да су се заръ полакомили на оно благо, съ коимъ су избѣгли были, пакъ овай кукавацъ мене изневѣрити и зломъ намѣреню нѣовомъ себе склонити вальда нѣе хтѣо, а они га убію, и съ натоварени коньми и благомъ нѣкудъ одбѣгну. Устанемъ и мыслимъ, куда ѣу сада, шта ли ѣу съ нѣимъ радити; погребсти га самъ не могу, нити имамъ съ чимъ. Окреѣемъ се около себе, да бы кога видіо, но нигди ни кога; принужденъ будемъ ту оставити га, мыслѣнѣи у себи, нѣму в сыромаху сада свеедно, та га изели у землси црви, та надъ земльомъ вране и свраке, само, велимъ, што ѣе се усмрдити и воздухъ тровати. Текъ што се я удалимъ одъ нѣга, алъ смотримъ едногъ свиняра, гди свинѣ свое изъ нѣке калюге истеруе; приступимъ дакле къ овому, и кажемъ му, да в ту еданъ човекъ убіенъ, а за сва проча преѣутимъ. Овай таки одтрчи и види, потомъ пошлѣ момче едно (коме у истый паръ донесе хлѣба и сира) да донесе мотыку, да га сарану. Хвала Богу помыслимъ, што ѣеду га баремъ покрити земльицомъ, да му се туда не развлече кости одъ дивіи звѣрова. О всеблаго небо! у жалости възопимъ, каква смръть овому у жребіе паде; кои, одъ како га памтимъ, муву нѣе увредіо: бью в кукавацъ наипростосрдечнѣи хрїстіанинъ, и као да ни жучи у себи нѣе имао; вѣранъ, поштенъ, уч-

тивъ и трудолюбивъ; занимао бы се по цѣлый данъ у послу, и радіо бы одъ ютра до ноћи као мравъ. Зашто дакле да овако умре! — потомъ дођемъ къ себи, ужаснемъ се, како самъ се обезуміо, и на правосудіе божіе у мысли роптати почео, погледимъ на небо, и рекнемъ: о непостижимый Боже! тко е игда тайне твоє изслѣдити могао! — Мы смртніи увѣрени валя да будемо, да е Богъ премударъ, найправедніи и цѣлому созданію своему наймилостивіи, пакъ да наша само брига буде, да честно, праведно и добродѣтельно на земљи животъ проводимо, а за проче не стараймо се ништа, онъ ће све за насъ по благности своіой расположити и уредити.

Даде ми човекъ ту мало хлѣба и сира, те се прихватимъ: нашіемъ се чисте водице, пакъ се заузмемъ управо къ друму, гди самъ уяка и проче оставіо, да ихъ тражимъ, оста ли тко живъ одъ нѣи, шта ли бы. У крайнѣмъ онако очаянію полулудъ нити се я више бояхъ, да не наиђемъ на пустаіе, нити марихъ за мой печалію отегоћени животъ, кадъ е све пропало, нашто да се и я на лицу земномъ мучимъ! — кадъ тамо, али видимъ ято читаво врана, гди около друма слећу, и узлећу! Сетимсе, нити ми е се сумняти дало, да одъ мога дружства ту мора быти кои мртавъ, наглимсе што брже, и срце у мени већма куцати почне, само мысляхъ, да ми не буде уякъ погинуо, а за проче како буде, не могу шта силомъ. Окрећемсе около себе и гледимъ, всамъ ли погодіо место, на комъ самъ ихъ оставіс; брегъ нѣкій высокъ. съ едне стране срушенъ, поредъ кога смо башъ при заходу сунца прошли, извѣсти ме, да самъ на истый друмъ дошао,

но да ми треба баремъ полдруги сатъ къ оному мѣ-
сту напредовати, на комъ су насъ разбойници срели,
и одкуда самъ я побѣгао: Но ни двеста коракляи не
учинимъ, и наѣмъ три слуге мртве, и еднога коня
разбуражена, надъ коимъ се вране скупляваху. Ова-
мо онамо туда облеѣмъ, коегди по трню тражимъ
уяка, а у срцу Богу вопіемъ, да бы га ту убіена не
нашао. Кадъ алъ засвѣтлыми се нешто у трави подъ
еднимъ трномъ, приступимъ ближе, о! — мала до-
лама мога уяка съ великимъ сребрнимъ пуцама (дуг-
мети) као та твоя! Текъ што ю одатле дигнемъ, и
туда нѣга тражити почнемъ, да ніе убіенъ, кадъ му
в ту долама, алъ ето ти некій люди, до едно 20 нѣи,
наоружани иду друмомъ одъ села истога, у кое смо
се мы, наопако по насъ у вече доѣи паштили. Я
како ти ове видо, бѣжи съ доламомъ низъ еданъ
лугъ, нити се више смедохъ къ друму повратити,
но кадъ изиѣмъ на нѣку поляну, съднемъ. О пре-
благо небо! у туги срца вопіемъ, какво в ово сврху
мене бѣдствіе! — Одъ туге и жалости обамремъ чи-
сто, немареѣи выше ни за себе, легнемъ на землю,
намыслимъ ту остати, и црну смртъ, да ме избави в-
данпутъ тога мученія, чекати. — О Любезный мой
Нікодиме! помисли само, какови су то ужасни за ме-
не дете тада удари были. — Полежимъ тако, сведемъ
мало очи, ништа себи друго не воображаваюѣи но
црну смртъ, коя бы мы тада не страшна, него мила
была. Но бадава! не може се силомъ умрети. Уста-
немъ опетъ; скинемъ сребрна пуца съ доламе, мет-
немъ у цепъ, а доламу бацимъ, пакъ се зауземъ и-
стомъ поляномъ, да бы каковому селу гди изышао.

Укаже ми већъ сунце полдне быти, угледамъ едан-
путь нѣку пространу предамномъ ливаду, и нѣколико
люди, гди косу; вруѣина е, едва ходимъ. Кадъ тамо
ближе, али видимъ едногъ калуѣера, кои съ кнѣигомъ
у руцы читаюѣи лагано поредъ люди хода. Наумимъ
приступити му, но нишошто не казати му, одъ куда
самъ, и чѣй самъ синъ; него завѣштамъ у себи, да ѣу
се одреѣи мирскога живота, у комъ самъ толико не-
среѣанъ быо, пакъ да га молимъ, нека ме прими у
монастырь за ѣака, а знао самъ, да ту мора гди бы-
ти какавъ монастырь. Добрый мой Никодиме! ты си
првый, кому я ову мою тайну искренно исповѣдамъ,
и молимъ при тебы савъ нашъ овде разговоръ нека
остане. — Далъ само молимъ те! рекне Никодимъ! и
башъ ти вала на твоіой бесѣди, еси заieta сила пре-
трпю, кажи ми, хоѣшли се калуѣеру явити; а што
велишь, да овай разговоръ при мени у тайности о-
стане, за то се ништа не брини: на што ли бы си
тако дубоко у тайности твою повѣсть и закопавао,
кадъ она нити е кому вредителна была, нити такова
може быти, но една повѣсть страдателна, коя свако-
га на сажаленіе приводит, и коя у себи льна и поу-
чителна садержава правила.

Доѣмъ ту (излазеѣи изъ баште настави юноша)
и съ пристойномъ учтивостію поздравимъ отца калу-
ѣера, и машимъ му се къ руцы. На пытанъ нѣгово
кажемъ му, да самъ изъ нѣкога села близу Вишнѣице,
пакъ да су ми родители изумрли, и да нигди нико-
га немамъ, но идемъ у монастырь, за кои самъ ту
негди чуо, да се поучимъ, и потомъ, ако одъ Бога
суѣено буде, ангелскій примимъ чинъ на себе. До-

бро! вели, мой сынакъ, то е добро намѣреніе, но вая да будешъ добаръ, сваку добродѣтель, честность, благообразіе, чистоту, цѣломудріе, и проч: исполнявати обѣщашъ се, особыто старимъ своимъ повиновеніе. Текъ што се я съ нѣмъ овако разговарамъ, ето ти два проста човека подъ оружіемъ, дошоше ту напяти се воде. Запыта ихъ отаць калуѣрь куда иду; идемо вели, отаць! у потеру за нѣке айдуке (пустаіе) огласише намъ югросъ у селу, да су ту негди на друму нѣкогъ господина и нѣгове слуге потукли. У истый махъ видимъ друмомъ до едно 30. момака, оно е, рекоше ови, наше дружство, а едни су вели найпре отишли: сотимъ напише се воде и одоше, я ни рѣчи о тому, као да бы ништа и не знао, и самъ се себи доста пути и сада чудимъ, како самъ я могао као дете только стрѣляивъ быти, да се баремъ добромъ отцу неизявимъ: а онъ е истый онай, кога самъ ти мало пре хвалю, да е добаръ проповѣдникъ. О! то е света душа! — Хоѣшли му се дакле после изявити, узыта Никодимъ. — Нигда брате! до данасъ мое житіе нитко незна, кромъ ето тебе првога. — А за што човече! — Ни за што друго, но да ми се на паметь не приводи, чій самъ слыъ, и како самъ пострадао, да ми се съ тимъ рана на срдцу не повреѣуе, надъ ми и тако нитко више помоћи не може, нити са суетнимъ тво о мени сажаленіемъ могао бы ми оно повратити, што ми е вовѣкъ одузето. Отаць Теодоръ, (то му е име) примми ме съ отеческомъ добротоиъ, и доведе ту у монастырь. И будући да онъ више е по сели, проповѣдаюћи слово Божіе, него у монастыру, препоручи ме старомъ едномъ, и честномъ свештени-

ку, Богъ да му душу прости, умро ъ, да ме поучи у светомъ писму, и благодравію, и чину нѣовому. Што се науке тиче слабо самъ се одъ нѣпа ползовао, будући да е човекъ простъ быо, но за такову могу отцу Теодору после смрти онога захвалити. Но да не изоставимъ ово казати: сутраданъ по моему у монастырь долазку чуемъ при трапези жалостный за мене разговоръ, да е т. е. мой уякъ погинуо, и да га е село купно и слуге саранило! Ћутимъ нећу ни рѣчи да проговоримъ, но послѣ два дана кадъ самъ разумео, гди му е гробъ, одемъ пре зоре, паднемъ му на гробъ и поліемъ ону земљицу, кояга покрива, сузами пакъ се опетъ вратимъ у свету обитель. Господи ето већъ дванаестъ година, кое доле у монастыру, кое преко лѣта у той башти (верту) и при овой капелицы пребывамъ: Кадъ ми се досади кнѣиге читати, а я латимъ мотыку, пакъ по башчи коешта копамъ, и радимъ, или узмемъ сѣкиру, пакъ кое подкресавамъ и чистимъ воће, кое друго каламимъ и приумножавамъ. — Овако у разговору приспѣду своему жилишту, сѣдну мало предъ врати: „Дивна воистину повѣсть твоя добрый Тихомиле! рекне Никодимъ, и редко е житіе, подобно твоему. Я познаваюћи добре твое родителъ сажалюемъ о теби, да си као дете толико зла преко главе преметуо; али, као што си и самъ мало пре рекао, тко е игда одъ смртни тайну божію изслѣдити могао, промысломъ е заръ нѣговимъ све то морало быти, утѣшенъ буди сотимъ, што у совѣсти твоіой познати можешъ, да ниси оно заслужио, што си пропатіо, невинъ си страдао, а невино страданіе правда божія безъ награжденія оставити не-

ће. Но я ћу теби јоштъ едно питањъ, приложи
 Никодимъ, дати, пакъ ћу ти онда одкрити мое нѣ-
 ло намѣреніе, кое ће за насъ обоицу добро быти, ако
 се твоя воля сагласи мојој: За све време, одъ како
 рече даси овде, еси ли кои путъ одлазио у свое до-
 бро? — Нигда я, нити маримъ за нѣга, као да га
 и немамъ. Братъ ми е толико пути поручивао, да
 одемъ, и самъ е къ мени два путъ већъ у монастырѣ
 долазио, и молио ме, да идемъ, но я не могу. Еданъ
 путъ самъ се одрекао свега, пакъ садъ ни за што
 не маримъ. А елъ ти оженѣнъ тай братъ? Бсть да
 како! има двое дечице; нѣговъ е отаць рођени братъ
 мога оца; быо е попъ, пакъ кадъ му умре попадія,
 оде у високе Дечане, те се закалуђери, нема две го-
 дине како е умрео. — По маломъ мучаню — Вѣруй
 ми брате Никодиме! да я толико за оцемъ не жалимъ,
 гди су толики благородни одъ наши скапали, ту и
 онъ, баръ погинуо е као еданъ витезъ, бранећи на-
 родъ, и отечество свое, али мати! — а потомъ до-
 брый мой уякъ, кога нигда заборавити не могу; нао-
 пако смо се, и у зао часъ онда одъ дома кренули. —
 Али разсуди и самъ, у каквомъ смо станю мы тада
 были; како е цѣло царство у крайнѣмъ очаянію онда
 се находило, и тко е знао, да ће госпоя Милица, ед-
 на женска глава, толико хитра быти, свирѣпога оно-
 га изъ Азіе, на цѣлый западъ челюсти зинувшегъ
 лава смирити, и на своему трону остати? — Дакле
 се ты не мыслишь више у твое добро повратити? —
 Не вѣруемъ, да ћу ту волю игда имати. — Аль си
 ти любезный мой! младъ човекъ, могао бы си твоему
 отечеству на ползу быти, штета бы была, да свою

младость у овой пустыни бадава проведешъ; — помысли, да си одъ благородна племена, и да отмино иманъ притяжавашъ! — Я самъ приходе, одговори юноша, одъ мога иманя годишнѣ на петъ части раздѣлю; одну часть даемъ на обштенародна училишта на предитаніе потребни ученика, и садржаніе учителя: другу на болнице, трећу самъ жертвовао на сыроде и удовице, четврту прилажемъ у ову свету обитель, у коіой живимъ, а пету приима братъ за свой около добра мога трудъ. И онъ ми сваке године о тому свему рачунъ издае. — А! то е лепо, — но, — то е свето дѣло. А ималъ ти братъ какова иманя собствена? — Има, да како, невѣруемъ, дабы се и самномъ променію. — Дакле садъ разумемъ, нећу ти дакле мое намѣреніе ни одкрити. — Ты си, я знамъ, рекне юноша, у намѣренію тому быю, да ме увѣришь одавде отићи, али то быти не може. Я мой тихій овай животъ, кому самъ се едва привыкао, и ово свето мѣстанце, на комъ самъ се остати заклео, оставити, и себе опеть у мрежу пространнога света вргнути, безъ какове сыле нипошто нећу. Никодимъ. Не замѣри любезный мой! едномъ човеку, кои се съ тобомъ искрено, и безъ сваке грчке политике овде разговара, я теби право у тому іоштъ не дамъ, нити за паметно судимъ, да тебе ова пустыня ни чувена, ни виђена погребе, и сотимъ славно име твога родителя забравности се преда. Оно ће истина у народной успомени безсмртно остати, али текъ! — Свакій ће рећи, шкода да одъ онакова мужа не остане собственно-крвный наследникъ, кои бы благородну лозу пружію и на далъ. Довольно е, мой Тихомиле! число благо-

родныхъ нашихъ на Косову умалъно, немой га баремъ ти одъ твоє стране умалъвати! Онде є было изъ нужде, но ты своевольно таковый уштрбъ правишь — У свему ти право даемъ, рекне юноша, паметно судишь, и похвалюемъ твою, кою къ народу своему чувствуешь, любавъ, особито пріятна ми є твоя искренность, нити є правомъ Србину притворность никада свойственна была, а наипаче войнику: я самъ све то признаемъ, и то ми едно совѣсть кадъ што пребацує, али што знамъ! Изъ очаянія омрази ми се светъ, пакъ сада ни за што немаримъ, као за спокойный животъ! Изъ почетка разумъ и сердце имали су у мени велико боренъ. Разумъ изыскиваше едно, а сердце, печально мое сердце желило є друго, наипосле ово побѣди, разумъ се склони, примири се, и сада они у сагласію, а я у спокойству живимъ.

Я изъ ове мое сада пустынь гледимъ на светъ, подобно као онай, кои по ужасной на мору буры, и свакомъ магновенію смрћу угрожаванимъ таласми избъгне на тврду землю, пакъ съ благоволеніемъ све предмете около себе сгледа, а кадъ погледи на море и вообрази себи онай стра, чисто му се сгрози сердце, нити жели више таковой се погибели предати.

Они овако у разговорѣ читавъ данъ проведу; и на велику молбу юноше обећа се Никодимъ ту съ нимъ месецъ дана пробавити, и потомъ кадъ имъ дође Драгутинъ братъ; (кои є поручіо быо, да ќе доћи) да га пошлѣ съ нимъ на свое добро, можешъ рекне му, съ моимъ братомъ поштено цѣлый животъ провести.

Нікодиму рука за неделю дана зарости, и буде здрава као и друга: но отаць Захарій не долази имъ, да му захвале; науме сами еданъ путь у монастырь се сићи, али каже имъ баштованъ, да нити е дома отаць Захарій, нити отаць Теодоръ, кога Нікодимъ особито желяше видити: оставу дакле за другій путь.

Нікодимъ истый не бѣше човекъ наученъ; али одъ природе здравъ разумъ, трезвенъ, и духъ бодаръ имаѣше, а ко овима присаединѣно іоштъ сердце добро, просто, одъ свакога пристрастія чисто, и слободно. Онъ кадъ бы бесѣдію, тако бы му одъ нѣговога, овако простога и хрїстіанскога сердца рѣчи на уста истицале, као годъ изъ чиста извора кристалный поточиѣ. Имао е обичай мало говорити, али важно, уредно и у савезу, чисте мысли изражаваюће му; нити бы се кадъ упуштао о стварима нѣму непознатимъ што говорити: и зато га е *Тихомиль* яко возлюбіо бѣо. Они су овде свакій данъ у лѣпомъ разговорѣ проводили; када бы се гди на каковій поузвишенъ брежулякъ попели, и гледали бы съ нѣга дивне коекудъ на подобіе сада по равницы шуме, и између нѣи вѣчно-зелене и цвѣтемъ уткане ливаде: предметъ е нѣовогъ разговора проста природе красота была, кою прїятность саме невине и безпорочне душе вкушати могу. Данъ по данъ настане и мѣсець Септемрій; и будући празнику се случи быти, оду у монастырь, одстое ту свету службу, и пошто се съ отцы калуђери почасте, врате се къ своему обиталишту. Отаць Захарій за испратити іѣ поѣ съ нѣима; у разговорѣ о отцу Теодору и нѣговомъ поучителномъ слову, кое е на литургіи говорію, до саме пештере дођу.

Онъ се потомъ врати, а ови двоица поуморени седну у ладъ предъ своимъ домомъ. Истина, рекне Никодимъ, есть ме и вино поугреяло, али е и време данасъ запарно, да не памтимъ у ово време такову врућину. Я самъ познао, придода Юноша, јоштъ јутросъ, даћемо данасъ велику врућину имати. Наберу грожђа, и метну у едну котаричицу подъ каменъ, низъ кои студена вода као ледъ падаше, те имъ се охлади. Текъ они почну грожђе у разговору ести, алъ се укажу облацы. Найпре гди гди развучени, и рѣдки, на којима косо, къ западу клонећегъ се сунца зрацы, разна изображенія очима представляху, но одма за тимъ тако се густы и црни учине, да се чисто, чистомъ дану смрдне. Дуне малый, и умилно прохладителный одъ запада ветрићъ, одъ кога само лишће на дрви почне трепетати. Потомъ јачій, и јачій почне врхове дрва колебати, и гди коя капъ кише, али крупна заче падати. Они дакле побѣгну у свою колебу; и будући похладно буде, наложе ватрицу, седну и на врата гледе, како киша помешана съ ледомъ већма, и већма узе падати. Камо намъ сада данашня врућина; рекне Юноша, какова промена за тили часъ у естеству се учини! Само да не буде гди, рекне Никодимъ, та олуя отца Захарію ухватила, теће се онъ аратосилати, што е насъ пратио. Ветаръ душе рекао бы искорена ће дрва однети, мунъ кривуданѣмъ своимъ просѣцаю густе облаке, а кадъ поче грмити, и громови пуцлти, цела се земля затресе. Мало за тымъ уталожы се ужасный у атмосфери звукъ, престане и в таръ, киша умѣрена падаше безъ леда, и кадъ што гди коя муња се засвѣтли; узму намеш-

тати креветъ, да спаваю, алъ чую нѣкій гласъ; изыде Никодимъ на врата и слуша: Киша већъ лагано роминяше. Текъ онъ уђе унутаръ, алъ опетъ нѣко выче! Тко бы то было? — ткому драго, одговори *Тихомиль*, намештаюћи себи креветъ; я хоћу да спавамъ: а! — како ти се сладко на овакому времену, надъ киша пада, спава. Они овако разговараюћи се, алъ ето ти имъ на врата неко младо момче „добро вече браћо!“ — цури вода съ нѣга, како е покисао. Никодимъ стакне ватру, валяда си ты, рекне му, оно выкао? Я, вели, смотрио самъ ватру изъ далека, пакъ часъ ми се укаже, часъ опетъ изчезне. О! кадъ самъ еадъ живъ остао, не боимъ се више смрти друге, осимъ кадъ остаримъ, коя мора наравно быти. Рекну му да скине хальине свое сушити, а да обуче, кою му они даю. Онъ во учини, и посади се поредъ ватре. Гледига *Тихомиль*; младићъ баше благозрачна лица, младъ као капля, и у грађанскомъ одѣлу. Одкудъ тако братацъ! упитага *Тихомиль*; Ахъ! любезный мой! и не пытай. — А кудъ си пошао, придода *Тихомиль*; валяда си гди путь помео, кадъ си се тако задоцнио? — Пошао самъ, да тражимъ оно, што нигда наћи нећу, и што ніе требало да изгубимъ; или болъ да рекнемъ, за учинѣну ми обиду тражимъ надъ неправдомъ освету; али съ већомъ моіомъ штетомъ, него онога, одъ кога самъ увређенъ. Ово му буде савъ одговоръ. Онъ се виђаше више са своіомъ срећомъ незадоволянъ, него зашто оскорбленъ, и печаланъ бити. *Тихомиль* нехоћаше далъ любопытствовати, но рекне Никодиму, да наложи већу ватру. Добра е ово ватра, одговори странный, мени зима ніе,

угреюо самъ се узъ ова брда, но имате ли вы што за
ело, я самъ гладанъ. *Тихомиль* устане, и изнесе му
хлеба и сира; и за увести се съ нѣимъ у разговоръ,
и испусити га тко е, и одкуда е, седне и самъ съ
другомъ своимъ, и почну вечерати. Како ти се име?
упыта га *Тихомиль*. Мени се име *Павлимиръ*, одго-
вори страный. Ти си одъ некога увреѣенъ? — Те яко,
любезный мой! — А одъ кога? дозволи ми упитати?
— Одъ онога, кога самъ любити обвезанъ, одговори
страный, за то ми тешко и пада, придода; — при
овому изреченію ударе му сузе. По маломъ ѣутаню
Тихомиль узме чутуру съ виномъ, кою су изъ мона-
стыра донели: „Я твоя тайна приключенія незнамъ
любезный мой! но ако невино што страдашъ, не бой
се, рекне му; имай надежду на Бога, люби добродѣ-
тель, пакъ ѣешъ наѣи покой души, и утѣху сладку
увреѣеномъ срдцу твою, и самъ самъ много постра-
дао, но што знамъ, такавъ е овай свѣтъ; у нѣму е и
зло и добро помешано. Здравъ буди! — напивши се
даде нѣму, пій, пакъ вечерай, колико ти срдце твое
захтева, на насъ не гледай, мы смо се данасъ кодъ
отаца калуѣера у монастыру частили, нисмо толико ни
гладни; *Никодимъ* устане и донесе хладна, и кишомъ
опрана воѣа. Упустивши се далъ съ нѣимъ у разго-
воръ, запытаю га гди се родіо. Я самъ се родіо, ре-
че имъ, у Прилипу граду. — У Прилипу граду! о то
е далеко. Я самъ имао ту нѣкога уяка рече *Тихо-*
миль, онъ е погинуо, но незнамъ има ли іоштъ кога
жива. А како се звао твой уякъ? молимъ. Марко Кра-
лѣвиѣъ, одговори *Тихомиль*. О! знамъ га врло добро,
но я нити што за нѣга, нити за нѣговъ родъ знамъ

казати; будући да самъ я маленъ одатле отишао, како су т. е. Турцы онимъ предѣломъ обвладали, при-бѣгнуемо многи къ Морави. По нѣкомъ времену у едномъ граду родители мои изумру, и я останемъ сирота. Господинъ нѣкій у истомъ граду прими ме къ себи. Служио самъ га вѣрно, и свакій посао, кому су мое сыле соотвѣтствовати могле, всамъ найохотнѣе извршивао. Онъ имаѣаше више дома свога одну велику башчу, у којој између прочи дрва имаѣаше нѣко особито, и одъ свию отлично дрво, кое е онъ одъ свию другій миловао. На тому дрвету само по една у цѣлой години ябука указала бы се; но овај тако рѣдкій плодъ таковъ е вкусъ имао, да е пріятношћу своіомъ савъ землѣродный плодъ превосходію. Я самъ много о тому настојао, да га добіемъ, и съме одъ нѣга на даль приплодимъ. Господинъ мою желю примѣти, и обеѣа ми іошаъ у цвѣту такову ябуку, ако до руке дође, дати ми. И будући да самъ я свакій данъ у ту башчу ходію; гледао самъ съ неописаномъ радосћу на ону грану, коя скупощно одъ господина мога мени, за труде мое, награду на себи садржаваше, нестрпѣливо кадъ ѣе сазрети. — Видимъ веѣъ еданкуть, да іой сунце благодатномъ своіомъ съ едне стране смильну, а съ друге ружичну подае бою; игра ми срдце одъ радости, испунимъ се веселя, Боже помози говоримъ у себи, као да ю веѣъ у руцы имадо. Кадъ еданпутъ у ютру уѣемъ у башчу, бацимъ око на грану, алъ мое ябуке нема! — о како ми е тада было, као, да самъ Богъ зна какво изгубію благо! седнемъ на землю, и пошто се одъ туге исплачемъ, легнемъ ту и заспимъ; кадъ устанемъ, као невѣруюћи

своимъ очима, опетъ изгледамъ, небы ли ю видію, нейма! на то мени непознатъ са стране гласъ у уши дође: „бадава изгледашъ о юноша! то е дрво волшебнo, и она грана, на којой е твоя ябука стояла, нѣ нѣгова собствена, но одъ другогъ дрва прикаламлѣна была, за то знай, да юче по одлазку твоемъ изъ баште, сва дрва у спокойствію стояху, а оно се тако затресе, и безъ найманѣгъ ветра гране залюля, да ябуку твою преко плота на полъ избацы! ту се случи едномъ цыганчету кодъ свиня быти, кое ю, твоему господину у башчи, узме и однесе.

Окрећем се около себе, и на страну, одъ кое ми гласъ дође, не видимъ никога. Разсрдимъ се дакле, пакъ узмемъ сѣкиру, да исто дрво при самомъ корену подсѣчемъ, и освету мою надъ нѣмъ учинимъ. Али у овомъ дѣлу други ме, кои такођеръ ово дрво нѣ могао трпѣти, предвари, и нѣга пре, него љу я до нѣга дођи, подсѣче. Онда я знаюћи, да подозрѣніе избећи не могу, даће господинъ безъ сваке сумнѣ на мене то потворити, и да самъ дрво я посѣкао, рећи, пакъ тежко бы мени онда было: поиштемъ дакле спасеніе свое у бѣжаню, и тако ти се сада приуцамъ одъ немила до недрага, што наше баке кажу. — Ово е само еданъ примѣръ любезный мой! рекне *Тихомиль*, съ коимъ любопытство мое задовольіо ниси. Како то? — тако, ты повѣсть твою сказа намъ у причи, а не у правоме смыслу нѣномъ. Онъ нехотевши се болъ изяснити, окрене разговоръ, и упыта, како се они ту, и при чему находе. Мы смо овде, рекне му, у одной монастырской башчи башчовани. На кое онъ „благо вами! какво намъ е благо у

томъ? — такво, што спокойно живите у овой пустыни. — Ово спокойствіе можешъ и ты, ако хо-
ћешъ, сутра имати. — Не може любезный мой! рек-
не странный, подъ сунчанимъ свѣтомъ спокойно за
себе оный мѣсто наћи, кои неспокойствіе у своме
срцу носи. То изрекши падне му арфа у очи, коя ту
о дувару висяше, узме ю, и намештаюћи на нъой
жице, пыта чія е; моя, рекне *Тихомиль*, я кадь што
съ нбомъ се позабавимъ, но ако знашъ, дедъ мало
ударай. Онъ одма натегне жице на нъой, стане уда-
рати и овако пѣвати. —

Покой сладкій распротр'о своя любка садъ крила,

И у црну тиха ноѣца одежду већъ завила

Све предмете, сва животна одъ востока къ за-
паду;

Почиваю сви у ложахъ, нить се чую, ни
виду

Не чуе се шумъ умилный по гранчицамъ птичи-
ца,

Нить свирале гласъ взаимный по ливадамъ
пастыра:

Морфей е све животно садъ сномъ упокою,

Само срдце онъ печално свога дара лишію! —

Слабо када сна пріятность осѣтити тай може,

Кога срдце гризе жалость, и онъ често уз-
дише! —

Благо вами кодъ оваца, о вы прости пастыри!

Спокойна су ваша срдца и весела у гори.

Кадъ испое пѣсму „благо ономъ, рече, овога
света, кои е само здравъ, пакъ е са своіомъ сре-

ѡмъ доволянъ. Ово самъ, вели, одъ стари давно чуо, но докле нисамъ самъ своимъ опытомъ искусію, нисамъ имъ вѣровао.

Проведу овако у разговору по дугу часть ноѣи. Сутра данъ порано навали да иде, благодари овима найусрдніе на дочеканю, и пріятельству. Ови га почну уставляти, да се кои данъ при нѣима задржи, и молу га, да имъ ту любовь не одрекне. Немойте, рекне имъ, любезный мои! оно одъ мене захтевати, кое вамъ учинити не могу, ни ти ме за оно молити, за кое бы самъ я самъ васъ молю, да ми е у возможности моіой; я иѣи морамъ, но може быти, да ће мо се скоро и опетъ видити, гора съ горомъ не може се састати, а човекъ съ человекомъ свакій путъ. Но простите, и съ Богомъ! съ Богомъ велимъ срдцу моему любима двоице! на то му се наводну нѣгове лепе и велике очи, изъ коихъ му се две кристалне сузе, као два зрна бисера низъ лице свалише; со тимъ полюби се съ обоицомъ и оде. — Ови двоица пратише га съ умиленимъ срца взоромъ до за одну шуму. — Молимъ те рекне *Тихомиль* другу своему, шта ти се види одъ овогъ младиѣа? Дивный ми се заисто дечко види; одговори *Нікодимъ*, наученъ, и добаръ, но не каза намъ, зашто се печаланъ быти види. Онъ има нѣку особиту тугу на срдцу, одговори *Тихомиль*, и жао ми е, што изелѣдити не могохъ. Синоѣъ чуо си, како у нѣкой причи каза намъ нешто, но тко бы га разумео; али да е младиѣъ изрядне нрави, то е истина; такова благоумилна съ чистосрдечіемъ учтивость, умѣрена съ тихостію бесѣда нѣгова, благообразіе и трезвеность духа. И све то као

да е се съ нѣмъ родило. Онъ е морао онда добро воспитаніе приимити, докле му сердце іоштъ ни зашто, што е ружно, знало ніе, нити таковый познае себе, да е толико добаръ; еръ су му се све добродѣтели у само естество нѣгово претвориле: каковый одъ таковога славный мужъ быти може! Но жао ми га сыромаха, валя да е што, као што самъ и самъ пострадао. . Овако разговараюћи се врате се дому.

По нѣколико дана едно јутро пробуди се *Тихо-милъ* изасна, гледи, алъ му не има друга; обуче се, и изыде на изворъ умыти се, мыслећи, да е онъ отишао у башту: кадъ алъ ето ти му нѣга, осмѣваюћи се „знашъ ли шта е ново? упыта. Нашъ, вели *Павлимиръ* стао овде недалеко кодъ нѣкога газде, да му чува овце. Иди не говори! — Естъ ваистину, я самъ съ нѣмъ садъ башъ говоріо, и поздравіо те любезно; о како му е мило было, кадъ ме е видіо! казао е, да ће насъ походити. Оный истый младићъ што е ономадъ кодъ насъ преноћіо! — Оный, оный, кажемъ ти, я самъ садъ съ нѣмъ бесѣдіо. А о сырома! шталига е на то принудило, да овце чува. Я самъ се самъ о тому чудіо, и кажемъ му „како си се могао на то склонити; Богъ нехъ суди, рече, оному чрезъ кога е; стао самъ, вели, овде кодъ еднога доброгъ човека само да проведемъ зиму, а на пролѣће кудъ ми Богъ да. Молимъ га, да ми каже: зашто страда, и тко му е было найвећій у тому неприятель, кои га е у таково очаяніе баціо; не могу ти, вели, сладкій брате! казати ни пошто; но знай да невинно страдамъ, и невинность ме моя подкрѣплява трпити све бѣде, а кадъ бы казао, онда бы себе достойна каз-

ни быти признао. Да не морамо сада у башчу ићи, рекне *Тихомиль*, башъ бы му отишао, Доћи ће онъ къ нами за цѣло, одговори *Нікодимъ*, и сотимъ оду у башчу.

После некогъ времена пошло калуѣери изъ манастира ѣака, те збогъ 'некогъ посла одзову *Нікодима*. *Тихомиль* оставши самъ, а празничный данъ будући, незна, шта ће да ради, узме едну кнѣигу, и штапићъ у руку, пакъ се поѣ преко шума шетати. Онъ кадъ штобы стао и читао, кадъ што около себе гледао, како већъ гдикои по дрвећи листакъ зелену губи бою, и есенъ га позлаћавати починъ; неко лисће пожутило, а неко чисто црвено постало. Расућаваюћи овако о промены овой у естеству, и слушаюћи гдикою саму птичицу да пое, поудалиле се одъ свога жилишта далеко, мало по мало сунце къ полдну приближаваюћи се разслабига, а и тако будући поуморенъ, седне подъ едну велику липу и чита. Хоћашега ту санъ подкрасти, и текъ у мысли, да се мало наслони, и поспава, шушне нешто са стране на кое презне, дигне главу, и погледи. Но о, кога онъ сада ту смотри! — Една млада девойчица препела се бѣше на едно дрво, по коему се дивіе вінове лозе сплеле біяху. Она у левой руцы држаше белу мараму пуну віняга (дивія рожѣа) а съ десномъ се ухватила за едну грану да непадне: и тако одъ овога, кадга е спазила, уплашена никуда се маћи ние смела, густо лишће нѣно е лице тако покривало, да га юноша видити немогаше: и мысли, да и она нѣга не види, стане се лагано къ нѣой прикраћивати; но ова, коя га е крозъ лишће трептеће у страху мотрила, врисне сирота, и падне на

землю! овый притрчи: не бойсе сердце мое одъ мене, небу я теби ништа, заклинѣмъ ти се небомъ, да ти никакову обиду учинити небу. Ове ю речи нешто поврате къ себи, и поублаже. Юноша приступи юй ближе, а да се ниси убила; вели юй: она се исправи, и юштъ себе овому неповѣраваюћи, нисамъ се убила, рече, и сотимъ окрене свое лесе, и свѣтлости пуне очи мало на страну, овый прилѣти, да е она рада побѣћи, и зато ю кротно ухвѣти за руку: не плашисе мене голубице, я нисамъ неваляо человекъ, Богъ нека ми суди, ако ти найманъи вредъ учинимъ. Съ овимъ утѣшительнимъ рѣчма одузме юй мало страхъ, одъ когъ нѣно бледо бывше лице обратисе опетъ у румену ружицу, и повисе на нѣму поразителна любкость, съ благодатнимъ онимъ цѣломудрїя цвѣтомъ, кой се стыдъ зове, кой младихъ вѣкъ уважава, и на подобїе штита неискусну младежъ одъ порока храни. Юноша са умилениемъ сердцемъ установи видъ свой на ню, Боже благи! рекне у себи, како си дивно ово сазданъ украсїо; девойчица одъ едно 15 лѣта свои, юштъ ни возрастъ совршеный не имаѣше: на нѣой одѣло просто, но нѣнъ дични струкъ красїо га е, нѣна два образа пуна, и гладка на подобїе пролѣтне ружице, коя кадъ текъ изъ свога зеленогога преплета спровоу сунца заруменисе. Онъ е рукомъ по образу милуюћи: света невиность! доксмо съ стобомъ, штасмо друго но ангели на земльи. Видѣћи ю, да е се мало освободила, одкудаси, запита ю, и каковый те е случай у ову пустиню донео, и имашъ ли кога? Она се на ово пытанъ заплаче „имамъ Бога, одговори и ево тебе, кога е може быти

онъ послао, да ме избавишь. Не бой се ништа, одговори їой онъ, узме ю за руку и поведе къ нѣкой великой клади, на кою седну. Нѣгове блага и утѣшительне речи ню тако разжале, да одъ плача едва по гдикую речъ произнети могаше. Не плачи голубице моя! вели їой, я се завѣштавамъ одъ садъ тебе за мою сестру признати, Богъ ѣе, кои е надъ нами, быти свидѣтель мога завѣта, и некъ ми буде неумитный судія, ако бы га я кадъ годъ нарушио; то рекши полюби ю „ово е сердце мое печать, коимъ я потврѣвамъ мене одъ садъ за брата твога назвати; но кажи ми одкуда си, и чія си кѣи была; гди си се родила, како ли си у ову пустыню зашла. Она обрати свое одъ плача црвене очи на небо „Оче, и Боже мой, благодаримъ ти, да ме оставію ниси.“ Потомъ „добрый и штедрый мой избавителю, и любезный братецъ! коимъ ме е именовъ сердце твоє одарило, да те тако звати могу, ово е веѣъ четвертый мѣсець, одъ како я страдамъ, и по овой непознатої пустыньи блудимъ, нити знамъ кудъ изиѣи, ни на кою се страну окренути. За вашъ мужескій полъ доста бы, и много было, шта самъ ти пропатила, а некамоли за мене женску особу и у овому вѣку мому. Варошъ Ресавя, валяда ти е позната, при коїой рѣка истога имена у Мораву утиче? Знамъ добро! — Ту самъ се я родила. Мой е отаць быо дѣлатель сукна, имао е две коварне сукна дѣлнице на истой Ресави води; и стаяо е са своимъ занатомъ весма добро. Онъ остане удовъ, а я сырота одъ петъ година съ два моя мала такоѣерьъ брата, кои су ми потомъ умрли. Огаць нашъ имаюѣи домостроительство велико, а насъ будуѣи трое

дѣце малене, принужденъ буде у второй бракъ ступити, но по несрећи у овомъ се превари, нагази на нѣку зловаравну, и преко мѣре люту и пакостну удовицу, съ коіомъ у повседневной грдњи и несогласію 8 година поживи и умре. Некій мѣштани говору да га е она отровала, ели истина, неznamъ, но то знамъ, да му е съ нѣнимъ чангрзанѣмъ, псовкомъ и сваднѣомъ свакій данъ отровъ давала; али све на страну, како е было, онай наиболѣ зна, кои свакога дѣло види, и кои ће свакомъ буди кадъ по правди судити, а мы неваля да туђе грѣхе споминѣмо, особито кадъ се више помоћи неможемо.

По смрти мога отца наслѣди она самномъ толико добро! како е самномъ поступала, нећу ни говорити, — она одъ свое крви ніе имала ни едно. Еданъ младичъ у сусѣдству мене е весма любіо, и я нѣга такођеръ: мы смо были іоштъ малени, и непамтимо, кадъ смо, и како смо едно другомъ любовь зачели. Игралисмо се заедно као деца, заедно потомъ у школу ишли, и свагда као братъ и сестра пазили се. Наши су родители такођеръ у крайнѣмъ пріятельству живили, и нѣговъ любезный отаць, кои е быо судія у граду, доста бы ми пути рекао „ты ћешъ бити моя снаа“ я самъ съ нестрпѣніемъ чекала, да еданпутъ дође време, да се само маіе избавимъ. Кадъ аль изкусимъ, да она съ нѣкимъ старимъ симиціомъ, кои е быо Гркъ, шіе нешто, да ме за нѣга уда! а я на овога човека, Богъ нека ми опрости, мрзила самъ као на исту смртъ, особито кадъ ми е маія поиздалека одкрила, да ме е рада за нѣга дати. Прокопамъ најпосле, изъ кога узрока она то чини, како што ће у

бесѣди садъ доћи. Лане башъ у пролеће еданъ данъ по ручку ето ти старога мога младоженъ къ маѣи у собу; я узмемъ ђерѣвъ мой и изиђемъ у башчу, кою смо поредъ дома имали, седнемъ подъ едно дрво у ладъ везти, и онако забринута почнемъ певати, а сузе ми на очи иду. Шушне ми нешто иза леђа, окренемъ се, аль мой Любивой, судинъ сынъ; изъ свое башче ускочио у нашу, пакъ изъ шале хтео се прикрасти, и острагъ рукомъ ми очи затворити. Онъ осмеяваюћи се на мене „ала самъ те, вели, хтео поплашити.“ Я самъ одма, докле самъ га спазила, очи марамомъ убрисала, да ме не види, да самъ плакала. Седне поредъ мене, и гледи мой везъ. Милена! рекне ми, оћешъ ли ми моѣи калпакъ са златомъ ово до неделъ навезти? да знашъ, вели, каковый ми е татица калпакъ ономадъ изъ Крушевца донео! Али га нећу на главу, вели, метути, докле те онъ као свою снау не полюби. Сотимъ пригрли ме и полюби. Е мой Любивой! рекнемъ му я, неће одъ тога ништа быти. Шта! — одкада то, вели, заръ ти мене не любишъ? — Мени на то ударе сузе, иди молимъ те, рекнемъ му, уклони се садъ одъ мене ербо добро знашъ, да моя маѣи орлове очи има, спазиће те овде самномъ, пакъ ћу пропасти. Я ићи нећу, рече, докле ми не кажешъ, што е теби, и што си рекла „неће одъ тога ништа быти, ты, вели, или сумняшъ што о мојой къ теби любви, или изъ кога узрока твоя къ мени престае быти. Ако е прво, я ћу ти лако доказати, да я безъ тебе на овому кругу земному живити не могу; ако ли е друго, простъ нека ти буде животъ мой, кадъ си га несрећна, и мени

горка учинити намыслила. Суза ова, реинемъ му я, заплакавши се, кою видишь изъ мой очю, нека те увѣри, колико те любимъ; а теби су позната правила нашегъ женскогъ пола, да любовь одъ наше стране подъ завѣсомъ стыда сакривена быти мора, и мыслимъ, да о моіой къ теби, у невиномъ дѣтннству іоштъ зачетой, любви сумняти се неможешъ „зашто дакле плачешъ? — на кое я „иди само за садъ, а довече дођи подъ они велики орахъ, пакъ љу ти казати, шта самъ чула. За Бога Милена! нѣе ти вели жао, да ме толико съ неизвѣстіемъ мучишь; идемъ дакле, но буди на рѣчи. Само едини естественни случай изятіе у тому имати може, а друго ништа, рекнемъ му я. Сотимъ онъ замышлѣнъ и невесео оде; узмемъ и само мой везъ и вратимъ се у домъ, текъ я на врата, а симидія изиђе, и за нѣимъ маѣія; испупчио трбу, пакъ иде предъ нѣомъ, смее се на мене, и рукомъ уштине ме за образъ: я снизпустимъ очи къ земљи и невешта му се чинећи прођемъ у собу. Маѣія кадъ га испрати, врати се у собу и стане ми коешта о нѣму говорити; како е добаръ човекъ, паметанъ, поштень и врло богатъ, како бы я при нѣму славна была, ако бы ту срећу имала, да за нѣга пођемъ и проча овакова. Мени се досади слушаюћи ю, а ништа неодговараюћи, и будући последня нѣна рѣеъ гди ми рече: ако бы имала іоштъ срећу да за нѣга пођемъ, разжали ме тако, да самъ морала уклонити іой се испредъ очю, и пошто се сыта наплачемъ, боримъ се по памети, хођу ли іой изићи, и башъ управъ казати, да ми више о тому не споминъ, и да я такову срећу, кое ме

као и недостойну бити чиняше, покланямъ драго-
вольно буди каквой другой; мени не треба, макаръ
найнесрећнѣя на свѣту остала, или ѣу велимъ трпѣ-
ти, некъ онай трбушко вара се и съ нѣомъ заедно у
надежди іоште, а кадъ ме башъ поиште, я знамъ шта
ѣу говорити, нити силомъ ова стварь бити може.

Али може бити, любезна моя Милена! рекне
Тихомимъ, да е она то изъ добра намѣренія чинила,
желећи те за богатога удати, да будешь срећна, и
при старомъ мужу іоштъ у већой чести, не взира-
юћи на склонность срдца твога, као што се многи
старѣи, и родители у тому доста пути преваре, и
преко вољъ, свое дете за таковога даду; пакъ се
потомъ каю; ербо за што бы друго она тебе преко
твое вољъ на то скланяла? Бси ли ты нѣой твое
о тому негодованіе кадъ одкрила. Я іой ни еданъ
путь башъ управо назала нисамъ, да за нѣга поћи
неѣу, нитъ самъ іой смела то казати, но нѣколико
пути дала самъ іой познати, да я волю на то не
имамъ. — А ели она знала, да е тебе судіе тога
сынъ радъ быо узети? — Како ніе знала, кадъ е и
сама за живота іоштъ мога родителя много пути о
тому говорила, радовала се, и желила съ Апостоло-
вићемъ (тако се звао судія) у пріятельство ступи-
ти. Но по смрти мога отца у нѣколико дана изме-
ни се жена, нити іой е мило было, када бы Люби-
вой къ мени дошао, кога е найпре као свое дете
миловала. Я самъ се чудила, дуго време мыслила,
шта бы то было! Найпосле каже ми нѣка сусѣдка,
коя се съ покойномъ моіомъ матеромъ, као сестра
пазила была; да е моя маіія за судію, мога Люби-

воя отца, кои е у еданъ данъ удовъ остао, кадъ е и мой атацъ умр'о; рада поћи, и велика госпою назвати се, да іой се грађани кланяю, и као милостиву госпою у руку любе. И будући да овый на ню ніе ни гледао, науми преко какови пріятеля судіи окренути мозакъ, да онъ ню узме. Нитко болъ о тому ніе могао пословати, као киръ Ставра симиція, кои е богатства свога ради прво мѣсто кодъ судіе између свію прочихъ заузимао. Она дакле како ми предречена сусѣдка каза, хитрость свою, и нммереніе саобшти му, и замоли га, да се онъ о тому, колико е могуће, потруди, и свакояко настои, да бы ню судія за супругу узео, и даће она нѣму за то до смрти обвезана быти. Киръ Ставра на то како чуемъ, рекне іой: „Како годъ што вѣруєшь, да е, вели, 5 и 5 десеть; тако вѣруй, да ћу я то свршити, и судія ће тебе узети, но валя да ми дашь твою пасторку Милену. Она на то готова буде, ербо се е и тако бояла, да ю мой Любивою не предупреди и мене запроси, пакъ бы съ тимъ сви труди нѣни се упразднили, и она бы се желъ свое лишила. Обећа му дакле мене за жену одма; и старацъ предузме бригу судію обаявати, а она друго, мене за нѣга поћи склонити. Овай е узрокъ мой братацъ, быю, што е она мене дете за таковога старца уда-ти хотѣла; а не за нѣгово богатство, мени е богатства довольно одъ мога родителя остало, да е насъ петоро деце было, сви бы довольно среѣни были, а не я единица. — Хоћешь ли дакле казати то Любивою? Еръ како ми се види нѣму іоштъ ніе то познато было — Ништа іоштъ ніе быю знао, одговори

она, и бесѣду далѣ настави. Тай данъ до саме но-
ћи не осушимъ образе одъ плача, едва чекамъ, да
се смркне да му кажемъ, и изыдамъ се, да бы ми
сотимъ лакше нешто было. Како се смркне, поитимъ
на уреченно у башчи мѣсто, гди га сырома заста-
немъ нестрпѣливо на мене изгледаюћа: но хвала Бо-
гу, вели ми, едва те дочека. Да знашь, мыслимъ у
себи, у какво ће те смущеніе бацыти оно, о чему се
ты извѣстити желишь, волю бы си и неизвѣстити
се. Знаюћи му наравъ жао ми буде, да му оно ка-
жемъ, што ће га яко ожалостити, али што ћу таи-
ти, кадъ се и тако мора чути, дай рекнемъ у себи,
да подѣлимъ съ нымъ ово бремя, кое я сама но-
симъ, небы ли велимъ онъ, као мужко, какво сред-
ство изумео, съ коимъ бы се у овакови обстоятел-
стви спасти могла; почнемъ му дакленъ овако.
„Добрый мой Любивою! ты може быти нећешъ се-
би моћи вообразити, како мени тешко пада тебе о-
жалостити, — али што се затаити не може, волимъ
да одъ мене, него одъ другога чуешь: я знамъ, да
теби ово, што ћу ти казати, ни найманъ познато ніе,
оно ће тебе смутити, али када я слабый полъ жен-
скій трпимъ и сносимъ, ты мужко више великоду-
шія валя да имашъ, и ако то при теби не буде, за
насъ обое неће добро быти: любезный мой! проду-
жимъ, ово ће быти прва проба, искушенія на теби,
каковомъ храбростію, и великодушіемъ противне на
овому свѣту случае сносити можешъ. — Любавъ,
коя е изъ дѣтинства дворе свое у срдцамъ нашимъ
посадила, остае безплодна! едно само воспоминаніе,
да смо ю чисто, и у невинности проводили, насъ

рааставляле одъ садъ може тѣшити. — Разставль-
не! шта ты говоришь? О тому се ради и послуе,
рекнемъ му я. Тко бы, вели, то быю, и ель можно
вѣровати, кажи ми све, ништа не таи одъ мене! —
Я надежду са свимъ іоштъ нисамъ изгубила, то не-
мой ни ты у очаяніе падати, може быти, да се не-
ће по нѣовой жельи дѣло къ концу привести, шатъ
се небо смилуя на нашъ до данасъ цѣломудрени жи-
вотъ, и не разстави две душе невине. — Тко су то,
повиче, кои мени такову погибель желу? — Моя
маѣія! а како она одъ нѣкогъ времена съ неотлож-
нимъ повечаніемъ о тому преко пріятеля послуе, да
ю твой господинъ отаць узме; и онъ е одъ нѣ веѣъ
очаранъ, онъ ће ню узети. Около тога дѣла киръ
Ставра ово дана башъ зато прагъ и обія, а само мотри,
пакъ ћешъ искусити, и све дознати. — Нигда то
быти неће! — но! видићешъ. . . Онъ се пусти ма-
ло у замышленіе, поћути, и потомъ „Милена! малъ
да већешъ погодити, вели, ербо самъ и самъ примѣ-
тіо, да онъ съ моимъ отцемъ нешто шушка; али
Богъ и моя душа, ако то буде, да онъ оноло тога
дѣла ходи, горе ће му быти, него онда, кадъ самъ
га у млекуару нашемъ у гвожђе вели, уватио. — А
како га е уватио у гвожђе? запыта *Тихомиль*. —
Мой покойный отаць држао е и овце; служкиня бы
была дакле млеко у млекуару по карлица разлила, на
коица бы се скорупъ хватао, а тай киръ Ставра
весма е скорупъ ести миловао; одтудъ, одовудъ ето
ти га у млекуару, пакъ скорупъ претима слави и
поеде; потомъ кукавна служкиня буде псована. Бданъ
путъ дакле разерди се маѣія, а башъ е оне године

была доведена, псуе' и грди служкиню, зашто га пушта у млеку. А мой Любивою, малый онда јоштъ, игра се самномъ „Мамице! вели, а тко е вамъ поскорунъ?“ а она као детету одговори „мачакъ рече душо! — А оћете ли, да вамъ донесемъ гвозђе, пакъ да га уватимо? — Право велишъ мой сынко! то бы му и требало, алъ е ово великій и грдный мачакъ; на кое онъ „алъ мой татица има гвозђе, што се куряцы ватаю — добро сердце мое! смеюћи се рекне му, а ты донеси. Оде ти богме онъ, и дошика грдно велико гвозђе. Маѿія е моя ушла у собу, и легла мало спавати; ние ю могао дакле будити, но са служкиньомъ запне гвозђе у млеку; пакъ се оде съ децомъ играти, по потоку предъ домомъ раке ватати, а я уземъ плетиво, пакъ седнемъ у ладъ, послуемъ и гледимъ, гди они мале рыбице избацую на брегъ; алъ ето ти киръ Ставре! лагано отвори млеку, пакъ онако после ручка, како е спавао быо, бунванъ уће у аятъ, и будући трбу му великій, не види, шта е предъ нѣимъ, докъ на еданъ путъ пуфъ! съ панучомъ на босой ноги у гвозђе. Стане га сырома по млекари урликъ, стечемо се мы деца (служкиня е была отишла некудъ) гледимо крозь прозоръ, како се мучи, етенъ, и псуе нешто грчки, а неможе одъ трбуа добро да се пригне и гвозђе скине; деца облећу около врата, вичу „Киль Ставя! Киль Ставя! уватио се у гвозђе! на кою вику ѿипи маѿія и онако ердита, што су ю пробудили, потрчи съ обраницомъ къ млекари, а киръ Ставра помысли да ће нѣга „не госноя да одъ Бога наѣшъ! повеће сырома, на то она погледи, и кадъ

га види у гвожђу, увати се одъ тежка смея за трбу, пакъ седне на землю, онъ сырома виче „аманъ господя имасъ дусу море! оди да ми памозесъ, пакъ се онда смей бре! Каква си жена Бозе мой! стоти е вулгаръ. — я плацемъ а оно се смее? но ова едва проговори и запыта, гди е Любивой; есть! Любивой зна што е урадио, пакъ побегао дома. За то садъ каже, горе ће му бити, него онда, кадъ самъ га метнуо у гвожђе. — Не вѣруемъ, вели, я Милена! да ће одъ тога што бити, ты се зато ни мало не бой, мой се е отаць заклео на издыханію мое матере, да се онъ више нигда женити неће. — А кадъ му я каза, да е мене маѣя рада за Ставру да да, само да онъ, велимъ му, около твога господина отца настои, не былъ ню узео, погледи на мене пакъ ми рекне: говоришъ ли то истинно Милена, или ме што искушавашъ? Истину любезный мой! одговоримъ му, ако не вѣруешъ, дай само позоръ, пакъ ћешъ сва и самъ искусити, но я волимъ умрети, него за нѣга поћи, кажемъ ти, како ми е маѣя говорила, и како ме къ тому рѣчма предуготовлява, како се онъ мени одъ нѣколико дана лепо явля и т. д. Коє онъ кадъ саслуша, восхити се яростѣу „ахъ већь ако я умремъ, вели, а иначе столпъ, на коєму е моя срећа утврђена, рука човеческа разрушити га, и низринути неће! Сотимъ клекне на землю, и дигне руке къ небу „теби се я овде завѣштавамъ, о громова повелителю! прими овай завѣтъ мой, о света управителю, да Милену мою до послѣдне капль крви оставити нећу! — иль ми даруй съ нѣоме живити, иль ми животъ, кои бы ми горакъ безъ нѣ быо, одузми!

— и ако бы завѣтъ овай преступію, сотвори са мноми, као съ еднимъ клетвопреступникомъ. . Онда паднемъ и сама на колѣна, простремъ руке къ Богу и подобну заклетву одъ мое стране учинимъ, да се волимъ живота него нѣга лишити; сотимъ онъ оде преко башче, а я се плачући вратимъ у мой домъ, то ми е послѣдній путь быо, да самъ снѣимъ говорила! потомъ іоштъ еданъ путь мимоходно самъ га видила, какъ може быти више нигда! . . .

Сутра данъ устанемъ порано, нити самъ честито ту ноћ спавати могла; чистимъ, и спремамъ, докъ ми маѣія іоштъ устала нѣ, кадъ алъ ето ти ми бце, мога Любивоя роѣне сестрице, до нѣи двое више судія нѣ ни имао: была е девойчица ова млаѣа іоштъ одъ мене. Кадъ ю видимъ, зачудимсе. бцо! што си ти тако поранила? Она мане рукомъ на мене, да мало изыѣемъ за нѣомъ, кадъ тамо, алъ иѣой очи црвене одъ плача! шта е? уплашена запытамъ ю. Ахъ! шта е се, вели, синоћъ кодъ насъ случило! браца, не знамъ гди е быо, доѣе дома невесео, и срдитъ; униѣе у другу собу отцу, поведу нѣкій разговоръ, какъ се сваду. Я чуюћи, гди татица нешто виче, приближимъ се къ вратма, слушаемъ, и крозь браву провиримъ у собу; али браца клеко предъ нѣимъ на колѣна, плаче, и нешто га моли; чуемъ найпосле, гди говори, и руке му дигао: Сладкій татице! ако си башъ то наумію, я идемъ, вели, у свѣтъ кудъ ме годъ очи воде. Та не зиашъ ли, за Бога, да е она гора, него е игда Ксантіпа была! та не говорели люди, да е она и првога свога мужа отровала. Ова рѣчь тако бацы

тату у ярость, да е скочио за палицу и поврхъ главе хтеде га ударити; но браца му тргне налицу изъ руке, и сву на парчета изкрши, пакъ побѣгне на полъ. Девойче казуе, а мене хладни зной про- бія „пакъ гди е браца садъ; запытамъ ю. Дошао, рече, опетъ, и дома е сада, но нити отаць нѣму што, нити онъ отцу говори. Сотимъ девойчица оде, а я останемъ као убіена! идемъ по соби полулуда. Устане маѣя, нѣта, ели ручакъ готовъ, имаѣмо, вели, госта єдногъ? Беть, одговоримъ я, готовъ е ручакъ давно, но штаѣмо кувати за обѣдъ (ручакъ се овде подразумѣва то, што мы туѣимъ изречені- емъ кажемо Фруштукъ) може бити, вели да ѣу го- ста и на обѣдъ зауставити, но да заколѣшь ѣурку, и умееишь са елушкинѣомъ єдну гибаницу. . Мы- слимъ, каковъ ѣе гостъ бити; кадъ аль ето ти киръ Ставре! сгрозимъ се кадъ га видимъ: Милена дуо! ели готовъ руцакъ море! Ахъ! море ти гробъ быо, помыслимъ у себи: ты ли си тай гостъ, за ко- га се я журимъ. Я се клонимъ одъ нѣга, као одъ демона, а онъ све около мене. . Кадъ ручаю нѣи двоє, зовну мене, униѣемъ, но шта чуемъ! да по- ѣемъ за нѣга! — Я млада, као што ме видишь, а онъ съ бѣли власи човекъ; я воспитана кодъ по- койногъ родителя, и научена, а онъ простаць, и дурльивъ одъ овога свѣта. Любезный братаць! кадъ ми напомену о томъ, окрену се домъ около ме- не, смутимъ се, спустимъ очи къ земљи, пакъ поѣу- тимъ, и мыслимъ, што ѣу имъ сада одговорити. Найпосле кажемъ управо, да онъ моя прилика нѣе, нити ѣу я за нѣга поѣи; и сотимъ изыѣемъ на по-

лъ. Када онъ оде, ето ти ми маѣе опетъ, стане ме съ рѣчма облетати и пребацывати ми, зашто я одбацывамъ такову рѣдку среѣу, у што се уздамъ, и на какву болю среѣу одъ ове изгледам; онъ вели ако и естъ човекъ у година, нѣ се нигда женю, човекъ богатъ, и поштенъ; ты бы при нѣму слава госноя была; него хоѣешъ, рече, за каквога ветрогоню; али да знашъ, да неѣешъ за онога, за кога ти мыслишъ поѣи, ванъ да ме найпре мртву видишъ. Станеми претити и съ уякомъ, кои ми е бую мѣсто отца, даѣе она мени кодъ нѣга направити посла. Я знаюѣи, каква е жена рѣчива, а мой уякъ човекъ миранъ и поводливъ, уплашимъ се, и заключимъ съ Любивоемъ побѣѣи кудъ, но ево неволь, што ме садъ ни три корака одъ себе не пушта, слѣдователно съ любивоемъ не могу да се састанемъ.

Четвртый чакъ данъ ето ти юй судіе, съ киръ Ставромъ, и юштъ єднимъ старѣшиномъ мѣста: овде ми се садъ даде прилика, мало се у башчу измаѣи, кадъ тамо, алъ наѣемъ и любезнога мога, кои такоѣеръ привребавши родителя, да овамо съ ономъ двоицомъ доѣе, похити съ єдномъ цедульицомъ у башчу, да бы ту башчована, или слушкиню нашао, преко кое бы мени поручю. Онъ е веѣъ подробно о свему извѣštenъ бую. Паднемо єдно другомъ около врата, поліємо се сузама „управителю свѣта! разжалѣни рекнемо, за што дозволи, да два овако слаба срдца любовъ найкраснѣи твой даръ осеѣаю, кадъ имъ садъ уживати таковый одричешъ! — зашто да нѣи чувство разслаблява, и овако сылно єд-

но къ другомъ притеже, кадъ се растати мораю! Ахъ, правосудіе неба! у жалости будући продужи-мо, две душе, и два срдца едно у друго сливено, да се не соедине и светимъ бракомъ не обруче?! — по другомъ овако сѣтованю заключимо кудъ ћемо побѣћи: сотымъ се разстанемо, обећавајући се едно другомъ опетъ се сутра, макаръ како видити. — Сутра данъ изиђемъ, и тражимъ га съ очима по башчи, но немага! по подне опетъ улучивъ прилику, одтрчимъ, и изъ мое башче гледимъ у нѣгову, немага! тако два дана. — Дамъ се у бригу, што бы то могло быти! Трећи данъ, како ми маѣія после ручка наслони се мало спавати, замолимъ служкиню, да ми иде Ђцу дозвати. Ова оде, но не нађе ю дома. А еси ли видила, пытамъ ю, младогъ господина? Та онъ ніе дома, одговори ми служкиня; заръ ты вели, не знашъ, да е нѣга отаць на путъ послао. Я: а одкуда ты то знашъ? Она: я самъ ономадъ нѣкій разговоръ господина Апостоловића съ нашомъ госпоіомъ разумѣла: я вели, намештаюћи у другой соби креветъ, дамъ мало позоръ на нѣову бесѣду, и чуемъ гди судія рече: “Я мое дете не могу одбацыти, мы смо сами криви, кои смо имъ то улили у главу, я ћу нѣга, рече, послати на путъ, ево сутра одма некъ иде, алъ ће то залуду быти. Ове самъ рѣчи, придода служкиня, чула, но шта су се пре тога разговарали, не знамъ; ютросъ дакле запытамъ нѣову служкиню за нѣга, и она ми каза, да га е отаць некудъ послао на путъ. Но. — помыслимъ, ово е цѣло нѣово лукавство; послао га е отаць за то, да може безъ сваке запреке сада

посао свршити: али шта имъ драго, рекнемъ, я самъ тврдо увѣрена, да мене Любивою оставити неће. . . . Прође нѣколико дана, нейма тога, да дође; а овамо видимъ, гди све нешто шию, и послују.

Кадъ еданъ путъ у ютру рано устане маѿија моя, и стане се спремати у виноградъ, будући да смо везаче имали, позове дакле и мене са собомъ. Текъ што се мы одъ града удалимо, алъ ето ти ми Любивою однекуда на коню иде у градъ. Маѿија моя како е напредъ ишла, поклони іој се лепо, и поздрави ю, но она му се покаже срдита, и окрене главу одъ нѣга. Я, іоштъ съ едномъ женомъ, која е съ нами у виноградъ свой пошла, изостала острату подалеко: Твоя се маѿија, рекне ми жена, срди на Любивою; шта имъ драго, одговоримъ іој, само да могу я быти мирна. Она има, вели, узрокъ срдити се на нѣга: не знамъ, рекнемъ я, да ю е када увредіо. Ова: а примѣчавашъ ли ты, да е она ово два три дана брижна и невесела? Я: узела самъ на умъ, али не знамъ шта е. Она: пытай мене, пакъ да ти кажемъ: твоя се маѿија у судію смртно залюбила, и много е о томъ настояла, да онъ ню узме, но судія као паметанъ човекъ, и добаръ къ своему детету отаць, неће сыну, кои е радъ тебе узети, да поквари волю; за то отложили су ономадъ време; да или онъ нѣга съ другомъ каквомъ девојкомъ ожени, или она тебе за другогъ каквогъ младића уда, кадъ башъ нећешъ за киръ Ставру, као што е нѣнъ планъ и быо. Но пытанъ е, оћели отаць нѣга на то преокренути моћи, да тебе остави и другу узме: Ако га съ добрымъ на то не приволи, покваренъ

ће бити посао, ерѣ на силу ништа се не може. Зато ти, вели, кажемъ, да се узмешъ у наметъ, да те као дете не превари, и буди за кога уда, само да те скине съ врата, и уклони себи запреку съ пута, која іой смета за судію поћи. Међу тимъ мой Любовой мимоиђе се съ нами, и оде у градъ. — Захвалимъ жени на нѣномъ савѣту, и почнемъ ю даль пытати, но време буде да се растанемо, она оде едномъ стазомъ у свой віногуадъ, а я похитимъ, те стигнемъ маію, која ми пребацьвати почне, да е мени Любовой веће поклоненіе учинію, него нѣой, мало му рече калпакъ съ главе не спаде, како ти се на коню прегну: Што ли си, вели ми, имала съ ономъ блебетушомъ, те си толико заостала; и проч: я ѣутимъ, ништа небу да іой одговоримъ, само да бы престала, и кодъ посленика ме не срамотила. Кадъ бы предъ подне, учини се (како самъ по томъ дознала) болестна; каже мени, да я уземъ и обѣдуемъ, она не може ништа ести, боле ю глава. Седнемъ я сама и пообѣдуемъ: узми рекне ми, сада ту бачвицу, пакъ ми иди донеси ладне воде, ту у шуми има еданъ весма, вели, добаръ изворъ: покажаће ти, рече, баба Синѣа (една одъ везачица) кою тако-ѣеръ шилѣмъ, да ми набере траве за чистаць. —

Посленицы су были обѣдовали, и кое гди у ладъ за одпочинути полегали, я уземъ дрвеный сосудъ, пакъ айде съ бабомъ у шуму, а и незнамъ жалостна, шта е већъ уређено за мене! заведе ме сыроту проклета баба у шуму далеко; покаже ми рукомъ изворъ, гди ѣу налити воде, изговараюћи се, да се она стара неможе спуштати доле, но да ће ме

ту, берући траву причекати. Я се на то сиђемъ к' извору, наліемъ бачвицу, уміемъ се, и напиемъ лене и ладне водице; смотримъ потомъ метвицу траву ту около извора, а чула самъ найпре, да ову траву тражи баба за трмке; майко! повичемъ, ево метвице кіаметъ Божій, но немой се силазити, я ћу ти набрати, колико ти е воля. Добро! вели, мое дете, а ты ми набери доста; бака ће тебе чекати; пакъ кадъ рече, убіемъ трмку, послаћу и вами у саћу нова меда; ерѣ имала е пчелнякъ великій. — Я се пригнемъ, и почнемъ брати, хитимъ, да се опеть съ ладномъ водомъ болестной маіи не закасимъ, кадъ алъ ето ти предаме тры човека съ оружіемъ! я видећи ихъ да скоро, и управо къ мени иду, вриснемъ ужасно, пакъ окренемъ се баби, но еданъ ме счепа за руку, гледимъ, алъ бабе на ономъ мѣсту нема! выкнемъ сырота по другій путь, на кое еданъ одъ нѣи ножъ мени подъ грло, ћути! рече: ерѣ ћешъ таки погинути! — умукнемъ као заливена. Поведу ме сада у шуму далъ, идемъ кукавица као ягнѣ на закланъ, плачемъ, и молимъ се, но бадава! Страхъ ми чисто сву кровь у мени смрзне, идемъ, а ноге ми подамномъ клецаю; мыслимъ штоћеду самномъ, и куда ме воду.

Кадъ ме увуку у еданъ густый лугъ, стану самномъ, и окрену къ мени непознатимъ езыкомъ некій говоръ. Гледимъ на нѣихъ, люди некій при и ружни, по одълу страноземцы быти виђаху се. Знашъ ли, вели, што е? тебе е една госпоя нами предала, да те убіемо! — Я се смутимъ на то, сетимъ се, да е мое маіе масло, паднемъ предъ нѣи на колена, дигнемъ имъ руке, плачемъ и молимъ се;

наипосле станемъ ихъ заклинати, и говорити имъ: зашто юнаци да то чините одъ мене, зашто праведну мою кровь да проліете, и гнѣвъ Божій на себе подижете. Я знамъ, да вы другога узрока мене невину одну девойку овде заклати немате, осимъ худа користь, за кою самъ продана, васъ е на то склонила; вы дакле ако такову имате, буди вамъ по хиляду пути съ благословомъ одъ Бога и одъ мене, само ми опростите животъ, и пустите ме, я се вамъ Христомъ спасителѣмъ заклинѣмъ, да се више нигда маіи моіой, коя ме е вами предала, вратити небу, и вы можете рећи, да сте ме убили, пакъ ће она вами платити, ако платила ніе. Како ты знашъ, еданъ ми рече, да е тебе маіия твоя нама предала? Да коя бы друга госпоя была; рекнемъ я, коя бы мене на смръть дала? — Сотимъ погледимъ на небо; О всесилный Боже, и сладкій спасителю! — На то ме еданъ тури рукомъ, и я паднемъ у траву, метне ми колено свое на прсы и ножъ ми донесе подъ грло! одъ страха обамремъ, и склопимъ очи да не гледимъ. Но еданъ одъ нѣи, надъ кога е, заръ, срцу іоштъ неку естества право задржавало се, ува ти овога за руку, и почне му нешто говорити, кое я разумѣла нисамъ, пакъ рекне ми, да устанемъ. Устанемъ сырота, у надежди, нећедуль ме пустити, поврати ми сву крепость, кою ми е страхъ смртни одузео быю. Найумилный погледъ мой садъ на оного установимъ, кои ми се благонаклонъ показао; припала бы му къ ногама, да му ихъ сузама благодарности оросимъ, но боимъ се, да оне друге сотимъ не увредимъ. Видимъ гди имъ онъ нешто го-

вори, и моли ихъ, али еданъ показуе се, да му нѣ по вољи. Найпосле согласую се, и мене некудъ поведу! Тры дана, а много смо и ноћомъ, све преко планина къ востоку ишли. Кадъ у еданпутъ добе-мо на одну велику воду, кою после дознамъ, да е Дунавъ, преко кога се у Дацію прелази. Мыслимъ, тужна кудъ ме воду! може быти, те самъ я мой животъ на већу погибель измолила; нити ми што више мой обранитель говори, нити га я одъ другихъ пы-тати што смемъ. Искусимъ, да е нѣово намѣреніе Дунавъ прећи было, али не имаду на чемъ. Пошлю ед-ногъ, и по свой прилицы тражити имъ начинъ, ка-ко ѣду прећи, а двоица остану самномъ у едной ун-ки поредъ воде. Ова двоица сада легну и зарчу. Боже помози! помыслимъ: за цѣла тры дана овака ми се прилика къ бѣжаню подала нѣ као садъ. Слад-кій спасителю! на небо гледаюћи рекнемъ, у име твоё у бежаню иштемъ спасеніе; сотимъ украдемъ се лагано, да могу лакша быти, бы одлетила у тай махъ была, да и оно суво лишѣ подъ ногу мой не шу-шти: све измичемъ а на нѣи дрктећи гледимъ, кадъ ѣе кои одъ нѣи главу дићи. Текъ што се я съ ед-не пустимице удалимъ, алъ онай мой обранитель ди-гне главу, пакъ мане рукомъ да станемъ! ахъ! чи-сто се одрвенимъ: Ето ти га къ мени; съ укоченимъ очима гледимъ на нѣга, и чекамъ изъ уста нѣгови, штаѣе ми садъ рећи; но Богъ е милостивый за из-бавленіе мое у срдце нѣгово страхъ задануо: „Бѣ-жи рече ми кукавицо! куда знашь, докле те нѣе о-най осетио, и пази, да те онай други гди не сретне, я самъ нѣима, вели, и совѣтовао, да те не убию, но

да те продаду Татаромъ, одъ коихъ ће ду трыпута іоштъ онолико за тебе добити, колико имъ е она го-споя дала. И они нато полакомивши се опросте ти животъ, и поведу те преко Дунава Татаромъ. Но моя е брига еднако было на руку учинити ти, да бежишъ, али доведе нисамъ могао, но докле бы Дунавъ прешли, мыслію самъ ихъ гди опити, пакъ ондакъ теби испусть дати. Извади ми іоштъ и еданъ дукатъ на путь, а я сырота найпре страхомъ, а са-да неописаномъ радошћу, чисто претрнула, гледамъ на нѣга и чиняшеми се, да неко Божіе естество изъ нѣга говори, едва дођемъ къ себи, паднемъ му къ ногама; но онъ ме дигне, не! рече, бѣжи само, не губи времена, пакъ одай вели благодареніе Богу, а мени не. Шатъ гди годъ наиђешъ на какове па-стире, ербо ту близу села нигди нема. Те ти я о-датле бежи! — Сустанемъ већъ, и малакшемъ, а не-умемъ, да се уставишь, продремъ крозь неке стра-шне дубраве, хитимъ, да ме у нѣима ноћъ не за-стане. Еданпутъ нађемъ се на одной поляни; и сун-це већъ къ заходу своему кланяше се. Смотримъ ту у поляни нека говеда, хвала Богу; помыслимъ, ов-де ће быти и люди. Кадъ тамо аль еданъ стараць наслоніо се на штапъ, стои, а говеда му пасу. За-пытамъ га, има ли каково ту близу село; Богме ве-ли, сынко! нема. Замолимъ га дакле, и по Богу и по светомъ Іоанну плачући рекнемъ му, даси ми о-таць пріими ме за преноћити при теби, и сутра у-пути ме у каково село, имай сажаленіе сврху мене сыроте, коя самъ тако и тако, показуюћи му, по-страдала. Пріими ми прошеніе, извади ми изъ тор-

бе леба, и сира те подемъ: ублажава ме, да се не боимъ ништа, и каже ми да ће ме сутра извести о-датле подалеко на друмъ, кои ће ме у едну варошицу одвести. Кадъ се смркну, дођемо у колебицу нѣгова обиталишта; наложи ватрицу, и седнемо насъ двоє сами: мало самъ га се бояла, незнајући какавъ е човекъ, но опетъ видећи га стара, шатъ nebude opakъ. — Кадъ алъ онъ поведе некій разговоръ, кои мени nebude по вољи; я ћутимъ, и ништа му на овакове речи не одговарајући, дамъ се у бригу: а онъ мало по мало уђе у шалу дебелу. Шта! помислимъ у себи, ово неће за мене добро бити. По довольномъ ћутаню проговоримъ му: Добрый мой старино! удали ту мысао одъ тебе, и не увреди едну сироту, која те као отца почитуе, и као страноприимителя гледа: ако те, велимъ му, твоя старость, да се ко гробу приближавашъ, не опоминъ; нека те баръ опомене то, што самъ те по Богу, и по светомъ Іоанну поочимила! — Я самъ теби мало пре казала, да самъ се Богу помагаюћему, изъ руку онаковихъ люди изхитила, кои су ми хтели животъ одузети; а ты, сада кодъ кога самъ убѣжиште за ову ноћъ наћи мыслила, намѣравашъ ми заръ оно отети, кое е мени драже него и самъ сладкій мой животъ! — ая! не помаже то ништа; у нѣговымъ страстима већъ обасутомъ срдцу, у нѣговой и помраченой и затуплѣной совести мое побудителне речи никаквога успѣха имати невиѣаху се; намислимъ бранити се. — Видимъ еданъ о дувару ножъ великій гди виси; но башъ више нѣгове главе, мыслимъ, како бы се до нѣга я докучити могла, станемъ га

као заговарати говорећи му: бой се отацъ Бога, ако толико совѣсти немашъ, коя бы те одъ безчовечнаго одвратила дѣла! и ако си наумію, — яростно, но крозъ плачъ повичемъ, да ти я сотимъ ово твое страннопріимство наплатимъ, идемъ дакле, и волимъ у овой пустыньи дивіимъ зверовима раномъ учинити се, него твоіой суетной страсти послужити, и сотимъ венацъ мога до данасъ честнаго дѣвства подъ ноге бацити и погазити! — Ево ти (пруживши му 10 динари) за оно парче леба, и благодаримъ ти, што си ми дао, пакъ устанемъ: а онъ како е се почео было изувати, онако босоногъ да скочи замномъ, да ме увати, но я га у томъ намѣренію предваримъ, туримъ га са столичице едне на землю, и схватимъ ножъ съ дувара: Оди сада! еданъ нитковъ, и не човекъ, угрожаваюћи му съ ножемъ, и измичући се къ вратима, рекнемъ му, Оди! ако ћешъ више леба да не едешъ! ни бѣла свѣта гледишъ: докле тако избѣгнемъ наполь; онъ босоногъ изтрчи доникле замномъ пакъ се опетъ сврати у колебу: а я кадъ већ подалеко избѣгнемъ, бацымъ му ону зарѣану ножину натрагъ, и одемъ; савіемъ се кукавица подъ едно дрво, и преноћимъ; опетъ ми слободніе буде видећи одтудъ у нѣговой колеби ватру.

Сутра данъ наумимъ да се вратимъ у Ресаву, но гди е то! а пута незнамъ. Надремъ преко пустинь насумце онако, те некако по довольномъ труду изыђемъ на еданъ великій друмъ; стигну ме некии люди, съ коима дођемъ у едно село. Ту се намѣримъ на неку госпою, коя ме пріими у службу; стаћу мыслимъ за неко време, да ми се мало душа

моя смири у мени, была самъ кое глађу, а особито страхомъ са свимъ изнемогла и разслабила. Будемъ при овой госпои два месеца, и іоштъ іой я право нећу да кажемъ, ни одкуда самъ ни чія самъ, нити е она то одъ мене изискивала: заостала бы, може быти, и дуже, да ми се нешто противно онетъ ту не случи.

А ели далеко то село одъ твоє вароши было; упыта Юноша. Како самъ после искусила, ніе тако ни далеко было, али я то нисамъ знала. . . Дакле за све време ништа више о маіій, Лубивою, или уяку ниси се могла извѣстити; приложи юноша, ели пало на маію каквова подозренъ за тебе, есу ли те уякъ баремъ и Любовой тражили, шта ли е се съ нѣма по одлазку твоє сбывало? Ништа любезный! ни одъ кога іоштъ рѣчи чути нисамъ могла; само толико што самъ знала, да ми уякъ ни дома ніе быо; іоште пређе мога паденія, на далный путь быо е отишао. — Но, молимъ те! како е далъ было, рекне юноша, шта ти се при той госпои случи. — Госпоя ова, настави, имаѣаше сына, младъ човекъ но одъ два брака удовъ остао бѣше! Онъ е быо добаръ газда, и имуѣанъ, но простакъ, и на едно око хоравъ; а съ трое деце. Осетимъ, гди моя госпоя около мене баяти почне, да ме за нѣга узме! Жалостна Милена, помыслимъ, на такову ли си срећу спала! Наумимъ вратити се дома, и сотимъ мою клетву преступити. Но кому да се вратимъ, и на што ли идемъ; да знамъ извѣстно, да ме е маіія айдукомъ на убійство предала, ишла бы, и тражила ю судомъ, али како, кадъ е целога града судъ на

нѣной страни, а она жена онако езычна, лако се може изговорити, и мене као дете јоштъ у какво зло бацѣти. Біемъ се тако по памети, оћу ли се вратити, или се јоштъ кои данъ претрпити: найвише ме неизвѣстїе о моме Любивою мучаше; рада самъ разумѣти, у каквомъ се онъ станю сада наоди, како ли се съ отцемъ одъ оно доба слаже, да нїе кудгодъ сырома и онъ пустїо се у светъ, ако му се буде отаць съ моїомъ маїомъ досада вѣнчао: или да нїе замномъ пао у очаянїе, ербо знамъ, каквога е чувствителна срдца, и колико ме е нѣжно любїо, пакъ сада валяда унїва, и у наиболѣмъ цвѣту своему вене и суши се.

Ты дакле ниси јоштъ за цѣло увѣрена была, запыта јуноша, да е тебе маїя онима издала, да те убію. Я самъ имъ рекла, да е она, то учинила, али извѣстно о томе доказателство одъ нѣи, да е нарочито маїя моя она госпоя была, коя ме е нѣима издала, имати нисамъ могла, наравно сумнително вѣровати самъ могла, премда е истини много сходно на ню помислити, ербо мыслимъ, каква бы друга быти могла; када никога незнамъ, кои бы противъ мене, или баремъ противъ мога родителя пизму какву кадгодъ имао. Опетъ јуноша: Кудаћешъ дакле сада одъ те госное, оћешъ ли у Ресаву? Не! — Я самъ имала у едномъ близу Ресаве мѣсту тетка, заключимъ дакле отићи къ нѣму, и при нѣму остати; искала бы одъ госное одпустъ, али знаюћи, да ће ме облетати, да останемъ; едно јутро дакле и безъ съ Богомъ оспай одемъ: изиђемъ на великій друмъ, на коему стигнемъ неке люде; пытамъ ихъ за Дим-

нице село, и мы ћемо, рекоше ми крозъ Димнице
проћи, но хвала Богу, айде за овима: пропустимъ ѿ
напредъ далеко, а я све за њима. Дођемъ у исто
село; но будући првѣй путъ садъ у моме животу,
незнамъ, ни гди е тетковъ домъ: запытамъ одну же-
ну по имену, коя ми рукомъ укаже. Кадъ тамо, за-
ставемъ одну стару, сѣди на кућнемъ прагу и пре-
де вуну, двое мало дечице савили ѿ ѿ се на крило,
и спаваю. Помози Богъ майко! Богъ ми ти помогао
ћерко! — Ели ово домъ Аннице Вуядиовића (за
тетку пытамъ) есте, вели, и я самъ њѣна свекрва.
А ели дома она? Нѣ, одговори стара, отишла е моя
ћерко! ѿштъ юче у Ресаву пакъ не долази, а не-
могу ево децу да сносимъ. . . Пыта ме, тко самъ, и
за кое ю добро тражимъ. Имала бы, одговоримъ
ѿ ѿ, съ њомъ некѣй посао, али кадъ е нема дома,
валя ми на друго време одложити, — сотимъ мимо-
нђемъ извѣстити ѿ ѿ се, тко самъ, а познавала ме
нѣ, као и я њю: будући мой се тай тетакъ скоро ту
быо доселю, дакле ѿштъ нисамъ прилику имала, ову
стару, кою самъ желила, познати; гледимъ на њю,
стара сырота, преко 80 година е была, изгубила већъ
и видъ; разговара се самаомъ, аль очи не диже на
мене. На захтеванъ њѣно седнемъ кодъ њѣ на одну
столичицу, и мыслимъ, што ће ми ново садъ тетка
изъ вароши донети, како ли ће ѿ ѿ быти, кадъ ме
кукавицу овде живу види. Старица поћутивши по-
дуго: а чѣе си ти дете; упыта ме; я неимаюћи во-
лю пре, него ми тетка дође, казати ѿ ѿ се, заметемъ
трагъ мой предъ њомъ, и кажемъ ѿ ѿ се, да самъ ту
изъ села; но причекаћу, велимъ ѿ ѿ, ѿштъ мало се-

ку Анвицу, пакъ ако не дође, мораћу сутра доћи. Огишла е, рече, Богъ ме моя ћерко! јошъ јуче ујутру плачући у варошъ, пакъ незнамъ хоће ли данасъ и доћи, може бити, да ће се и сутра забавити, мужъ јој, вели, дома нје, скоро е сырома съ пута и дошао, пакъ ономадъ опетъ оде, а нека се намъ незгода случила у вароши, о кому она сада разбія главу, пакъ се боимъ и то, да јо јошъ и не затворе. На ове речи старице пробуди духъ у мени: А шта е то било майко? упытамъ јо, да вамъ нје тко умрео; горе мой сынко! одговори старица, умрети смо едан-путъ дужни, докъ смо се на овай светъ родили и то е намъ одъ Бога данно, алъ кадъ се намъ одъ душмана какова учини неволя, то намъ горко пада, и сузу изъ очію наши изгони. — На то јој потеку низъ нѣно старостѣу смрштено лице сузе, кое ути-рући настави речъ своју овако: „Имали смо вели у Ресави едно дете мое снахе одъ рођена брата; де-войчица тако твога доба, која е после матере оста-ла мала: пакъ јој се отаць съ другомъ нѣкомъ о-байгоромъ ожени, која му, како чуемо, спѣва за ду-шу: я дакле навалимъ, да се дете узме и къ нами доведе (то едно, више ихъ нје ни было) да прокле-та жена и нѣой како главе не дође, но сынъ ме и снаха у тому не послушаю“ Ето штоће дете на се-лу, чему ће се овде научити, и незнамъ шта; до-кле најпосле дође намъ гласъ, да нашега детета нема. Буде речъ, да су јо негди кодъ винограда ай-дуцы уватили: я грешна одма самъ на маћію помы-слила, да е у тому нѣно лукавство морало бити; ербо јо е она изъ винограда у шуму неку по воду

и послала была, гди су ю злодѣи уватили и одвели: и были су іой маію затворили, али стварь една, коя е подъ сумньомъ и само подозрителна бива, ако се одкуду каковимъ извѣстіемъ не потврди, суду подлѣи неможе; особито она, коя е судіе благонаклонность имала, пусту ю другій данъ таки, а нашему детету ни гласа, ни трага, као да у црну землю пропаде. — Я гледаюћи на ню, любезный мой! како іой сузе, као да ме е родила, изъ очію иду, и слушаюћи жалостну о мени повѣсть, а непознае ме, кому казуе, смути ми се кровь у мени, полюю ме и саму сузе, но она будући стара, и слабо видећи, и не погледа на мене, но гледи у преслицу, а самномъ говори. — Али зашто іой се не кажешъ, пыта юноша. Была самъ, рече му, у тому намѣреню, али за не смутити ю, рада бы што далъ одъ нѣ чути, шта се у толикомъ моме одсудствію сбило, ели маіия ми за судію пошла, незна ли што о моему Любивою и прочая: приложимъ іой дакле ово пытанъ: „А зашто е дакле сека Анница сада у варошъ отишла, зашто ли се боишъ да ю не затворе? Моя ћерко! има ту много коѣшта, ніе ми тебе сва што говорити; — Опетъ я „а нисте ли се могли одкудъ извѣстити за ваше дете, е суми ю заиста пуштаіе убили? Да што су съ нѣомъ радиле; приложи она, ово е, вели, три месеца, како ништа за ню разумени неможемо, и садъ се всѣъ злоумышлено дѣло открива; нѣна праведна крвца вопила е заръ къ Богу за освету, и зато юче пре свитка дође намъ човекъ и каза, да е ню (маію) некій младићъ, судіе градскогъ сынъ ножемъ заклао: кое ако буде истина, жао ми е, што ће ку-

авно оно дете пропатити, а да бы за кога, но за б-
дну аветъ, коя е давно, грѣшимъ што говоримъ,
смрть заслужила; ербо цѣлый градъ говори, да е и
првога мужа отровала. Праведно е небо, никомъ ду-
жно не остае.

Ове рѣчи нѣне као громъ у сердце ме сада у-
даре! окреће се цѣло село около мене и сва протр-
немъ! ахъ, жалостна Милене, шта ћешъ јоштъ до-
чекати! испуни ми се сердце страха; наиђоше на ме-
не црне мысли, и сва оладнимъ, као да ме грозни-
ца увати! Ахъ, я несрећна дѣвица осимъ своју на
лицу земному друга мой! Каковый жалостный плодъ
взаимне любви чуемъ, какова су страшна ово, ако
тако буде, слѣдствія нѣна! — Почне ме совѣсть на
срдцу немилостиво грысти, и мени печалной, да самъ
я свему овому злу узрокъ, грозно пребацывати; са-
да за себе у свое паденіе кое ме е пре тимъ мучи-
ло, заборавимъ, заборавимъ и за самъ животъ мой;
умъ ми се у чемерне мысли тако изгуби, да се за
добро парче времена занесемъ, нити самъ узела на
умъ, као да нисамъ ни чула, неколико рѣчій одъ
старице, кое е међутимъ изговорила; докле не рече
нешто „Любивою — ово ме име као иза сна тргне“
шта Майко! шта? питами ю: Кажемъ вели, за то
момче, судійнога сына, кому се Любивою име, да е
было оно наше девойче тако омиловао, да погине
за њомъ, за то е, валя да ону бештию и убие: а
добро е то, и красно момче, како су ми многи ка-
зивали, да му подобна у граду нема: шкода, што е
сырома онако младъ, и онако честный Юноша себе
и предъ Богомъ порочна, и предъ свѣтомъ убійцу

створію; я бы му желила, да, или кудъ буде избѣ-
гао, и акога и увате, смилую се у суду на нѣгово
дѣтинство, кои іоштъ ни 17 година пуни нема; а
ню сви и тако су знали, какова е была, Богъ нека
іой грѣхе опрости, кога е може быти вольомъ и по-
гинула, да подъ малимъ грѣха теретомъ съ овога
свѣта оде. — За Бога Майко! рекнемъ іой, да га
нећеду за то погубити? А! погубити га не ћеду, но
може сырома годину, или двіе у тавницы лежати:
али велимъ отаць му е судія, а и друге старешине
и поглавари имаћеду сврху нѣга призрѣніе, и као
неразумно іоштъ дѣте, благоразуміемъ своимъ изви-
нити га, особито кадъ се помысли, да му е великій
узрокъ датъ. Самъ истый судія, отаць нѣговъ мно-
го е кривъ, и многіи му е поводъ, да дѣте до те
злопатиъ дође. —

Я овако са старицомъ разговараюћи се ето ти
намъ едне жене: ова е была ту изъ сусѣдства, коя
е съ моіомъ теткомъ прощастый данъ у варошъ
отишла была, вратила се изъ вароши, носи котари-
чицу, у којой е воће продавати носила, и съ нѣомъ
нека стара калуђерица иде. Но шта е тамо? упыта
ю моя стара, ели истина вели, да е она убіена? и-
стина, да како, одговори она, и данасъ су ю погре-
бли. А гди е Анница? — остала е тамо, не вѣру-
емъ, да ће и сутра моћи доћи. Ниси ли разабрала,
елъ одкудъ Ненадъ дошао? (за мога уяка, и мѣсто-
отца) Ніе тай іоштъ дошао, та да е онъ дошао,
Анница не бы се ни задржала. — Опетъ стара: А
шта се чуе за судійногъ сына? Нѣга су, рече, ува-
тили, и самъ га отаць на три године о сувомъ лѣ-

бу и води у тавницу осудио. Мучи не говори! рекне стара, хмъ! хмъ! хмъ! проклетый Діоскорд, како е могао то чинити! — Я то слушаюћи, какову ми жалостну повѣсть ова жена сада донесе, съ којомъ се потврди све, мало пре што самъ одъ старице чула, приложими се, и жалость са жалости, стежемъ срдце, да се не заплачемъ, и себе не издамъ. Слустимъ къ земли мою жалостну мыслима отешчану главу, поћутивши тако тужно, опредѣлимъ управъ у варошъ ићи, и буди коимъ начиномъ до нѣга у тавницы домаћи се. Устанемъ дакле, полюбимъ стару у руку, и она два на нѣномъ крилу невина младенца, и съ Богомъ майко рекнемъ іой. Калуђерица се ту посади, и поведе са старомъ разговоръ, а я одемъ. У самый мракъ приспѣмъ у варошъ. Позауоставимъ се на край вороши докъ се болъ смркне, пакъ се онда зауземъ еднимъ сокакомъ, у мысли заиста, гди ће онъ у тавницы быти; каколи ћу га жалостна моћи посѣтити; не узимамъ ни на умъ, тко мимо мене пролази, и да ме тко не позна. Изиђемъ тако на велику трговине улицу; ту ме некій предъ еднимъ дућаномъ говоръ заустави: станемъ послушати, извѣстимъ се, да е бесѣда о нашемъ паденію, кадъ еданъ између нѣи рече: „Штета заиста за оногъ младића“ На кое другій: Е! пусти ћеду нѣга рече, неће тай тры године у тавницы быти. Али што се еданъ путъ у суду прекине, оно се мора извршити! Бре айде съ Богомъ! ткога е осудио? отаць! не може родителско срдце то сносити, направити ће онъ изятіе о своемъ сыну, о кому и друге старешине и судіе призрѣніе гледаюћи на нѣгову младость,

имаю. Не само старешине, приложи опетъ еданъ, и судіе, но цѣлый градъ брани, и сви готово говоре, да нѣ могуће, да е онъ ону бештію убіо, него да е на нѣга подозрѣніе одтуда пало, што е онъ про- лѣтосъ, кадъ оно нестаде Милене нѣне пасторке ре- као негда, даће ю убити; али су данасъ, настави бесѣду, многи противъ отца нѣговогъ роптали, кадъ су га сырома повели, мало е тко остао, да се не заплаче. Отаць е кривъ, придода опетъ еданъ, и онъ е истый свему злу почетный узрокъ; онъ е знао, да сынъ нѣговъ Милену іоштъ изъ дѣтинства любви, за што дакле поче око нѣне маіе ходити, да ю узме, и сотимъ двое млади растави, и несреће учини. На то еданъ старый: “ Она е почетный уз- рокъ была, рече, коя е главомъ и платила, а не су- дія и невѣруемъ да бы ю узео, нить е онъ маріо за нѣомъ, но она е, Богъ некъ ю прости, за нѣмъ лу- довала, а само изъ суетногъ нѣногъ, и као едне жене неразумнога славолюбія, да постане велика госпоя, и Апостоловиѣка. Та она е была и онако госпоя! Госпоя е была што іой е остало одъ мужа оно богатство, аль е она хотѣла благородна се на- звати. Бре шта разбіате главу о тому! рекне еданъ, кои мало подалъ предъ другимъ дуѣаномъ бѣше, но кажите вы мени, вели имъ, зашто нѣга на страну однети дадоше; та онъ е могао и ту затворенъ бы- ти? — Ово е пыганъ за мене любезный братаць! сада найважній бую; я спроѣу нѣи на другой страни у помрчини сѣла на клупу, пакъ слушамаъ; видити ме нису могли, чекамаъ, шта ће се одговорити: Дали су га, вели еданъ, за то на страну, да се не бы

овде одъ пріятеля кой нашао, а има ихъ таквы много, кой бы тавницу пробили, и нѣга пустили; а друго несносно е и отцу, да му сынъ овде у тавници буде; но не знамъ, придода истый, штаѣду съ оноиъ женомъ чинити, коя е Милеву пустаіямъ предала? А штаѣду; она ніе толико крива: подржати у тавници, и избити, пакъ пустити; она се полакомила сырота за новце, како што е у суду и казала, да нисамъ вели я то учинила бы друга: она се сада и кае, што е Станицу издала, али шта е она знала, до шта дѣло може доѣи. Кадъ се жалостной мени одъ овога разговора извѣстимъ, да су га нѣкудъ на страну у заточеніе послали, обновими се туга моя, и сотимъ више, што сада незнамъ куда е одведенъ. Састанисе садъ съ снѣимъ! уздишуѣи рекнемъ. Слушамъ далъ, хоѣелъ кой изустити, кудсу га одвели, слушамъ да чисто дыханъ у себи стежемъ; но ништа само толико изъ еднога бесѣде докучимъ, да суга преко Ресаве къ нѣкомъ запушѣеномъ одвели градишту Браилу именовъ. Доцне будуѣи, они оду спавати, а я одемъ на край вароши къ одной познатой жени, коя е была цѣлогъ мѣста бабица, те преноѣимъ. Цѣлу ноѣь брига, и жалость уснути ми не допусте; мысао една, да се вратимъ дома, и друга, да зажмуримъ и у свѣтъ кудъ тумаримъ, до саме зоре у мени борише се.

Кадъ се веѣь данъ указа, поиштемъ совѣтъ одъ бабице, и она ми рекне, да идемъ къ тетки, и при нѣой за нѣко време пребудемъ, баръ докле ми уякъ съ пута доѣе, и докъ се та буна поутиша: за добро, кое ми е одъ родителя остало; увѣрава ме,

да ми пропасти неће, еръ е вели еве преписано, и ове ће се у руке предати твому уяку, кои има о теби отеческо попеченіе. Овай се совѣтъ допадне мени, захвалимъ іоі на свему, пакъ се опростимъ и предуземъ опеть путь къ Димницами тетки, нъой у вароши бывшой. Но и истый данъ рано, кадъ се кренемъ на путь, буде велика магла, у коіой пометемъ путь, и у мѣсто Димница одемъ далеко далъ у неко друго село, кое се зове Круна. Касно буде мени уморной сада натрагъ враћати се: съднемъ на землю близу тогъ села и плачемъ. Мало но мало сунце седне, и почне се мракъ ватати, дай да се то тражи гди провести ноћъ. Униѣемъ у село, нити кога знамъ, ни познаемъ: Смотримъ одну жену, гди музе на двору (у авліи) краву; приступимъ дакле къ овой, те ме пріими. Сутраданъ некако дознамъ, да су туда мога Любивоя провели, и да су га чакъ у Лъшницу однели. Овай ми гласъ одузме волю натрагъ се у Димнице вратити; умъ и сердце сада за Лъшницомъ; не казуюћи никоу мою тайну, пытамъ, коимъ ѣу путемъ тамо: кажу ми люди, поитимъ сырота што брже могу. Но кадъ доѣмъ на неко раскрстѣ, што ѣу сада, не знамъ одъ више путова, кои бы ме у то мѣсто одвео; притомъ сто ти ми два човека у кобъ, ови бяху на коньи: на пытані мое кажу ми рукомъ, куда треба, да идемъ, но кадъ доѣмъ, велу ми, на раскрстѣ, а ти држи на лѣво, а найболъ пази на путь утрвеній: ако ли, придода еданъ, стигнешъ неке люде на коньи, кои су мало пріе насъ срѣли, можешъ се за нъима управляти, еръ и они у исто мѣсто иду. Пы-

тамъ, какви су то люди, и одкуда иду; они иду рекоше ми одъ Ресаве: по дальмъ испытаню дознамъ, да е ту међу нѣма и мой Любивой! Ахъ жалостной мени! кога у заточеніе прате: свали ми се чисто као каменъ туга моя са срдца, и оно почне у мени одъ радости играти. Боже благій! возопимъ, покажи ммлость свою мени раби твоіой, и мученицы на овой земљи; даруй ми, да се само съ нѣмъ еданъ путь састанемъ, кога несрећа и мене гони, како што и моя нѣга, пакъ макаръ онда што патила. Она тавница мысляхъ у себи, у коіой ми онъ заточень буде, быти ће ми съ нѣмъ найпріятнѣ на свѣту мѣсто; я ћу се трудити, колико више будемъ могла, нѣгову теготу онде сносити помоћи: я ћу ню, само докле му се укажемъ, съ половину умалити, а оставшу полу дѣлићемо повседневно.

И све си пѣшице ишла? Запыта ю *Тихомиль*. — Све единако сладкій брате! и сама самъ се себи чудила, како самъ могла ту теготу поднети, коіой никаквогъ до то доба обычая имала нисамъ, али велимъ чиста моя въ нѣму, права и искрена любавъ мене е крѣпила своимъ силама. Чакъ трећій данъ у само подне угледамъ варошъ Лѣшницу. Я нигда пріе нисамъ у нѣой была, ништа манъ, я самъ ю съ таковимъ срдца мога умиленьмъ гледала, као да ми у нѣой сладкій мои родители, и цѣло мое любезно сродство живи. О, найпріятнѣ срдцу моме подъ небомъ мѣсто! у радости рекнемъ, нећешъ ты быти тавница, но найсветлій за две чувствителне душе рай и одъ свирѣце насъ неправедно гонѣће судьбе наше спокойно убѣжиште.

Кадъ већъ будемъ близу вароши, случайно окренимъ се и видимъ за мною ону исту калуђерицу, кою самъ јоштъ у Димница предъ мое старе пріе домоу оставила. Она съ нѣномъ дугомъ у руцы штакомъ мене уморну стигне; хтѣдо ю мимоићи, чинећи јој се и невешта, да ме реко, не уплете у кое какве нѣне разговоре и съ тимъ одвратити ми мысли одъ овога любезнога предмета, надъ коимъ ми оне као пчеле надъ цвѣтомъ облећаху: Но Богъ ю видіо, позна ме, и яви ми се! Пыта ме, куда ћу; кажемъ јој у Лѣшницу; и я вели идемъ тамо, можемо заедно; шта јој знамъ, айде съ нѣомъ! Сунце почива, а мы у варошь. Пытамъ кое кога онде за таквогъ, и таковогъ младића подъ извѣтомъ нѣгова сестра, ели ту донетъ; ая! нитко о тому словца незна, да ми каже. Найпосле замолимъ ню, да оде и запыта у дому грађанскомъ, придодавши јој, да я о тому одъ оне у Димницы старице особитый налогъ имамъ, за нѣга гди е, и како е дознати. Оде ова до душе. Небы е дуго, я ю съ нестрпленъмъ изгледамъ, ето е, гди иде. Еда што? на сусреть идући јој пытамъ. Ништа ваистину ћерко! пытала самъ вели, али нитко ми ништа о тому казати не може. О како ми е садъ опетъ овде было! у што се мои толики труди обратише, разжалимъ се яко, пакъ се уклонимъ одъ ове старице, те себи сузама мало олакшамъ. Потомъ одемъ съ нѣомъ къ едномъ свештенику, гди е она позната была, на конакъ; пыта свештеникъ, не водили и мене у дѣвическій монастырь, одкуда е она была, дирнемъ ю рукомъ, да рекне тако. Честный овай мужъ лѣно е насъ дочекао и угостио. Онъ е имао 4

кѣри, одъ кои му е една, како потомъ чуемъ, была у истомъ монастыру, одкуда е и ова. Другій данъ не пушта насъ ништо; но уставляюћи да нешто спрему кѣри и по нъой пошлю, а я будући застала се ту съ съомъ, незнамъ, како бы се сада изговорила, нисамъ рада ни ню, ни себе срамотити, кадъ већъ едан-путъ реко смо, да заедно у монастыръ идемо, принуждена будемъ ту съ нъомъ іоштъ одну ноћъ провести, кадъ самъ се тако нашла у шкрипу. . Лукава калуѣрица некако проникне мою тайни, и како самъ съ нъомъ у одной соби спавала, искуша ме тако льно, да іой я сырота сву тайну мога срдца искажемъ, и да самъ залюбљѣна одкриемъ; съ коимъ буде ми нешто лакше, кадъ іой се изыдамъ и изтужимъ.

Она саслушавши повѣсть мою сажалоу ме, но оно утѣшеніе, кое самъ се одъ нѣ надала, не получимъ. Она мени стане помало и пребацывати, и мою невинну любовъ, као што самъ Богъ види, за пороуъ заменявати, потврѣваюћи свое доводе са светимъ писмомъ. Иди баба! помыслимъ, проѣиме се. Я скраћено свето писмо (катихимъ) колико е за мене, на ивустъ знамъ: я законъ и заповѣди божіе познаемъ, и предъле, кои су ми одъ ови постављѣни до данасъ, а вліанѣмъ благодати божіе, ни одъ данасъ преступити небу: я мога создателя, и милостива Бога славимъ, и онъ познае срдце мое, познае и види сва моя, као и другихъ свію дѣла. Я ако любимъ, любовь мою у чистоти, непорочности, и целомудрію хранимъ, и любити е намъ естествоно, овимъ даромъ не само мы, но цѣло Божіе созданіе кое чув-

ство има, обдарено видимо. Страсти су различне, које су у нама одъ саме природе засађене, мы нѣ можемо умѣрити, и разумомъ тако управляти, да оне небы производиле одъ себе пороке, али нѣ конечно уништити, да ихъ нигда у чувству не осѣтимо, значи захтевати одъ човека нешто преко нѣгови сила или га ополчавати противъ самога свога естества; и по закону естественному я самъ рођена, да будемъ мати; мени е дакле небо само еднога за супруга опредѣлило, съ коимъ ѣу я у светый бракъ на умноженіе рода человеческого ступити, и дало ми е у тому пуну власть, да ако ми е могуће, изберемъ онога, кога мое срдце любви, и одъ кога взаимну любовь имати могу; а то е до данасъ было мой Любовой, но и до смрти мой остае. Што е безъ светога брака, оно е проклето, а што е са светимъ бракомъ: то е одъ люди пріимљвно, и одъ самога Бога благословено. . . Она говори на другомъ кревету, говори коешта и гата, нисамъ найпосле ни чула, подкраде ме санъ и заспимъ; у неко доба, по ноћи чакъ тргнемъ се, а она іоштъ коешта преповѣда; завела се пуста у читаву проповѣдь, пакъ неуме да се устави, нити узима на умъ, да я већъ увелике спавамъ, но мысли, да самъ углубила све мое мысли у нѣна поученія, пакъ тако ѣутимъ и слушамъ ю. Предъ саму зору заболеду ю заръ уста, и захте іой се спавати, но я коя самъ моме естеству сотимъ одужила была, станемъ іой давати нова пытаня, те ти богме она осване у кревету бесѣдени. Кадъ устанемо и почнемо се облачити, салети ме, да идемъ съ нѣомъ у монастырь, и да се ту за нѣко време поучимъ,

докле дођемъ у савршеный разумъ, пакъ ако ми бу-
де воля, да се обучемъ, и съ другима дѣвицама, кое
ту Богу служе, останемъ. Ты видишь, вели, да си
и тако несрећна, болѣ вели, одрецы се міра и наћи
ћешъ души своіой покой. Слабы су нѣни доводи и
увѣраваня за склонити ме на то была, да мене ніе
люта туга и жалость у очааніе привела, а одъ ово-
га до склонности на то, мало е разстояніе; приволимъ
се и съ нѣомъ дођемъ у монастырь. Мала црквица,
но ћеліе у наоколо лѣпе на два спрата дигнуте. У
томъ монастыру пребываю 7 свештены дѣвица, и ед-
на стара игуменіа именовъ Магдалина. Ова пакъ
стара, коя е мене ту довела, ніе се у нѣново брои-
ла число, она е была само послужница прочи. Мало
ниже исподъ монастыра има едно мало къ монасты-
ру принадлежеће селце, изъ кога еданъ старый свеш-
теникъ долази, и на време потребно литургію нмъ
служи. . Кажу ми ту за тай монастырь, да га е
светый краль Милутинъ Неманићъ на славу божію
сазидати дао, и светой Варвари великомученици по-
светіо изъ благодарности къ Богу, кадъ му се сынъ
Стефанъ, у оно време при татарскому кралю за цѣ-
ло царство србско у залогѣ бывший, божіомъ помо-
ћу невредимъ къ отцу своме повратіо. Примѣи ме
мати игуменіа, и ту двѣ недѣлѣ пребудемъ. Была
самъ се готово приволила ту и остати, и куда знамъ
мыслећи у свѣтъ, къ мірскимъ више враћати се, ако
за вовѣкъ изгубимъ онога, коме се мое срце тврдо
завѣштало, да ни за каквогъ другогъ поћи нећу.
Кадъ еданпутъ дође намъ нѣкій старый изъ Градца
трговаць: време се приближаваше обѣду; мати дакле

игуменіа устави га съ нами обѣдовати. При трапези запыта га, шта е ново кодъ нѣи при Дунаву: овай између прочега каже и то, да е мой Любивой ту у тамницу донешенъ быо! — и да су некѣи прѣатели нѣгови дошли ноћомъ, тавницу разбили, и нѣга на полъ извели. Текъ што онъ ово сбытіе расказывати почне, аль ето ти на мою несрећу едногъ господина на врата. Овай е быо рођеный наше игуменіе братъ, у званію войничкомъ, и быо е военачалникъ нѣкѣй. Кадъ онъ уђе, бесѣду првѣй прекиме, сбунимо се сви, да се обѣдъ наново за нѣга справи. Каже, да е свое момке, нѣи 25, съ коима е нѣкудъ у Каравлашку ишао, оставіо у приявору монастырскомъ селу, обѣдовати, но да имъ се само віна пошлъ. Мы будући были смо при концу обѣда, и торговаць имаюћи хитна посла, седне на коня и оде! — У какво самъ смуштеніе садъ опетъ овде поставлъна, што човекъ поче повѣсть, а не доконча, да се сасвимъ о нѣму извѣстимъ, самъ изъ предречени можешъ знати и себи тугу мою вообразити. Потрчимъ сырота за нѣимъ, да се угушимъ, но бадава! — Онъ на коню а я пѣшице! трчала самъ едно два сата далеко и нигди га стићи немого, као да у землю пропаде. Али ели онъ дома у Градаць ишао, да ніе каквѣй другѣй путъ узео? упыта юноша. Дома е управо ишао, но я нисамъ могла одма се за нѣимъ отиснути, размышлявала самъ се подуго, хоћу ли за нѣимъ чакъ у Градаць, или не; да се явимъ игуменіи, не смѣмъ, да идемъ онако, не пристои се, дотле наравно человекъ на коню одмакне, и я га не стигнемъ. Давъ се къ ноћи приближавати почне, дамъ се у

бригу сада, што љу се касно у монастырь вратити, и какавъ љу изговоръ матери игуменѣи представити; бореѣи се тако читаво полъ часа у мысли, опредѣлимъ гди ли бы себи за ту ноѣь прибѣгъ искала: у истой мысли искрене ми изъ шуме еданъ човекъ са сѣкиромъ, и съ едномъ на рамену даскомъ. Молимъ те чико! рекнемъ му, ель далеко одавде Дунавъ? На ово пытанѣ мое човекъ се насмее „Богме ћерко! има проѣи доста, одговори ми. Были могла за два дана стигнути? А! можешъ вели и за еданъ данъ; а кадъ бы знала рече, иль да те има тво извести преко ови брда, могла бы и за полъ дана на Дунавъ доѣи: но у какво си мѣсто намѣрена. Я: у Градацъ, ако знаешъ, гди е то; како небы вели, знао; Градацъ е башъ поредъ Дунава, али е то далеко приложи, валаде бы дуго узъ Дунавъ иѣи, докле тамо стигнешъ; а кога вели ты имашъ у Градцу? Имамъ рекнемъ му еднота стрица. Онъ: пакъ како си се ты сама тако усудила на дальній путь? Принуждена самъ велимъ му, умро ми е и отацъ и мати, нити више имамъ кога кромъ тога стрица: а право чико, да ти и то кажемъ, (притворно рекнемъ му) я самъ побѣгла одъ едне зле жене, коя ме е овде у нашемъ селу подъ свое была узела, и кадъ е све мое добро себи приграбила, почне самномъ тирански поступати, кое ми се додѣа, пакъ изтрнемъ се одъ нѣ и побѣгнемъ, пакъ хоѣу да идемъ стрицу моме, за кога јоштъ она и не зна, да јо тужимъ. Та добро рече, мое дѣте, аль е то за тебе далеко, а сама си: овуда бы ти много прече, преко ови шума было, кадъ бы те имао тво извести, могла бы си вели, сутра рано у Поречъ по-

редъ Дунава стићи, а оданде бы си могла състи на какву лађу, и за еданъ данъ у Голубацъ, а изъ Голубца у Градацъ, лако бы си се могла за по дана довести; али туда едно нећешъ моћи погодити, а друго има у тимъ шумама много дивльи звѣрова: за то судимъ вели, да ће опетъ за тебе болъ быти овуда правимъ друмомъ ни, премда е даль, аль е сигурне, и безбѣднѣ проћи; еръ ћешъ ударити крозь села и мѣста. Ако ли ћешъ вели, туда преко, показуюћи ми рукомъ, а ты се држи ове стазице, коя ће извести на врхъ те планине къ нѣкой ловачкой кући, одтуда ћешъ видити Дунавъ, и сутра ћешъ се само низъ планину къ нѣму спустити. . . . Сѣтимъ онъ оде; а я мыслимъ мало, шта ћу сада; наипосле дай, рекохъ у себи, да предузmemъ овај пречій путь, шатъ стигнемъ завиђела јоштъ къ тој ловачкой кући, кою ми старацъ на врху брда показа, а брдо ми се близу чиняше: те айде! наглимъ се што брже могу, докле не мракъ отео. Сунце већ у пурпурномъ одѣлу, као у ютру, за едну високу гору тихо се спусти, мало за тимъ и послѣдне нѣгове луче, кое косо врхове само високи дрва осѣняваху, исчезну: почне се мракъ изъ ужасно дубоки око мене дубрава дивати, и у свою црну альину све предмете завјати. Мени цури зной съ чела, и сва оамъ се у голу воду учинила, нема куће оне јоштъ! на едан-путь изкрену преда ме дивль свиньче! а я сырота бѣжи! бѣжи! мыслимъ, да ме е еданъ сатъ терало; клецамъ и падамъ већ на носъ одъ умора; но и оно дебело будући носустаде; я се на срећу уватимъ за едно накривльно дрво; узлужамъ се, и ту

цѣлу ношь проведемъ ; када сване, а я га ту подъ дрвомъ видимъ мртво и надувено. Сиѣемъ се, но куда ѣу сада! бѣгаюћи у вече одъ свиньчета, тко зна, куда самъ у пустыню зашла; и тако тры дана любезный мой! како ти овуда блудимъ, нити знамъ, гди самъ, нити куда ѣу се окренути: Богъ те е заръ самъ овуда нанео, да ми будешъ избавитель, и живота мога данасъ спаситель. То е моя сра повѣсть до данасъ.

Сада разсуди, какова е то ужасна, и колико немилостива судбина, коя насъ гони: я кукавица на одной страни патимъ се, а онъ на другой, горе може быти него я. — Нѣна повѣсть Тихомиля приведе у сожаленіе: Много е ваистину то, узданувши рекне іой; и за еданъ мужкій полъ, а нектоли женскій; ты се можешъ радовати, да си толике бѣде и неволъ побѣдити могла: но съ чимъ си се прираньвала невинна страдателнице! за ове дне. Ето видишь чимъ! одговори му, показуюћи у марами вѣняге, кое е мало пріе набрала была.

Со тимъ устану, узме ю онъ подъ руку, и уедно ублажаваюћи ю съ утѣшителнымъ рѣчма, да се она одъ сада ништа не бои, да ѣе нѣгова о ньой брига быти, съ єднымъ добримъ своимъ другомъ послати ю у Градаць, да потражи тога младића, и одатле да ѣе ю нѣговъ другъ, ако га не наѣе, чакъ у Ресаву одведги; а друго сказиваюћи іой и свою подобну нѣной повѣсть и страданіе, одъ куда е, и како е ту дошао, гди пребыва, и проч: Овакова понакратко преповѣдаюћи іой предъ само вече стигну светоме обиталишту, гди застану Никодима

поредъ ватре треблѣни пасуль за вечеру. Ово е, рекне іой, мой другъ; а овый е одъ нѣколико година мой одъ свѣта удалѣный домъ. Отвори іой храмъ свѣтый, овде се, вели іой, кадъ што служба Божія савршуе. Она се на то заплаче и приступи къ светому Христову распятію „Христе сладчайшій! рекне, како намъ тежко пада, кадъ мало што пострадамо, кое може быти за наша по неразуму саргѣшеня, бывамо невидимомъ вышнѣга десницомъ, за исправлянѣ наше казнѣни; а ты си всеблагій! за све насъ, и грѣхе наше благоволю съ неба се сиѣни и за даровати намъ животъ на смръть себе предати.

Бсенно вече будући поладно, наложи дакле Никодимъ већу ватру, пристави вечеру, и седну се разговарати. Каже му Тихомиль за ню, одкуда е, и приповеди му у кратко, како е одъ маѣіе злодѣемъ, да ю убію, предана, како е се одъ руку нѣюви избавила и шта е до данасъ сырота претрпила, како ю е онъ у гори случайно нашао и проча сва. Потомъ онъ ню разговараюћи самъ около вечере настояваше, а Никодима пошлѣ у башчу, да набере лепи крушака, и да донесе кою лубеницу. По вечери узме юноша свою харфу, кою давно већъ у руку ніе имао, да съ нѣомъ гостѣи молодой малотужне мысли разжене; почне жице на нѣой поправляти; Никодиме! рече, ель быо овде Павлимиръ данасъ? Я не знамъ, одговори Никодимъ, предъ домомъ цѣпаюћи дрва; одъ подне, вели, како самъ я дошао, віе быо: А зашто? унѣта га. Та нетко ми е дѣрао харфу, рекне Тихомиль, пакъ велимъ, да

онъ одкуда ніе быо. Е! тко бы ти ю дирао; ты
знашъ, да я у нбой толико разумѣвамъ, колико и
магарацъ у кантару; а онъ одъ оно доба, самъ знашъ,
да ніе долазіо. Може быти сырома, да е и долазіо,
придода *Тихомиль*, но види затворено, и насъ не
наѣе, пакъ тако и оде: (оправляюћи харфу говори)
я мышля и кани се, да му одемъ едан-путъ, и не
одохъ му. Ето можешъ му отићи и сутра, ніе да-
леко, рекне Ниводимъ, пакъ му баремъ понеси и ту
свиралу. Чию свиралу? нѣгову: іоштъ онда, када е
кодъ насъ быо, ту е заборавіо, и мени ономадъ ре-
нао, да му ю однесемъ, пакъ я самъ и заборавіо. Та
гди е то? Та ето маши се више врата на томъ ка-
мену. Тихомиль се маши и скине: а гледай садъ!
я за ову свиралу нисамъ ни знао. Кадъ ю очисти
одъ праха, спази на нбой ситныма написано словима:
*„Любивою Апостоловићъ! Удиви се и погледи на Ми-
лену,“* гле садъ чуда! — Любивою Апостоловићъ
овде пише! Милена на то восхити се, узме свиралу
у руку и гледи: „О великій Боже! одкудъ нѣгова
свирала овде! Ель нѣгова, познаешъ ли? Пита юно-
ша. Како ю небы познала! но гди е тай, молимъ
васъ, да га пытамъ, одкуда ю е добіо? И како се име
томе? Овоме е име Павлимиръ, одговори юноша. Она:
Онъ е ову свиралу две године веѣъ имао, и куда
бы годъ ходіо, све бы ю съ собомъ потезао, она е
одъ најлепшегъ шимшира, а ови по нбой оброчићи
одъ праве слонове кости: я самъ му ю едномъ изъ
шале сакрила была, и шта тай ніе чиніо, и колико
ніе жаліо, докле му ю опетъ недамъ! Я незнамъ, ка-
ко е се онъ могао нѣ расетати: Рада бы съ нѣимъ,

ако не далеко, говорити, да га питамъ, гди е онъ
ню добио. Тихомиль пошлъ Никодима, да га дозове,
иди рекне му, и попашти се доѣи съ нѣмъ, може
быти да ће намъ знати што о нѣму казати. Овай
оде; а она запыта Тихомиля, какво е то момче, ели
пастырѣ? — У истый парѣ Тихомиль се бѣше неш-
то замыслио „знашѣ ли што е, рекне іой, а да неће
тай истый быти Любивой! — Любивой! — А одку-
да бы онъ ту бѣо? Юноша умѣренимъ нѣкимъ вос-
хищеніемъ и радосту „Милена! Онъ ће быти ваис-
тину, пакъ валя да е име свое прѣмѣнію. Ахъ, лю-
безный мой! ели могуће да мене у тамѣ туге буду-
ћу таково сунце радости данасъ огрее! — Но, по-
слушай ме само: Я одъ ономадъ іоште кадъ е она
велика киша бѣла, сѣдимъ съ моимъ другомъ овако,
као и сада кодъ ватре, гледимо на врата, како му-
нѣ по облаку свѣтлацаю, и слушамо, како грми и
како кадшто ужасни громовній ударцы землю потре-
су; разговараюѣи се о дивномъ естества поредку, и
непостижимой мудрости божіой, кою повседневно вѣч-
ніи естества закони нами преповѣдаю; униѣемо по-
добро у ноѣ, и текъ што се почнемо справляти да
спавамо, ето ти намъ на врата то исто момче! „До-
бро вече браћо!“ — Савъ покисао у голой води
„Богъ ти добро дао!“ одговоримо му; и таки нало-
жимо већу ватру, пакъ подгреємо вечеру, понудимо
га, и као страному учинити по вољи, и сами сѣдне-
мо съ нѣмъ вечерати. Гледимъ; момче младо, као
капля, и лепо дѣте у граѣанскимъ альфинама; изъ
разговора искусимъ, да е лѣпо воспитанъ и доволь-
но наученъ, допадне ми се преко сваке мѣре: пы-

тамъ га, одвуда е; каже се, да е чагъ изъ Прилипа града; куда дакле идешъ, и чій си сынъ изъ Прилина; ербо я тамо имама познаты; али онъ моме питаню задовольно не учини; онъ мени нѣку повѣсть свою чрезъ причу каза, кою я разумѣти нисамъ могао, но само толико искусимъ, да има нѣку потайну на свомъ срдцу жалость, кою онъ крѣяше, и съ некимъ усиливанѣмъ весео се показиваше. Узме ту мою харфу и лепо удараюћи испѣва намъ нѣку пѣсму; пѣсма е была жалостна, но срдцу увреѣеномъ и печалномъ найпрѣятнѣя: Гласъ ясный има, и лепъ; али не женскій врло танакъ, но покрупанъ и правый мужескій. Сутра данъ навали да иде, мы га молимо, да остане кодъ насъ кои данъ, но нехтѣ; праштаюћи се съ нами ударе му сузе; чела ведра, и лица весела быти виѣаше се, а две му се каплѣ изъ очю низъ образъ свалише, и као чиняше се, да бы радъ свою тайну одкрити, но заръ нехте предъ моимъ другомъ; ербо на мое прошеніе о тому лагано рече ми, кодъ двоице тайна кое како, а кадъ зна и трећій, онда престае тайна быти. Но съ Богомъ вели, може быти, да ћемо се олетъ скоро видити. После неколико дана донесе ми мой другъ вѣсть, да ту негди чува овце; но ели онъ, незнамъ, садъ ћемо видити; но изъ твое повѣсти, малъ да неће онъ быти. Милена: ахъ да бы се небо већъ едан-путъ на мене смиловало. — Да е изъ тавнице пуштенъ, то самъ разумѣла; пакъ валя да е сырома тежіо овамо, и побѣгао, шта ли може быти.

Она саде съ неизреченомъ нестерпѣливостю свакій часъ на врата, и на полѣ истрчава ослушава-

юби, иде ли Никодимъ, и води ли кога. Нѣномъ не-
спокойномъ садъ ерду то време учини се читава
година. . . Ето ти имъ Никодима, — али самъ! —
Но, шта е? ови повичу. Ние тамо више, рекне Ни-
кодимъ; дослужио газду свогъ и отишао некудъ: Но
знашъ, шта е; нѣму ние име Павлимиръ, како што
е се кодъ насъ казао, него Любивой. Милену ова
рѣчь восхити: Любивой! пакъ гди е садъ, кудъ е
отишао? — Тихомиль къ Милени „но! есамъ ли ти
казао, да ће онъ бити? Она му падне околѣ врата
„ахъ любезни мой братацъ! — опеть къ Никодиму“
казуй мой сладкій! како си разумео, да му е тако
име, и куда е отишао. — Казао ми садъ газда онай,
при кому е онъ овце чувао. Тихомиль, кажи по ре-
ду, како си съ газдомъ бесѣдио. То е было овако,
поведе Никодимъ: Я доѣмъ у колебу, и застанемъ
старца съ еднимъ момчетомъ поредъ ватре; на пы-
танъ мое, гди е Павлимиръ насмеє се старацъ, пакъ
мени „а ель нѣгова свирала какова кодъ васъ? есть,
рекнемъ му; но гди е онъ? Онъ вели, дослужи од-
ономадъ кодъ мене свою кратку годину, пакъ оде
у свете Варваре монастырь. Гледъ садъ! реко, валь-
да ће се калуѣрити; сырома како онъ не зна, реко,
гди валя. . . Ние вели, него ту му еданъ каза, да су
овудъ нѣкии войницы прошки, кои иду у Каравлаш-
ку, и у оному селу исподъ свете Варваре монасты-
ра чиниѣду одморъ, и може бити данъ два проба-
вити се: дакле е отишао за нѣима; а шта ће тамо,
Богъ бы га знао. Полазећи вели, рекне ми, да нѣ-
ку свиралу има кодъ васъ тамо, но да му ю пош-
льмъ по момчету, и хотео самъ му послати, алъ ми

момче нѣ было овде. Има вели мое име на нъой „Любивой Апостоловиѣ“. Я му, каже, на то рекнемъ, та нѣ ли се теби име Павлимиръ, на кое онъ: Я самъ мое име было промѣню, но пошлы ми ю молимъ те, вели, чико, мы ѣмо се рече онде у селу, како су ми люди казали, и тры дана може быти бавити, и со тимъ оде. Милена се плъсне рукама“ — у монастыръ свете Варваре! О свѣта управителю, и всевидѣи Боже! — Та я самъ оттуда, жалостной мени и дошла! — О свирѣпа судбо, коя ме гонить, оѣнешъ ли се кадъ гонѣи ме уморити! — Я самъ онде дакле была, кадъ су ти войницы тамо, како самъ ти братацъ казала, дошли. О небо! тво ми рече одатле иѣи; о нестриѣливости моя! — башъ ме е среѣа оставила, онъ бѣга одъ мене, а я одъ нѣга! — Родители ми изумреше, добра ме мора исключише, и найпосле онога се лишавамъ, у коме самъ сву надежду мою полагаала. . Немой плакати добра моя Милена! рекне *Тихомиль*, ето монастыра, нѣ тако далеко, за данъ се лако може у нѣга доѣи, а тѣй ѣду люди, како каже Никодимъ, тамо кои данъ пробавити, нека те дакле сутра Никодимъ одведе, може быти, ако ту буде дошао, да ѣнешъ се съ нѣимъ састати: а Никодимъ мени ту любовъ одреѣи неѣе; я бы те самъ одвео, да неморамъ у монастыръ се овде нашъ сиѣи, и ту брата, кои ми е явио, да ѣе доѣи, чекати. — Да нѣ ноѣ, ишла бы самъ таки: ахъ како самъ се могла съ нѣимъ ту састати!

Седну потомъ вечерати, но нъой сыроти не баше до вечере. Легну спавати, но она цѣлу ноѣ очи свое не сведе. Часъ по часъ извиѣе, и на звѣзде

нагледа, обели се већ еданпутъ даница одъ востока
указати: тишина свуда, ништа се не чуе, кромъ ти-
хий шумъ предъ домомъ поточиѣа. Кадъ већ види, да се
данъ указивати почне, пробуди ове: Захвали найуорднѣ
Тихомилю на указаной любви, и братскомъ сожа-
леню о себи. Тихомиль іой рече, ако не застане,
и nebude волю имала у манастиру остати, некъ се
врати опеть съ Никодимомъ, пакъ ће ю онъ, као што
е се обеѣао, дома оправити. Даде іой свиралу, и
она се опрости съ нымъ, пакъ се заузме съ чест-
нимъ проводникомъ своимъ преко планина, куда е
онъ попреко знао, и по поподне рано у манастиръ
стигну; али на већу свою тугу и жалость, кадъ се
садъ извѣсти, да іой в Любивой прошастый данъ съ
вишеломенути войницы у Каравлашку отиѣао, и іошъ
што е за ню горе, да ће оданде у Русію преѣи! Ка-
ко іой е было то чути, свакій може себи предста-
вити. . . Падне сырота у очаяніе, изгуби конечно сву
надежду да ће га игда више подъ сунчанимъ виѣ-
ти свѣтомъ, заключи ту у манастиру остати, и у
црни альина срећу свою до гроба оплакивати. Она
е се знала хитро кодъ игуменіе оправдати, пужда
што кажу свачему насъ научи. Захвали учтиво Ні-
кодиму на труду, и честномъ спровоѣеню „поздрави
ми, рече му любезнога мога брата Тихомиля, по-
здрави га съ ияду знакова признателности мое къ
нѣму; кажи му, какову е самномъ и овде ролу сви-
рѣна мой изиграла судьбина, и будући да смо већ
на усћу зиме, нудъ самъ престала, остаемъ овде
плачевне дне проводити. Овай се дакле врати, а она
ту заостане.

Любопитствуе потомъ, оѣли се игуменіе братъ туда опетъ са своимъ людма вратити, да баремъ разумъ, кудъ іой е любезный отишао, ако е у Руссію, у кою дакле варошъ, да му може одъ све неволъ кадгодъ писати. Каже іой едномъ сама Игуменіа, да ѣду се туда за цѣло вратити, но не знамъ вели кадъ. Ево данасъ да се врате, ево сутра, докле и зима веѣъ настаде, а нѣи іоштъ нема. Кадъ еданпутъ лицемъ на рождество Христово, пріими Игуменіа одъ истога брата писмо, у коему іой чести-та празникъ и явля да е онъ са своимъ дружствомъ другимъ се путемъ у отечество вратити морао, но да му опрости, што іой нѣ рѣчь обдржао. Садъ Милена кадъ веѣъ и ову малу утѣху, съ коіомъ се печално нѣно сердце одъ крайнѣга очаянїа чрезъ два месеца и полъ бранило, изгуби; поболе духомъ, и етане унывати: найпосле видеѣи да нѣну жалость, коя іой данъ на данъ сердце гризе, нити любавъ она матерня одъ игуменіе, коя ю е осимъ свію девояка любила, нити време излечити може, намысли на пролеѣе како годъ одъ брата игуманинога извѣстити се, ели іой Любивой заиста прешао у Русію; као што се е говорило, и гди е, да му може писати: пакъ ако разуме, да е онъ себи у Русію онакову среѣу получію, какве е онъ достоянъ, и да е съ нѣимъ задоволянъ; да ѣе се и она у свое повратити добро; али ни за кога се цѣлога живота не удавати, но при уяку у дѣвству, и ангелскому цѣломудрію вѣкъ свой провести: а кадъ умре, да ѣе све свое добро на полакъ да се раздѣли, оставити, полу едну своему уяку дати, а другу сиромашнимъ и убогимъ раздѣли-

ти: А овако, говораше у себи, да останемъ у овомъ манастиру, едно самоѣа бы ми, гди никаковаго увеселенія, кое е тужномъ срдцу лѣкарство, нема; ядъ и тугу понавляла: а друго провела бы животъ, и никому добро какво небы учинила, кое могу одъ мого имѣнія, што ми е одъ родителя остало, чинити.

При овому се предузиманю мало смири и осѣти у срдцу и души своіой тихо спокойство. Проведе ладну зиму, и поучи се при игуменіи многому добру. Кадъ настаде любко и мило пролеће, обнови се цела природа, дивны овай предѣлъ испуни се сваке пріятности, зазелене се шуме и лугови, птице пою, яганъчиѣи блею, и пчелице цвѣтке облетаю: ово е наша Милена едва дочекала; она се садъ овде као птица на грани текъ за кои данъ задржаваше. Бданпуть у неделю обуку се лено духовне дѣвице, и съ матеромъ своіомъ игуменіомъ униѣе у цркву, ужегу свеће, и предъ светими образи кандила: одреду се двіе и двіе дѣве, кое ѣеду са стране пояти. У таковой преправности очекуюѣи свога старога свештенника, кои ѣе имъ літургію служити; читаю псалме: А Милена, коя се іошь у нѣювъ свештенный не баше обукла чинъ, у бѣли альина стала поредъ игуменіе съ десне стране за пѣвницомъ. Доѣе имъ свештенникъ; и почне се света служба, загрми храмъ Божій дивнимъ, као анѣлскимъ дѣвическимъ гласомъ, чисто оно изъ нѣювы лепы уста слоговъ произношеніе, укроѣава грубость и приводи срдца у умиленіе. Бивши имъ тако у цркви, етоти имъ одъ некуда странне господе! — Одъ овы неки у турскомъ бяху одѣлу: предъ нѣима иде млада госпожа,

којој се особито почитаніе чиняше, и коју четири
дѣвице лепо обучене и накіћене, благочинно слѣдо-
ваху: на нѣой одѣло не само драгоцѣнно быти ви-
ѣаше се, но неко особито великолѣпіе на себи по-
казиваше. Али красота нѣнога лица, коя се съ вра-
та као сунце на орізонть кадѣ изиѣе, заблеста: ус-
хити срдца свію, свію очи на себе обрати! Дивный
нѣнѣ стасѣ тѣла, благородный ходѣ, и нешто осо-
бито величественно струка движеніе учини, садѣ вни-
мателне све у цркви бывше; словомѣ, што се годѣ
красно, и совршено благородно у одной особи при-
знати може, то на нѣой сдружено быти виѣаше се.
Нѣне очи велике и свѣтле; али погледѣ тихій и сми-
реномудренѣ показиваше благородну душу, и лепо
срдце у нѣой быти; нѣне власи исподѣ богата укра-
шене главе покривала мало смеѣе виѣаху се. — Она
приступи къ среди цркве, ту се мало застави, и
съ побожнимѣ къ светому олтару поклономѣ тры-
путь се прекрсти, и у ѣутаню очита молитву: ме-
ѣутимѣ еданѣ одѣ ню пратеѣихѣ господинѣ приѣе
за пѣвницу, и нешто лагано матери игуменіи рече,
на кое она усхиѣена истрчи предѣ госпоѣу учтиво,
и съ некимѣ страхопочитаніемѣ поклони іой се до
саме землѣ, по томѣ потеку іой сузе низѣ нѣно ста-
ро и честно лице „о преблагословенный Боже мой!
у кипѣню некомѣ радости рекне, какову благодать
данасѣ я предѣ тобомѣ наѣо! Она оѣаше госпоѣи
да полюби руку, али ова ю као матерѣ свою загр-
ли, и съ нѣомѣ се у уста цѣлива, говорѣи іой ти-
хо „остави! остави, любезна моя! тко яко Богѣ,
вели: и само іой се красне нѣне очи у сузе забли-

етаю. Стара ю узме подъ руку, и у архіереевъ столъ уведе, говорећи „воистину нисамъ се надала овой данасъ ненадной радости; поредъ нѣ при столу стану четири нимфе нѣне. Разредивши стара и прочу госпуду по столови, врати се опеть за пѣвницу, кою Милена едва дочека запытати, тко су то, и каква е то госпођа? Ово е мой сынко! велика госпођа (тарући марамомъ радостне сузе свое) рече, и царица была; но хвала всевышнѣму, кои ю е вданпуть изъ варварскихъ исхитію рукахъ ниси имала срећу вели, познати Милеву светопочившега Кнеза Лазара кћерь; то е она, коя е за турскога цара Баязита удата была; она е она света за цѣло свое отечество, и нашъ миръ и спокойство залогъ была, она е мой сынко! свирѣпога онога изъ Азіе хрїстіанске крви жеднога звѣра Баязита смирила и зауставила. Мы смо сви съ животомъ благодарити дужни, нѣой и нѣной благодарсмотрителной родительци, и чедолюбивой свію насъ матери, коя ніе поштедила за благоденствіе свога народа утробу свою онакому звѣру дати; но благодь Божія, и вѣчный промысо нѣой погинути ніе допустію. Она сада иде любезной матери своіой. — Та я самъ нешто мало разумѣла, да е царъ Баязитъ погинуо, рекне Милена, дакле одкуда она сада иде? — Онъ е рать имао съ Тамерланомъ Татарокимъ кралѣмъ, одговори игуменія, дакле буде побѣѣнъ и одъ Татарахъ уваѣнъ, тимъ начиномъ падне она сырота у робство. Баязитъ у тавници, како чуемъ, умре, а она застане кодъ Татара: Деспотъ братъ нѣнъ одъ Тамерлана ю поште, кои како е разумео, да е она срѣснога краля кћи, одише Стефану Дес-

поту, да пошлѣ люде свое по ню, кою онъ съ честію на-
трагъ враѣа; дакле есенасъ іошъ, вели, мога брата
съ людма пошлю по ню, — ты си онда ту была, кадъ
е мой братъ прешао у Влашку: но будући наступи
зима, ніе се могла на тако далный у свое отечество
путь рѣшити, остане до пролеѣа, а мой братъ ра-
ди важны дѣла врати се дома; сада дакле съ овимъ
мени непознатима госпоѣама иде.

Мати игуменія и не достоин сву службу, похи-
ти гостима обѣдъ наредити, изиѣе напољ и позове
нѣне одъ свои девояка, съ коима изиѣе и Милена.
Кадъ види стара, наполю толике слуге, гди конѣ
провоѣаю, и іошъ неке одъ татарске господе, кои
су Милеву доведе допратили, стане се журити око-
ло обѣда, што болъ може. — Пошлѣ одну одъ де-
вояка у станъ, гди се овце музу, да донесе млада
сыра, яя и скорупа, да се праве пите и гибанице,
поѣе съ овомъ и Милена наша — идући имъ у раз-
говору чрезъ еданъ великій монастырскій воѣнякъ,
кои лилный покріо бѣше цвѣтъ, благодишый по воз-
духу просыпаюћій мирисъ; тихій шумъ трудолюб-
ныхъ пчелицахъ са сладкоумилнимъ птичицахъ пѣ-
ніемъ дивну за благочувствителна срдца хармонію
слушаху: Оне смотре на страни мало одъ себе не-
колько войника, кои ту у трави седеѣи чисте свое
оружіе, одъ коихъ еданъ младъ момчиѣ у зеленихъ
альинахъ скочи и управъ къ овима потрчи; — и
кадъ се на два тры корака къ нѣима приближи, у
усхиѣеню плѣсне рукама, стане и са удивленѣмъ по-
гледъ свой на Милену установи „Милена! — ахъ,
любезна моя! еси ли ты! — то рекши обвлада нѣимъ

чувство радости, полів своє ружично лице сузами. — Овай гласъ ненадно Милену сбуні, она се зарумени, и бацы свое лепе очи на нѣга “о Іисусе сладчайшій! повиче, кога я предамноѣ видимъ! — Любивое еси ли ты?” — Онъ на то съ разширенимъ устреми се къ нѣой рукама, падне іой около врата, одъ радости садъ обое занеме, и пошто топлымъ сузама себи олакшаю: одкудъ „одкудъ ты овде молимъ те?” рекне іой; „кадъ е чувено было, да те е маіія твоя пуштаіама предала, и да су те убили! — Сладкій мой — крозъ плачь едва проговараюћи, то се хтело самномъ учинити, али промысао Божій дозволю ніе о кому се и сама много пути чудимъ: но шта е съ тобомъ за име те Божіе молимъ; како се избежуми и на окаяну мою маіию руку диже! — Тко — Я? — Да тко е мою маіию убіо? — Милена; мыслишь ли ты заиста, да самъ я ню убіо? — Я самъ тако чула. — Онда онъ „Небо некъ се сруши надамномъ, или земля некъ се отвори, и мене као Авірона у свою бездну узме, ако я то будемъ учинію, или само знао, кадъ е онай ню убіо: Боже сохрани! ніе то истина, ню е другій убіо: Ево писма, ако не вѣруешъ, на и прочитай! ту ћешъ видити, тко е ню убіо. — Она узме и лагано чита, погледи на нѣга, пакъ му рекне: Дакле е ню деверъ нѣнъ убіо! пакъ како се на тебе то потворило? — Е! како? одговори онъ, како и више пути мора трпити правый, докле се не увати кривый. И сунце кадшто заиђе за црный облакъ, алъ му се зато свѣтлость не одузме, тако и истина много пути одъ смртныхъ буде сакривена; алъ она нѣима опетъ сине. Они су на ме-

не то были потворили, и я самъ тавицу трюю, алъ самъ я самъ таковому подозрѣнію поводъ даю; ербо кадъ су ми казали, да е она тебе пустаіама, да те убію, испоручила, толико самъ душою поболее, да самъ одма тражію ю убити, но добри мои пріятели за удалити руку мою одъ богомрзкога убійства, кадъ су видели, да ме съ речма обратити немогу, оду к' нъой и хитро ю одъ мене сакрію, за кое сада прво Богу, пакъ нъима кадъ се годъ сетимъ, благодаримъ. Но она нъну заслужену, кою самъ іой я преправляю чашу, испіе треій данъ потомъ одъ Релька нъногъ мужа брата; овай оде нономъ и заколъ ю у кривету. — А зашто, упита Милена, да ніе одкудъ твоимъ наваѣанѣмъ? — О Боже мой! рече іой, и іощъ ми невѣруешъ, да ништа о томъ знао нисамъ! — Онъ ню како е убію, побегне и сакріе се; Подозрѣніе, кое су веѣь многи о истомъ дѣлу на мене имали, ніе имъ дало ни мыслити на когъ другога, него на мене. Я пакъ о тому іощъ ништа и незнаюѣи, као невинъ нисамъ бѣгао, добу на еданъ путъ и мене увате! меѣу ми предъ отцемъ гвозѣе на ноге, а я се смеемъ, пакъ пытамъ зашто. Кадъ у граѣански домъ, алъ мени кажу, да самъ я заблао Станицу! — Любезна моя Милена! како ми е ту было, кадъ самъ стао у гвозѣу предъ честие оне съ бѣлимъ брадама у суду старце! — Уплашіо се нисамъ, ербо ми ердце мое само каже, да самъ чистъ одъ тага порока, као злато, и невинъ као оно дете, кое е юче овай светъ поздравило: но одъ стида запламту ми се образи, и да самъ могао, у землю бы тай паръ скрозъ пропао. Отацъ ми ту ніе быо, Господинъ Стра-

тимиръ старшина, као паметный мужъ, погледа на мене, и видеши ме, да се нисамъ, као очаянный убійца смутію, и угрызомъ внутренномъ совѣстѣю пребледию, но да самъ се као невинъ и правъ предъ нѣма застидію, и савъ поруменію „небой се сынакъ!“ рекне ми, „очи твое, и лице добро за тебе говоре; дѣло кадъ се извиди, оны нека се стыде, кои су те оклеветали, а ты се радуй; безчестіе вели праведнога истина славомъ награђава. Мы те мо дѣло строго испытати, нити те праведный судъ у тому итити.“ Мени нато ударе сузе „племенитый судъ! рекнемъ я, и высокопочитаеміи отцы наши!! по прилѣжномъ испытиваню ако се посведочи то убійство на мене, самъ себе смрти подвергавамъ. — Сотимъ одуству ме одатле, и пошлю ме у тавницу. После тры дана незнамъ, шта отцу буде, оправи ме чакъ у Градацъ у заточеніе, накъ ме іошъ самъ, Богъ да му душу прости (умро е) на тры године о сувомъ лебу, и води осуди. — Милена съ удивленіемъ: „умрео ти отаць!“ — Умрео, одговори онъ, зато самъ се и вратію, ево писма, у комъ ми являю. Ахъ! — да му Богъ вѣчну славу даруе! — то садъ одъ тебе чуемъ, хмъ! хмъ! хмъ! — Случай само, рекне іой, што те самномъ у Градцу да буде: недемо ти дана и у дубокомъ и мрачномъ затвору нату проведемъ! потомъ у еаму зору не мало удивимъ се, кадъ смотримъ мога пріятеля Марка, старога чичу Илию, и побратима мога Бвту са ужеженнымъ у руку лучемъ (дрво неко благодішно, горе као свећа, у Србїи много се мѣсто такове и служе) исподъ пода одздоль изникосе! Кадъ су онолику землю прокопати мегла,

како ли су радили, да се я изасна не тргнемъ, я самъ имъ се чудити морао. — Тко васъ доведе за име Божіе! Любовь къ теби и благосрдіе къ правди, одговоре ми; но айде! — не бой се ништа! изведу ме на полъ пакъ узму сикиру, и обію ми съ ногу гвожђе, айде рекоше садъ овамо! — идемъ за нѣма преко старога Градића, нигди никога, еръ ту у граду весма мало обитателя има. Укаже се и данъ већъ, за нами потре никакове: кадъ у предградіе дођосмо, алъ оны мене уведу у еданъ гостилникъ, гди іошъ седморицу одъ овыхъ дружба застанемъ. Ови су были као стража постављени, да пазе на предграђане, да небы какву буну учинили, докле вышеречени у старомъ градићу мене исподъ земне тавнице не извуку. Заповѣде ту ручакъ справити. Кадъ сѣднемо ручати, стану ме добри пріятельи увѣравати, да се кудъ уклонимъ за време, докле се твоя невиность велу ми не засведочи. Я имъ захвалимъ на толикомъ о мени благоусрдномъ попеченію и любви; но кажемъ имъ притомъ безъ свакога изговараня да я као правъ бѣгати нећу, и то изъ два узрока, едно што ме е самъ родитель тако осудіо; а друго боећи се, да и васъ сотимъ не бацимъ у зло. Међу тимъ пукне гласъ, да е тавница прокопана, и да самъ я избѣжао! Овамо, онамо, наипосле нађу насъ у истомъ гостилнику, ту мало крвопролитіе не буде: наипосле по довольномъ препираню и свађи сотимъ се поравнамо, да ме затворе кодъ тамошнѣга судіе у собу, и да ми дае общество повседневно ести и пити довольно, пакъ ако се наипосле засвѣдочи, да самъ я правъ, то да плати савъ учинѣный

трошакъ Ресавско общество, или онай, кои е жену убіо: аколи се докаже и истиномъ потврди, да самъ я кривъ, то да плате ови исти мои заштитителъи; и зато пріятель Марко и чича Илія даду градоначалнику 200 перпера у залогъ. Сотимъ опросте се самномъ, мене оставе кодъ градоначалника, а они оду. Кадъ прође неколико дана, алъ ето ти мени то исто писмо одъ отца, а ово (вадећи друго) одъ мога любезнога чиче Иліе: пише ми, да се моя невиность освѣдочила, и да су Релька, кои е ню убіо, уватили, да е преко суда прешао, и да се већъ самъ съ своимъ устма издао, да е затворенъ и проча: — читай само, рекне іой, мало ниже, како ми отаць лепо пише, и признаюћи, да ме е увредіо, иште одъ мене опроштенъ. Я када се о свему извѣстимъ, смутимъ се духомъ, разжали ми се весма, и гронуше ми сузе: Е мой отаць! рекнемъ, слабе су ове, речи, коима се трудишъ садъ мене ублажити, дубока е рана на момъ срдцу, и рѣавъ е овай за ню мелемъ! Я ти праштамъ и срдцемъ и душомъ, алъ твой сынъ бити престаемъ. Одъ данасъ, и овога часа я се лишавамъ Тебе родителя мога, и цѣлога наслѣдія; а ты мене сына, кои одъ тебе данасъ за вовѣкъ у светъ одходи. Пошто се исплачемъ, съднемъ и тако му писмо напишемъ. — Како си могао то чинити? Разкајо самъ се и самъ потомъ, али шта знамъ, кадъ нисамъ могао у тай паръ себе побѣдити. Далъ, зовне ме градоначалникъ, и покаже ми писмо, кое су му отаць и старешине писали, да ме одпусти съ люда, кои су по мене послани были. Я ћутимъ, нећу, да му кажемъ, што самъ науміо. Зовне ме съ њимъ

объдовати; по обѣду даде ми они 200 перпера, да
вратимъ, чи су: полюбимъ га у руку, и съ людма
поѣмъ. Кадъ на прву у єдному селу облегу доѣ-
мо, а я се украдемъ одъ дружба и побѣгнемъ: у-
вреѣенъ онако тумаримъ кудъ су ме очи водиле, ни-
ти више за отца ни за отечество мареѣи, само бы
ми кадъ што бца сестра, кою знашъ, како самъ нѣ-
жно любію, на паметъ пала, и на срдцу бы ми по-
тежко было. Найпосле доѣмъ у едно мало међу
планинама село; и ту се погодимъ кодъ некогъ се-
лянина овце чувати, само да проведемъ виму, коя веѣъ
наступаше, пакъ на пролеѣе кудъ Богъ да. — Овде
му Милена пресече речъ, и рече „То є было онде,
гди си се казао, да ти є име *Павлимиръ*, ель?“ —
Онъ се зачуди, и погледи на ню „а одкуда ты то
знашъ?“ — Она смеюѣи се „а гди ти є свирала?“ —
Гледъ садъ! Милена! та ты цѣло мое житіє знашъ!
— Ахъ любезный мой! ту смо се мы есенасъ у ма-
ло мимоишли, те се састали нисмо: ты ѣшъ се не
мало чудити, кадъ ти кажемъ, како є мене случай
онимъ истимъ нанео путемъ, коимъ си ты прошао.
Бли, да си преноѣю єдну ноѣъ кодъ некихъ люди у
нештери єдной? Єсть! но одкудъ ты оне люде знашъ?
— О! никада ихъ до гроба зоборавити неѣу, — они
су ми твою свиралу и дали. Ахъ, шта говоришъ мо-
лимъ те! — и ты онде была! — Я самъ ту кодъ
они добри люди преноѣила, и одъ ныхъ самъ се из-
вѣстила, да си у овай манастиръ дошао, како што
бу ти обширніє повѣсть мою сказати, но преповѣди
ми кудъ си есенасъ одавде съ онимъ войницы у Ка-
равлашку отишао; и была самъ разумѣла, да си у

Русію прешао? — Но! воистину есть ми зачудо, да ты то све знашь, рече Любовой. Я преѣмъ съ нѣма у Каравлашку, съ камѣренѣмъ оданде преѣи у Русію; но будући настане зима, нисамъ могао, заостанемъ у одной вароши, а дружтво ми оде у Татарску. По некомъ времену ови се врате, по койма пошлѣмъ писмо чичи Или, и явимъ, гди самъ, и да ѣу на пролеѣе у Русію, но да ми пише што, докле се ту іошъ находимъ, али отцу моме о мени ништа да не говори. Кадъ прве неделѣ великога поста, ето ти ми одъ нѣга писмо; отворимъ, имамъ што видети, отаць ми умро! — Штоѣу садъ, мыслимъ, дай да се вратимъ, да ми онолико добро не пропадне, и кукавну сестру, коя сада нигди никога нема, утѣшимъ: да сырота оно, што е у родителейма изгубила, наѣе у мени брату своему. Чекатъ іоштъ кой данъ, да се време отвори, алъ ето ти ми на мою среѣу Србала крозъ исту варошъ, кои изъ Татарске землѣ Милеву воде; пристанемъ дакле съ нѣма, и ево доѣемъ. Но одъ кога се времена ты овде находишь, съ кимъ си дошла, како те е невидима рука Божія заштитила, и одъ пустаія избавила? — Казаѣу ти све по реду, но молимъ те, да ме іошъ извѣстишь, ако знашь, зашто Релько уби мою маѣіу? „Жена нека, почне онъ, коя е, како самъ чуо, тебе пустаіяма одвела была, споречка се снѣомъ, и издаю како за тебе, да е неке люде на то подкупила, да те убію, тако и за нѣговога брата, то есть свогга мужа, да га е отровала! та е жена, чуемъ, и садъ затворена.“ — Тако самъ исто и я разумѣла! а знашь ли, коя е та жена? нека баба Синѣа. Незнамъ ю, ре-

вне онъ“ одъ садъ шта имъ драго, кадъ самъ се я
избавио, и кадъ е дѣло свету обявљено. Ахъ! — Бла-
гословенный Боже! кои све видишь! рекне она, и по-
гледѣ на небо; какова се тегота садъ съ мога срд-
ца свали, у каковомъ се благомъ разположенію, и
усхитительной радости душа моя находи, што те е лю-
безный мой! благость Божія сахранила, те ниси оно
учинію, за кое су те осуђивали, и за кое бы я бѣд-
на бычь савѣсти до гроба трпѣти морала. А све
што смо претрпили као невини, заборавимо, као да
ништа нигда ни было ніе; нама ће Богъ всевышній
зато награду учинити. О добра моя Милена! кои пре-
три што за правду, и одржи добродѣтельно надъ не-
правдомъ побѣду, може ли се безъ сладочувствуе-
мога увеселенія таковый свога страданія опоменути?
Благо оному, продужи рѣчь, кои обиду какову себи
неправедно нанешену триѣльиво поднесе, и преко у-
жасни, нѣму смрћу угрожаваюћи погибели, добродѣ-
телно срдце свое пренесе. Таковому прою вѣнацъ
славне побѣде одъ онога се цвѣћа плете, кое нигда
увенути неће.

По довольномъ овде разговорѣ оду, и прияве
се игуменію. Каже Милена, да іой е дошао онай братъ,
за кога е была чула, да е отишао у Русію, и да ю
е радъ са собомъ дома повести. Стара се збунила
около гостию, не допусти іой време съ нѣима се раз-
говарати, и коѣшта ихъ испытывати, но рекне имъ:
добро моя мила дечице! Кадъ е вамъ башъ тако ит-
но, а вы поручайте, пакъ у име Божіе идите, сожа-
луемъ вели, што ми време не допушта, да ти се съ
братомъ разговоримъ, али нисмо преко света, вы ће

те насъ и опеть посѣтити. Одъ ономадъ іоштъ (на-
стави стара къ Любивою) навалила в была, да иде
евоіой уйни, пакъ као да самъ знала, те самъ ю за-
држала, садъ се радуемъ, да сте се видели: Люби-
вой полюби ю у руку, приступи и Милена, кою она
съ матерньомъ милошћу пригрли, и съ ньомъ се по-
люби; доѣдите ми кадъ опеть, говорѣи имъ, любез-
на децо моя, я ѣу васъ радо дочекати; али гладни
не идите. Съ тимъ она уѣе къ гостима, а ови узму
у мараму млада сира и леба, и одма се на путъ кре-
ну, ни найманъ за часть, и таково великолѣпно друж-
тво мыслеѣи. У онаковой любви по толико дугомъ
разстанку, и страданю, садъ обое пуни радости иду
у любезно мѣсто, у комъ су почетакъ невиногъ свогъ
живота среѣно провели. Данъ прекрасный, време
пролетнѣ: Она сказуюѣи му повѣсть свою, бере по-
редъ пута польско цвѣѣе, ово даюѣи му да мириши,
друго задеваюѣи му за капу. У повѣсти нѣной до-
ѣе у речъ и добрый Тихомиль са нѣговимъ любез-
нымъ другомъ: каже му, како ю в любезно приимю, у-
тѣшю, и братомъ се нѣнимъ быти завѣштаю. О све-
та душа! говораше она о Тихомилю! дивный младиѣъ,
и подражанія достойный добродѣтели прикладъ, я
га нигда заборавити немогу, нитъ самъ кадгодъ она-
ко честна, добра, и учтива младиѣа у моему живо-
ту видила. Любивою слушаюѣи „Милена! рекне іой,
знашъ ли шта е! Све, што си о нѣму изрекла, имашъ
право: я се нисамъ съ нѣимъ толико іаштъ ни по-
знаю, само што самъ едну ноѣъ кодъ нѣга преноѣю,
но видю самъ, и искусю нѣгову добродѣтель, ако
бы се твоя воля согласила съ моіомъ, да му се свра-

тимо! быти ће намъ мало заодно, али ништа за то; до села, гди самъ я овце чувао, можемо лако зарана јоштъ приспѣти, пакъ да га сутра ненадно съ добро ютро! поздравимо. Пакъ зашто небы! о мой Любивою! а у чему самъ я кадъ волю твою покварила? — Поведу потомъ о нѣму разговоръ, да бы добро было говорити му, некъ остави ону пустыню, и некъ дође у свое добро. Да е штета велика за нѣга, кои бы могао полезанъ у обштеству быти, ту остати. Опредѣле дакле на то увѣштавати га. Дођу ту у село, но мракомъ. Сутра данъ рано упуте се къ нѣговомъ дому, да небы кудъ отишао. Кадъ тамо, алъ онъ предъ домомъ съ Никодимомъ прави кавезъ за птице. Радость и удивленіе обузму благу душу нѣгову. „О прелюбезна срдца! удивльнъ повиче, есте ли вы, и одкугъ тако?“ Ови му падну около врата, и сви трое сладостнимъ чувствомъ упоени неколико магновенія у наручіяма найнѣжніе едно къ другомъ любви пођуте. И Тихомиль „одкудъ тако любезни мои! ахъ, благословена она срећа, коя е два тако лѣпа срдца опетъ саединила! — Ово е оно мое, сладкій брате, благо, рекне Любивой за Милену, кое самъ онда тражіо, и за кое самъ ти рекао, да нѣе требало, да га изгубимъ: ово е она волшебна ябука, кою е пакостино оно дрво одъ себе одбацило, и зато потомъ подсѣченно буде. Всевидѣће надъ нами око смилувало се на нашу любовь, оно е насъ срећнима учинило, мы смо се опетъ састали: каква радость сада преы наше подиже, коя су печална до юче подизала уздисаня, самъ можешъ себи представити. Ми у овой пустыњи другога немамо, съ кимъ бы ю дѣ-

лиги могли, кромъ тебе; тебе и любезнога твоега друга Никодима. Мы смо вамъ много обвезани. Зашто любезни мои? Я то не признаемъ. Ваша благотворительна душа, рекне Милена, којой е добродѣтель свойствена, признати вамъ не да, али признаемо мы, и признателность наша, коя одъ искренногъ срдца быва, молимо, да буде прѣимљвна. — За мое страннопрѣимство, одговори Тихомиль, излишна ми се та благодарность види. — Не! не! искренный брате, за страннопрѣимство, но за твое честно и човеколюбиво срнце, придода Любивой; мени е Милена моя свеказала, наковимъ си ю благоуердѣмъ прѣимю, и колико си нѣномъ страданю сажаленя срдца одкрѣ. — За то нисамъ ништа више учиню, но што дужность човечества, да се учини, изискуе. На кое овѣи „Мы еотимъ ништа излишно не творимо, но за указану намъ у дѣйствию самомъ любовь, празднымъ речма благодаримо.“ На страну све любезни мои, рекне Тихомиль, я се съ моимъ другомъ радуемъ, да ете вы надъ свирьпомъ вашомъ судьбомъ побѣду одржали, и зато ѣнемо данасъ радостномъ за побѣду торжеству данъ овай посветити. Добрый мой Никодимъ поваштиѣ се около ѣбѣда, о вы ѣте мени у очекиваню тога преповѣдити, како ете се нашили: Милене ми е повѣсть цѣла позната, и найпосле како е у манастиру заостала, но кажи ми за тебе, кудъ ѣдавде есенасъ оде, а како си довде дошаѣ быю, и то ми е доста познато, мораѣ си доћи изъ Градца, кадъ су те прѣители изъ тавнице избавили, но како а то было, незнамъ. — Любивой му щѣло житѣе свое искренно скаже и одкрѣ, и найпо-

сле како Милену у манастирскомъ воѣняку наѣ. Изъ кое повѣсти Тихомиль кадъ разуме за Милеву, да е се одъ Татара вратила, и да е ту у манастиру, неисказану радость осѣти: Ооѣели се кои данъ ту задржати пыта. Извѣстно не знамо, одговоре ови, но по свой прилицы два три дана бавиѣ се ту. Онъ проведе съ овимъ младимъ гостима до саме ноѣи у веселомъ разговорѣ време, и сутра данъ замоли ихъ, да се задрже при нѣму кои данъ, и да остану садъ съ Никодимомъ, а да онъ иде у манастиръ видети Милеву, ако ю іоштъ застане тамо. Добро одговоре ови, а ти поѣи у име Бога, мы ѣмо те чекати.

Кадъ онъ оде, пытаю ови Никодима за нѣга, изъ кога узрока онъ се ту находи. Никодимъ нѣювомъ любопытству у кратко, но ясно задоволи. Штета, рекне Любивой, да таковый изрядне нарави, и искусный юноша разлученъ одъ свѣта у овой пустыни бесполезно животъ проведе, кои бы на ползу обществу човеческому быти могао. Я самъ довольно, одговори Никодимъ, о тому бесѣдію, обрати ти га, да остави ову пустыню, нисамъ могао. А мы смо у томъ намѣренію, придода Любивой, да га како годъ одъ овога мѣста отргнемо. Пробирайте; рекне Никодимъ, може быти, да ѣе га ваша любовъ на то убѣдити. На кое Милена „Знате ли, како ѣе добро быти? ми ѣмо нѣга молити, да намъ учини любовъ, и съ нама у Ресаву као у гости поѣе, пакъ ѣмо га задржати нѣколико дана у разнимъ увеселеніями, после тога почеѣмо му о тому говорити. — Кадъ другій данъ, ето ти имъ нѣга на трагъ; пунъ

радости, каже, да е Милеву не само видію, но да е съ нѣомъ и бесѣдію, али нисамъ іой се вели, хоѣо казати, гди сада пребывамъ. Овы га сада сви трое окупе, да съ нѣима дође у Ресаву. Онъ найпосле нѣима рекне: Косоваць е ближій него Ресава, а я и тако нисамъ быо толико година тамо, хођу вели, васъ пратити до Косовца, пакъ ћемо се придода онде на моему добру съ братомъ моимъ неколико дана провеселити, али у градъ нећемо ићи; потомъ вы идите у Ресаву, и я ћу се съ моимъ другомъ вратити опетъ овамо. Ови се у радости плъсну рукама“ право! право! повичу, врло добро, тако ћемо и радити. — После два дана затворе свой пустынической домъ, даду ключеве старомъ башчовану и спремесе сви четворо на путь. Крозъ веселе шуме, у време смѣюћегъ се пролећа, у самой невинной шали и разговорѣ учини имъ се путь весма кратакъ. Я се и самъ чудимъ, рекне *Тихомиль*, кадъ већъ у Косовачкій предѣлъ ступе, и кадъ онъ свой увеселительный исподъ едне шуме у виногради домъ види, и овима покаже; како самъ вели могао толико пути мому брату любовь одрећи, да му не дођемъ, а нѣ тако далеко: ви ћете, настави рѣчь, сада видити, съ каковомъ ће радостию онъ окруженъ быти, кадъ ме овако ненадна угледа, само да га хоћемо дома застати. . Сунце већъ подне указивати на сѣнки почне, а они приспѣду у Подлужіе. Заплаче се *Тихомиль*, кадъ погледа на оне предмете, кои га сада првога свога вѣка опомену. Каже дружству своему, како е се туда у пролѣће, съ малимы яганъчићи као дѣте играо, и сасу и любичицу брао; а у лѣто,

кадъ косу, или жито жано, како в съ родители често исходю, и у вече, кадъ бы посленицы носео оставили, како бы младе и дѣвице коло играле: и проча увеселенія, коя в ту у дѣтнству проводю; о блаженный мой животъ! о веселии они дни, како скоро вели исчезосте! — показуе дружеству своме, докле в ту нѣгова земля, виногради и вошняцы, и кое в мало далъ на страни нѣговога брата. Приближаваюћи се къ дому, часъ почасъ бы се зауставили и гледали около себе, како в воће свуда цвѣтало, и каковый благодатно пролѣће плодъ одъ себе есени обећава; о любезный *Тихомилъ*! рекне Любивою, како си могао ону твою пустыню оваковому, раю подобному, мѣсту предпочитовати, та я бы волю овде съ братомъ на своме добру, и у овакоме прелестному мѣсту три године живити, него онде трыдесеть. То ми башъ сада изъ намети извади, рече *Никодимъ*; нити ѣу му се я више онамо враћати. Я самъ мому *Никодиму*, рекне онъ, много пути за ово мѣсто казивао, и ето нека вамъ каже, да самъ га хотео овамо послати, алъ се нисамъ могао съ нымъ растати. Ваистину браца! приложи *Милена*, а кадъ бы оваково добро имала, небы ни за найславный на свѣту градъ *марила*, само ако в безопасно овде живити. На кое онъ: Овде! тако безопасно, и свободно у поноћи, како годъ и у по да на може човекъ по цѣломъ овомъ предѣлу ходити, како да бы макаръ у каковомъ граду быю. Та ето вароши *Косовца*, а иза виногради таки два велика села.

Онѣ овако разговараюћи се ето ти имъ човека

на коню, орай е быо Драгутинъ братъ Тихомила, иѣаше изъ вароши, о любезный мой Тихомиль! осмеиваюћи се рекне му, тко се теби данасъ нада. Скочи съ коня, загрли се съ нымъ, и полюби: „Любезна отрасли Мусиѣа Стефана! крозь плачь рекне, и утѣхо цѣлога поколѣна нашего, самъ те е Богъ данасъ овамо донео: уйна наша и обадве тетке, коѣ те одъ толико година видиле нису, саету ме еднако ово дана, да ихъ водимъ теби: особито уйна слабога здравля будући, умрети ѣу вели, а неѣу га видети. Изговори мои, што су лѣтни приспѣли неслови, кодъ нѣи се не приме. Я имъ се обеѣамъ, и данашњи данъ съ нѣима къ путешествію опредѣлимъ: него самъ се ево задоцнѣо быо, а уговорили смо са зоромъ поѣи; пакъ текъ сада мыеляхъ, како ѣу имъ се изговарати, кадъ ме жене, нѣи три, а я самъ, окупе псовати. Оне су овде, вси ли быо съ нѣима? — Овде су! Овде су да како, одговори Драгутинъ, дошле су іошъ синоѣъ, а ниси быо у дому? нисамъ іошъ, а самъ овѣй истый часъ съ моимъ дружествомъ дошао. Драгутинъ се обрати къ овима „желимъ извѣстити се, кога имамъ честь поздравити, рекне имъ. Любивой се и Милена поклонне, но Тихомиль съ одговоромъ предухитри; они су рече изъ Ресаве, и кадъ се толико радуешъ што самъ ти дошао, нѣима захвали. Драгутинъ ихъ любезно поздравил, и еъ нѣима се цѣлива, и у разговору поѣу дома. Стара Симеона уйна на двору (авліи) живини ести даваше. Остави живину уйна! осмеиваюћи се рекне іой Драгутинъ, пакъ се попаншти около обѣда, ерѣ ево гостию. Она незнаюћи ка-

ковія су гости съ негодованіємъ то пріими; нисамъ вели, я овде частити се дошла, но иѣи куда самъ пошла, и со тимъ срдита униѣе у домъ. — А, а! кажемъ я, да бы самъ я зло садъ прошао одъ ови жена: Кадъ се тако ова срди, коя е стара, и наймирнія, да шта о онима мыслити валя. Они овако бесѣдуюѣи поѣу узъ степене горе, алъ ето ти имъ обадве тетке, на ходнику се указаше, намргоѣене погледе, пакъ се опетъ врате унутра. Но какова ихъ радость све тры сада обузме, када се о прелюбезному своему Тихомилю извѣсте, бадава бы тко перомъ онако живо изобразити трудіо се. Оне су све тры съ восхитителнимъ къ нѣму устремленіемъ полетиле, коя ѣе га преѣе у, своя радосѣу трептеѣа обятія одъ друге отети. Тихомиле сладко чедо наше! новыкну, и со тимъ га пригрлу и умукну. Милени, на страни мало стоеѣой потеку сузе гледаюѣи на нѣи: но и тко се небы овому живому найчистіе, и духовне любви изображенію заплакао. Пошто га съ топлимъ изъ очію оросе сузама, полюбе се съ нѣимъ, и съ тимъ поздраве странне. — Мени само іошъ едно, брисаюѣи сузе рекне му уйна, на овоме свѣту остае, за кое бы слазеѣи ми у хладни гробъ жалила; а то е любезный мой *Тихомиле*, да те іошъ бракомъ сочетана видимъ. И то іошъ може быти, рекне Тихомиль, любеѣи іой руку, и за што не бы? одъ твое волъ мой сынакъ, зависи, да ту радость цѣлому нашему роду не одречешъ. — Све хоѣе полако быти, повыче Драгутинъ, но гледайте вы око обѣда, я самъ гладанъ, а и любезни наши гости іошъ нису обѣдовали.

Справе дакле одма изрядный обѣдъ. При обѣду цѣлый нѣовъ разговоръ о тому буде, да Тихомиля више у монастырь не пусте, но да га жене. Изговоръ ти е тай, рекне му братъ, до сада быо, да си се радъ юшь кое време у монастыру при отцу Теодору поучити; но онъ е мени самъ преѣе казао, да што се науке тиче, ты си веѣъ довольно одъ нѣга почерпао, и да сада безпослено, као каковъ пустынникъ више при оной у пештери капелицы, него у монастыру пребывашъ. Ты када си се толико у тихи залюбю животъ, и када си се тако къ читаню предао кнѣига; то исто можешъ и овде у своме добру, кое самъ ти приумножю, имати. — Свию мнѣние овде се согласи, сви га на то увѣрвати стану. Онъ се до некле брани, но наипосле на нѣово се прошеніе склони, и обеѣаваюћи имъ се заостати; али у вароши живити ни пошто.

По истеченію неколико дана навали Любивой и Милена у Ресаву мѣсто свога роѣеня иѣи: но естъ! — Тихомиль ове неѣе да пусти. Не може иначе быти любезный Тихомиль! мы иѣи морамо; еръ я имамъ сестру, за кою самъ ти казывао, да е безъ родителя, и безъ мене брата свога сама оста-ла, разсуди, како ѣе нѣой сада быти, кадъ ме види, и одкада ме веѣъ сырота видити жеми. — Тихомиль на то поѣути „ — знашъ ли, што е? рекне му, вы кодъ мене юшь два дана остати морате: а по истеченію два дана, знамъ да ѣе ми и уякъ до-ѣи, пакъ ѣу васъ у ваше мѣсто одиратити, и тако ми е, придода, нужно, у моя села отиѣи и видити. — Ови немогавши му любавъ одреѣи, заостану.

Кадъ другій данъ у подне ето ти му уяка, и съ нѣмъ *Еще* Любивоеве сестре — по ову *Тихомиль* слугу едного потайно послао быо, да съ нѣговимъ уякомъ дође. — Овой прекрасной дѣвици, коя е сада петнаесто свое числила лѣто, нѣ было казано, да ѣе овде наймилигъ своего брата застати: како годъ што и брату о нѣой ништа предказано нѣ было; не мало удиве се обое, кадъ се тако изненада виде: они едно друго съ неописаномъ радосту пригрли; кристалне сузе, на подобіе енуоцѣннаго бисера, обнимъ се изъ очію низъ нѣюва ангелска лица свале. Свию сада приеуствующихъ сердца тако нѣжногъ брата, и сестрице любовомъ се поразе, сва умилѣна остану. — Чисто млеко еъ непорочногъ на округли *Блене* образи крвалю смѣшано, и простый, но лобве нуный изъ нѣны красны исподъ дугоцрпн *трепавица* очію, погледъ показиваху саму ову у почетбу вѣка іощте свету невинность, коя, рекао бы и безчувственнымъ дрвльмъ силу чувствованя, подати бы могла, ктому сладка, и умилна на нѣжнимъ, и руменимъ нѣнимъ устнамъ беседа, съ чистымъ разумомъ, честносту и простоердечіемъ саюжена, уехите нашего усамлѣна бывша юношу *Тихомиля* тако, да онъ сада оно осѣти у своемъ сердцу, о комъ се онъ недоумѣваше, и кое онъ до данасъ нигда осѣтио нѣ: ово буде за нѣга неко неспокойство, али неспокойство сладко и благопріятно за чувство нѣгово быти виѣаше се. Сви предмети сада веселя изъ нѣгового сердца нечезну, само едно задовольство свое у любви къ *Ецы* (кою тако зваху) онъ у сердцу чувствоваше. Онъ безъ

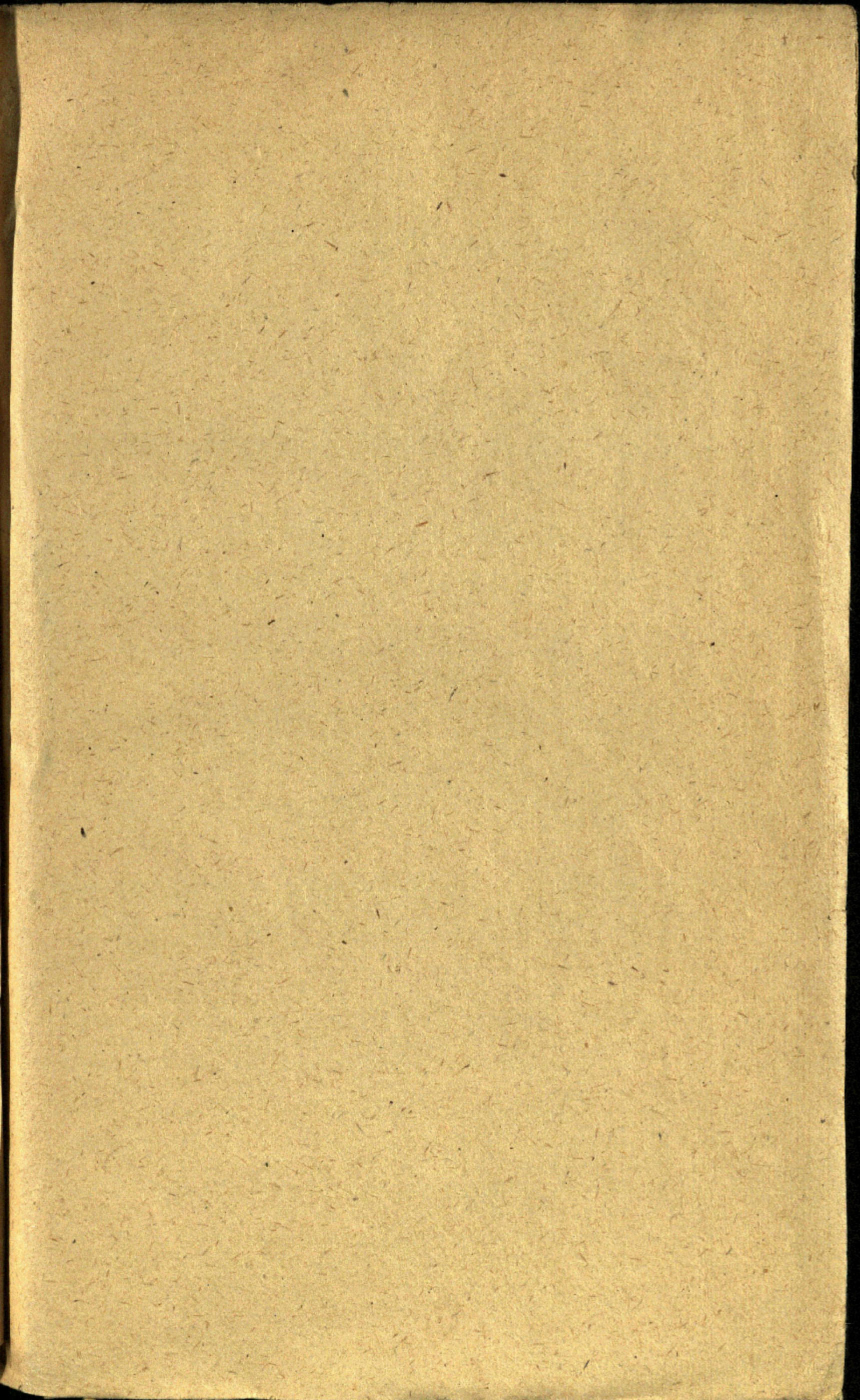
Еще быти не могаше, а и при нъой самой невесео се быти виѣшаше. Само у внутренности своіой по-тайно некое задовольство чувствоваше. Онъ се уси-ляваше страсть побѣдѣти, али нѣгове силе къ ово-му саотвѣтствовале пису. Онъ изъ почетка неко-лико дана любавь свою одъ свію дубоко крѣяше, но на послѣдакъ принужденъ буде тайну ову Милени вовѣрити. Онъ запыта ню, смѣ ли Ецу одъ брата поискати. За што не бы, одговори му ова весе-лимъ лицемъ. Мы смо, приложи она, и на Ецы примѣтили, да она тебе искренно любви; но ти нѣ-му спомени за то свободно.

Сутра данъ дакле изазове онъ Любивоя и Ми-лену у башчу. „Знашь ли, што е драгій мой Лю-бивое, рекне му, може быти да е то одъ самога Бо-га намъ суѣено, да мы у нерѣшимоме любве саюзу животъ нашъ проведемо. — Любезна твоя сестри-ца, кою я преѣе познавао нисамъ, са своима ердца и душе качествама, коя ню красу, уважаваю, и предъ свакимъ любве достойну чине, плѣнила е мое срд-це! — Ово мало време, како самъ ю видію, відкри-ло е мени у нъой неке особите благоприятности, и рѣдке даре, кои ласкаю ердцу моме, да ѣу я съ нѣо-ме среѣанъ быти. — Я ню любимъ! — любимъ као средство едно, кое ѣе животъ сладкимъ учинити. — Она родителя нема, одъ коихъ бы я руку нѣну по-искати могао, но я ю иштемъ одъ тебе любезнога брата нѣнога. — А теби е мое благ“ — Любивую се очи у сузи засвѣтле, онъ се тихо и любко на нѣга насмее, пресѣче му рѣчь, и свое ѣутанъ „ахъ, любезный мой! прирливши га рекне му,

сметь ли я одъ Бога болю срећу моіой сестри желити, о коіой самъ родительску дужанъ носити бригу него ово, кое іой у теби данасъ находимъ? Сотимъ цѣлую еданъ другогъ. Истый данъ предъ ноѣ зовне сестру свою на само у башчу, и проходяюћи се између благодішнаго цвѣѣа саобщти стварь, и пыта ю, има ли волю за нѣга поћи: на ксе му она просто и искренно заруменивши се одговори: „И нѣга, вели, сердечно любимъ, и онъ се мени весма любаванъ показуе, ако е придода, твоя воля, и ты, кои нѣга болъ познаешъ, судишъ, да ћу съ нѣимъ срећный животъ имати, я ћу поћи. — Онда онъ пунъ радости узме ю за руку, добу у домъ, и пошлѣ Милену у другу собу по Тихомиля, кадъ овай униће, узме свою сестру за руку“ прими ю любезный мой! говорећи Тихомилю, изъ руке брата нѣннаго; прими ю съ онимъ благословомъ, съ коимъ бы ти ю и нѣни родители, да су живи, дали: я се радуемъ, да ю данасъ срећну учинимъ. Она одъ данасъ постае твоя вѣрна супруга, а я съ Миленомъ моіомъ до смрти неизмѣнный твой, и цѣлому сродству твоему пріятель, и братъ. — Драгутинъ, уйна, и тетке были су отишли у варошъ, дома іоштъ о овому послу ништа не знаду. Сада дакле ови рано пошлю слугу напредъ явити имъ, да ће Тихомиль младый наслѣдникъ са своимъ любезнымъ дружствомъ у гости имъ доћи, но да приправе честный обѣдъ. На едно два часа по одласку слуге ови ево четверо, и съ нѣима Нікодимъ, безъ кога Тихомиль не хоће никуда; упуте се къ вароши.

Подне е већъ превалило было, кадъ тамо прис-

пѣду. Обѣдъ е готовъ. быю, и сродство е се неисказаномъ желѣомъ на госте изгледало, особито кои юшъ Тихомиля видели нису. Обрадую му се сви, кадъ га виде, као да е имъ се на ново сада родію. А када се при столу извѣсте, да е онъ ову красну дѣвицу за супругу избрао, и да е она кѣеръ изъ Ресаве почившегъ судіе Апостоловића, свима се радостъ усугуби, сви имъ по иляду пути срећу желе, и са всерадостнымъ ускликомъ многая лѣта повычу. Тай данъ у вече зовну свештеника, и по закону обоимъ пару ябуку учине, и потомъ у еданъ данъ се и Любивой съ нѣговомъ Миленомъ, и Тихомиль съ Ђленомъ вѣнчаю: Нікодимъ буде Тихомилю кумъ; но веселъ Тихомиль у вароши ніе хотео држати; узме свою супругуу дружество пакъ се врати у польскій домъ, кои лѣпшій бѣше, него буди кои у вароши, и ту у тишини са свои сродницы, и млађима два дана провеселе се, него Любивоя и Милену месецъ дана задржи, и едѣ се съ тежкимъ срдцемъ одъ нѣи разстане. Но будући ніе далеко было, овм су ихъ и потомъ почесто посѣштавали, а такоѣеръ и онъ е съ Ђцомъ нѣима одлазію. Они се завѣштаю сваке године Маіа месеца онай монастырь, и Тихомилево обиталиште посѣтити. Нікодимъ равнимъ начиномъ у непремѣнной любви кодъ обадва ова честна племена до смрти свое заостане.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19Ср II 162.1

